1964 г.

АКАД. Д. М. ПЕТРУШЕВСКИЙ

П 61

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Издание четвертое,
вновь исправленное и дополненное

Карело-Финская ССР
БИБЛИОТЕКА
Государственного Университета
г. Петрозаводск
проспект Ленина № 89

В КАТАЛОГ ВКЛЮЧЕНА

БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1937

9 (42)
П 31

Редактор *И. Монько*
Техред *О. Прохорова*
Корректоры: *М. Гольдбурт и Ф. Черномордик*

Сдано в набор 3/V-37 г. Подписано в печать 31/XI-37 г. ОГИЗ № 1933. Заказ № 853. Тираж 10.000 экз. Формат $60 \times 92^1/_{16}$. $14^1/_2$ печ. л. Учебно-авт. объем 16,838 л. Серия монография. Уполн. Главлита Б-30 137.
Цена книги 3 р. 40 к. Переплет 1 р. 25 к.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный пер., 9.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Очерки из истории английского общества и государства» академика Д. М. Петрушевского выходят четвертым изданием.

Книга академика Петрушевского—немарксистская. Ей чужда теория общественных формаций. Феодализм для автора не общественная формация, а лишь определенная форма политического устройства, представляющая систему соподчиненных сословий, организуемых государством для своих целей. Автор прекрасно знает, что этот политический строй предполагает определенную социальную основу и прежде всего личную и хозяйственную зависимость значительной части народной массы от «хозяйственно и социально сильных элементов общества». Но феодальными в строгом смысле слова он считает лишь возникающие на этой почве политические отношения.

Расхождение этого понимания феодализма с марксистским не только терминологическое. Государство выступает у Петрушевского, как какая-то надклассовая сущность, его цели носят надклассовый характер. Это понимание оказывает значительное влияние на всю конструкцию книги.

Автор считает возможным давать историю английского государства в известном отрыве от важнейшего момента, определяющего весь строй этого государства,—от классовой структуры общества, от классовой эксплоатации, от главной линии классовой борьбы. Большинство английского народа—крепостные, вилланы отсутствуют в его политической истории Англии. Говоря нередко о «народе», он понимает под этим термином рыцарство, горожан, свободное крестьянство (точнее его верхушку), но не вилланов. Между социальной историей Англии, изображаемой автором в его известной книге «Восстание Уота Тайлера», и политической историей страны возникает разрыв. Не видно, как борьба классов, в частности стремление феодалов к усилению эксплоатации крепостных крестьян, определяла развитие английских политических форм, английского права, часто защищавшего рыцаря или зажиточного свободного крестьянина от произвола феодала, но неизменно враждебного виллану.

Игнорируя классовую сущность феодального государства, автор идеализирует политический строй средневековой Англии, преувеличивая в нем элементы «правового порядка». В «Восстании Уота Тайлера» автор идеализировал положение английского виллана, подчеркивая юридическую обеспеченность его прав и «гармонию» его интересов с интересами помещика. В «Очерках из истории английского государства» виллан отсутствует совсем, и с английского «правового государства» снимается позорное

клеймо крепостничества. Автор рассматривает английский феодализм, как «нормальный», типический. Отличительным его признаком является наличие сильной центральной власти, выступающей в качестве организатора феодального государственного порядка в том смысле, в каком понимает его автор. В противоположность большинству ученых, видевших в политической раздробленности один из характернейших признаков феодализма, автор полагает, что «феодализм не раздроблял, а сплачивал общественные силы, реорганизуя их в систему государственных сословий», и не его вина, что у государства не всегда было достаточно силы, чтобы заставить созданную им организацию выполнить поставленные ей задачи обеспечения внутреннего и внешнего мира государственного целого. Тот феодализм, который наблюдался во многих странах континента, тот, носителем которого являлись в Англии бароны, феодализм, связанный с ростом политической самостоятельности феодалов и с ослаблением центральной власти, представляется автору отступлением от нормы «вырождением» феодализма. Конечно, с этим нельзя согласиться. «Рассеяние суверенитета», соединение политической власти с собственностью на землю представляет один из характерных признаков феодализма, вытекающий из основных марксистско-ленинских определений феодального способа производства и феодальной собственности. Развитие сильной центральной власти в феодальном государстве связывается с наличием в нем нефеодальных элементов, поддерживающих эту власть. Приводимые автором примеры подтверждают это наблюдение: в империи Карла Великого еще не завершен процесс феодализации, Римская империя, сделав значительные шаги в сторону развития феодализма, остается еще по существу рабовладельческой, абсолютизм в Московском государстве связан с разложением феодализма (как и абсолютизм в других европейских странах). Автору хорошо известна и специфика английского общественного строя, сохранившего очень много дофеодальных элементов («свободное» крестьянство, крепкую сельскую общину, собрания сотен и графств), и где в то же время феодализм подвергается раннему разложению. С этими особенностями связаны и особенности английского политического строя, который едва ли можно признать «нормальным» и типическим для феодализма в его классической форме. Отрыв социального развития от политического, неправильное понимание роли государства являются источником и этой ошибки. Наконец, его утверждения (введение, стр. 2) о «генезисе современного капитализма», попытки поставить под сомнение самое понятие «капитализм», давно уже определенное и раскрытое классиками марксизма-ленинизма, показывают насколько ошибочны, несостоятельны эти теоретические построения автора. Но тем не менее книга академика Петрушевского имеет ряд крупных достоинств, делающих ее ценным руководством при изучении политической истории средневековой Англии. Автор превосходно знает материал и излагает его четко, систематически и достаточно полно.

ОТ АВТОРА

Это новое, четвертое издание «Очерков» не является простой перепечаткой третьего (1930 г.), тщательно переработанного и дополненного. За последнее время в Англии появился ряд работ, по-новому осветивших политический кризис второй половины XIII в. и, в частности, совсем в ином свете представивших деятельность временного правительства, созданного Оксфордским парламентом 1258 г. До сих пор в баронах, взявших в свои руки власть в результате революции 1258 г., видели просто олигархов, которые имели в виду лишь свои узко сословные интересы и доставшейся им властью пользовались лишь для их возможно полного удовлетворения. Мнение это опиралось на показания некоторых источников летописного характера, недостаточно исследованные и не поставленные в связь с данными документов, до тех пор не привлекавшихся к изучению этой эпохи. В настоящее время, после исследования Jacob'a, Powickè'a и Treharne'a, для нас стало ясным, что захвативший в свои руки верховную власть Совет пятнадцати был одушевлен искренним стремлением к коренным реформам в управлении, имевшим в виду интересы широких слоев населения, и с первых же шагов своей деятельности решительно взялся за проведение их в жизнь, не останавливаясь перед самыми радикальными по тому времени мероприятиями, и что, если его реформаторская деятельность продолжалась лишь короткое время, в течение которого он все же успел сделать очень много, то причиной этого было отсутствие согласия среди членов совета и среди баронства, на которое он опирался, что позволило королю и его приверженцам расстроить так удачно сложившуюся было на первых порах комбинацию. Выпуская в свет новым изданием эти свои «Очерки», автор счел необходимым внести поправки в свое изложение деятельности временного правительства 1258 г. и дополнить его новыми материалами.

Д. Петрушевский

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемые читателям «Очерки» выходили в свет дважды, в 1903 и в 1909 гг., входя в издававшуюся Акционерным обществом Брокгауз-Ефрон под редакцией Н. И. Кареева и Н. В. Лучицкого серию «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время». Они ставили себе весьма скромную задачу: по возможности конкретно изобразить лишь некоторые основные моменты в истории государства и общества средневековой Англии, чтобы сделать понятным общий ход ее политического развития и выяснить генезис тех ее государственных учреждений, которые потом стали достоянием всего цивилизованного мира. Англо-саксонское развитие с его политической и социальной стороны, Нормандское завоевание и его определяющая роль в политической эволюции средневековой Англии, организация англо-нормандского государственного порядка, смутное время в английском государстве и реформы Генриха II Плантагенета, Великая хартия вольностей, политическая борьба второй половины XIII в. и возникновение парламента—вот темы и вопросы, с которыми имел дело читатель «Очерков». Ему было обещано продолжение этих «Очерков» (ввиду этого они были обозначены на заглавном листе как «часть первая»), в котором имелось в виду проследить быстрый и сильный рост парламентской свободы и форм, в которых она осуществлялась, а также подробно остановиться на хозяйственной и социальной эволюции Англии, как она развивалась после Нормандского завоевания до конца средних веков, но обещание это так и осталось невыполненным.

Ровно четверть века прошло со времени первого издания этих «Очерков» (второе издание представляло лишь простую перепечатку первого), и за это время вопросы, которым они были посвящены, получили во многом иную постановку и иначе были освещены в английской научной литературе, чем это было в конце прошлого и в начале нынешнего столетия, когда в ней господствовала в известном смысле националистическая точка зрения на генезис английских государственных учреждений, видевшая в них дальнейшее развитие прежде всего чисто германских, англо-саксонских порядков, выводившая английскую конституцию и английскую политическую и гражданскую свободу из романтически, в духе романтической школы, истолкованных политических и социальных условий, в которых находились описанные Цезарем и Тацитом германцы. В настоящее время эта точка зрения, свое классическое выражение нашедшая в трудах Фримана и Стэббса,

уже отошла в прошлое. Теперь исследователи английского далекого прошлого сильно подчеркивают роль континентальных влияний в процессе генезиса английских учреждений, не умаляя при этом всего своеобразия этих учреждений, сообщенного им своеобразным ходом исторического процесса, как он развивался в английских условиях, и особенно большое значение придают феодальным порядкам, перенесенным из Нормандии Вильгельмом Завоевателем на уже подготовленную почву и здесь получившим дальнейшее развитие в соответствии с созданными Нормандским завоеванием общими политическими условиями. Пересматривая свои «Очерки» для нового издания, автор, естественно, должен был со всем вниманием отнестись к взглядам, постепенно возобладавшим в английской историографии, да и собственные его взгляды по основным вопросам средневекового развития не остались за это время без изменений. Основное содержание «Очерков» сохранилось и в этом новом, тщательно пересмотренном и исправленном издании; они попрежнему остались очерками политического развития средневековой Англии; автор счел при этом нужным не только исправить все то, что нуждалось в исправлении, но и внести в текст ряд существенных дополнений, чтобы сделать во многом более ясным и отчетливым представление читателя о государственном строе тогдашней Англии и об его эволюции; счел он нужным и расширить хронологические рамки «Очерков» и посвятить ряд новых страниц истории английского парламента в XIV и XV вв., в течение которых все отчетливее и отчетливее вырисовывался внешний и внутренний облик его, росла его политическая сила и расширялась его компетенция, а также судебным порядкам, как они сложились в Англии за это время, оттеснив совершенно на задний план старые «народные» учреждения, судебные собрания сотни и графства, а также учреждения феодальные (феодальные курии), которые постепенно уступили свое место органам королевской юстиции как центральным, так и местным и до сего времени сохраняющим свою компетенцию и свою структуру. Автору казалось нелишним внести в свои «Очерки» еще одно дополнение, но уже несколько иного характера. И в связи с новыми течениями в английской историографии и в результате собственных размышлений о существе феодального порядка как такового автор все более и более утверждался в мысли, что английский феодализм благодаря своеобразию английского политического развития, как оно сложилось после Нормандского завоевания, представляет собою нормальный феодальный порядок—как определенными признаками характеризующуюся форму государственного устройства и управления, опирающуюся на определенную социальную структуру общества—и в этом отношении приближается к своему идеальному типу, что средневековая Англия после Нормандского завоевания может быть рассматриваема как нормальное феодальное государство, а ее эволюция—как нормально протекавшая эволюция феодального государства, постепенно заменявшего свой

феодальный аппарат иными по их социальной природе правительственными органами, что сообщает истории средневековой Англии помимо общеисторического интереса еще и глубокий социологический интерес. История средневековой Англии не только глубоко интересует всякого культурного человека как местная лаборатория, в которой вырабатывались высокие культурные ценности, ставшие достоянием всего культурного человечества, но она в исключительно высокой мере поучительна и в том отношении, что ее весьма индивидуальный процесс представляет собой нормальный процесс эволюции нормального феодального государства, притом протекавший с редкой ясностью и отчетливостью, и тем бросает яркий свет на социологическое существо феодального порядка.

И вот, чтобы сделать для читателя ясным такое понимание политической истории средневековой Англии, автор счел нужным предпослать конкретному изложению этой истории теоретическое *введение* и в нем изложить свои соображения о феодализме как определенной форме государственного устройства и управления и об английском феодализме как его идеальном типе.

В таком виде выпуская в свет свои «Очерки», автор считает себя в праве рассматривать их как законченную работу, а не как лишь первую ее часть.

ВВЕДЕНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА[1]

I

Полная определенность и ясность общих понятий и совершенно отчетливая их формулировка в такой же мере необходимы для исторической науки, как и для всякой другой, и, может быть, никогда эта потребность так остро не ощущалась исторической наукой, как в настоящее время, когда все более и более выясняется логическая природа и структура исторического изучения и тем обнаруживается все с большей и большей непререкаемостью историческая основа всех наук об обществе и культуре. Все общественные науки ориентируются на «историю», вернее—сами являются составными частями ее как науки об общем и в то же время как науки об индивидуальном[2]. В успехах исторического изучения заинтересованы все общественные науки, а ясность и отчетливость общих понятий, представляющих собою продукт логической переработки исторической действительности, является необходимым условием этих успехов.

Между тем достаточно беглого взгляда на современное состояние общественных наук, чтобы не оставалось сомнения, что в самых основных вопросах исторического изучения дает себя знать большой разброд общих понятий. Контроверсы, сосредоточивающиеся около таких вопросов, как вопрос об экономическом развитии древнего мира, о генезисе современного капитализма, в связи с этим и о средневековом капитализме, о натуральном хозяйстве как основе общественного и политического строя средневековой Европы и т. п., несомненно свидетельствуют о большом оживлении в ученом мире современной Европы, лишь недавно пережив-

---

[1] Первоначально напечатано в юбилейном сборнике в честь проф. Н. И. Кареева «Из далекого и близкого прошлого», 1923 г.

[2] Подробнее об этом я говорю во «Введении» к своим «Очеркам из истории средневекового общества и государства», изд. 4-е и 5-е, а еще более обстоятельно—во «Введении» к моим «Очеркам из экономической истории средневековой Европы», Москва 1928 г.

шей великую бурю, и в то же время вскрывают и ярко освещают основной дефект европейской общественной науки—невыясненность ее основных понятий, тех основных социологических категорий, без которых совершенно немыслима никакая научная работа над явлениями общественного развития. Многое в этих ученых спорах объясняется тем, что спорящие обозначают одними и теми же словами далеко не одни и те же понятия. Это последнее обстоятельство не в малой мере имеет своей причиной недостаточное внимание исследователей к логической природе применяемых ими понятий. В спор о генезисе современного капитализма, например, было бы внесено больше ясности, если бы спорящие давали себе вполне ясный отчет в том, что понятие «капитализм» имеет не одно и то же содержание и не один и тот же объем в зависимости от того, будем ли мы его рассматривать как категорию чисто историческую или же как категорию социологическую, т. е. будем ли мы соединять в понятии «капитализм» общие черты, типические для капиталистического строя Европы XIX и XX вв. в его индивидуальности, или же, не ограничиваясь материалом экономического развития Европы названных двух столетий, будем изучать капиталистическое развитие и в древнем мире, и в средневековой Европе и везде, где только его можно наблюдать, с целью выяснения и конструирования понятия «капитализм» в его социологическом существе, как категории вневременной и внепространственной и в то же время применимой ко всякому времени и ко всякой широте и долготе, где только наблюдаются явления капиталистического порядка. Недостаточно ясное разграничение *социологических категорий и категорий исторических* наблюдается во всех отраслях обществоведения и является одним из главных источников недоразумений и споров по основным вопросам западноевропейского развития, затрудняя правильную их постановку и их приемлемое для всех решение.

Да и самая проблема выяснения логического существа этих категорий не достаточно ясно сознается как настоятельно требующая к себе внимания очередная задача, стоящая на первом месте в порядке сегодняшнего дня. Те общие понятия, которыми пользуется современная историческая наука, требуют тщательнейшей логической обработки именно с этой точки зрения, и только тогда станет ясным их логический характер, и вместе с тем выяснится и их методологическая ценность. Тогда, может быть, не будет вызывать недоумения и «вотчинный капитализм» (der grundherrliche Kapitalismus), который Допш видит в средневековой Европе, и окончательно будет ликвидирована натурально-хозяйственная концепция средневекового развития, и «городское хозяйство» (Stadtwirtschaft) перестанет быть бледным силуэтом средневекового города в его явно немецкой и мелкопровинциальной индивидуальности и приобретает идеально типические черты социологической «утопии»; также, может быть, и случаи модернизации станут редкостью: разумею совершенно недопустимое

логически навязывание *историческим* категориям «непосильной для них *теоретической* службы», т. е. применение их в качестве социологических категорий, перенесение их из той индивидуальной, исторической обстановки, в которой они только и применимы, в иную, столь же индивидуальную историческую обстановку; а с другой стороны, перестанут смущать случаи истолкования и конструирования явлений отдаленного прошлого в терминах понятий, выработанных прежде всего на материале новейшего развития, раз эти по своему происхождению чисто исторические понятия были переработаны в социологические категории. Тогда, быть может, получит определенно социологическую постановку и «феодализм», в которой он так нуждается в настоящее время.

II

Давно уже отошло в прошлое то время, когда словом «феодализм» обозначали явления исключительно из истории средневековой Европы, понимая, следовательно, феодализм как категорию вполне историческую. Нельзя сказать, чтобы в эту категорию внесена была тогда полная ясность и определенность. Но все же надо сказать, что ясности и определенности у исследователей, живших и писавших о феодализме в первой половине XIX в., было несравнимо больше, чем у их преемников. Можно в общем сказать, что более ранние исследователи понимали феодализм как известный *политический* порядок, порожденный рассеянием суверенитета, и для них шел вопрос лишь о том, какие причины в истории средневековой Европы вызвали к жизни это явление. Исследователи, писавшие о феодализме во второй половине прошлого века, приступали к изучению феодализма, одушевленные интересом к социальной и хозяйственной истории, желая понять и истолковать феодализм как известный общественный порядок, обусловленный прежде всего хозяйственными соотношениями. Поместный строй и сельская община, крепостное право, барщина, натуральное хозяйство—вот темы, на которые было теперь направлено внимание исследователей феодализма, и чем дальше, тем все больше и больше проблема феодализма превращалась в проблему социальной и хозяйственной истории. В то же время с успехами сравнительно-исторических изучений становилось все более и более ясным, что феодальный порядок не есть продукт местного, европейского средневекового развития, что феодальные явления можно наблюдать и в древней Греции, и в Риме, и в обществах древнего Востока, и у славянских народов, и у арабов, и в Японии и в Китае, что едва ли можно назвать такое общество, которое не переживало бы в том или ином виде феодализма; и этнология, со своей стороны, лишь подкрепляла данными своих наблюдений правдоподобие такого заключения. «Феодализм» переставал быть категорией чисто исторической и становился категорией

явно социологической. Мы должны это признать совершенно недвусмысленно. Ход развития исторических изучений поставил нас лицом к лицу перед *проблемой конструирования «феодализма» как социологической категории*. Это—очередная задача исторической науки, и ее разрешение настоятельно необходимо для дальнейших успехов изучения общественной эволюции. Необходимо конструировать идеально-типический образ феодализма, в котором объединены были бы рассеянно и раздельно в конкретной исторической действительности существующие типические черты феодализма в свободную от свойственных конкретной действительности противоречий законченную картину. Этот идеально-типический образ, естественно, не совпадал бы ни с какой конкретной индивидуальной действительностью и являлся бы лишь чистым, предельным понятием, к которому примеривался бы всякий конкретный индивидуальный порядок и от этого становился бы понятным и ясным в своей индивидуальности. Не совпадая ни с одним конкретным индивидуальным случаем феодального развития, такой идеально-типический образ феодализма в то же время являлся бы, таким образом, ключом для понимания каждого такого случая, представляя собою социологическую категорию, без которой не может существовать и нормально развиваться историческая наука, даже если бы она видела свое единственное призвание в изучении исторической действительности исключительно индивидуализирующем.

Возвести феодализм из исторической категории в категорию социологическую вовсе не значит признать феодальный порядок неизбежной ступенью, через которую «должно» пройти всякое человеческое общество, и нам кажется, что после сделанных нами разъяснений нет надобности входить в рассмотрение этого пункта.

Индивидуализирующее, идиографическое изучение и изучение генерализирующее (номографическое) идут рука об руку, одно помогая другому, одно делая возможным другое. Едва ли есть надобность распространяться о том, что конструирование идеально-типического образа феодализма возможно лишь путем самого интенсивного исследования возможно большего количества случаев феодального развития во всей его индивидуальности в каждом отдельном случае, но что, с другой стороны, эта работа сильно тормозится тем, что приходится проделывать ее, не имея в распоряжении хотя бы гипотетического, но более или менее определенного представления о феодализме и феодализационном процессе как об определенном общественном порядке, вызванном определенными причинами и имеющем определенный социологический смысл.

Это затруднительное положение, в которое попадает в настоящее время исследователь, интересующийся феодализмом, станет ясным, если обратить внимание на то, что ставшая популярной хозяйственная ориентировка феодализма в последнее время

потерпела едва ли не полное крушение, во всяком случае получила ряд весьма чувствительных ударов после того, как все более и более стала выясняться вся иллюзорность натурально-хозяйственной концепции средневекового строя. В моей работе «Феодализм и натуральное хозяйство», а также в заключении моих «Очерков из истории средневекового общества и государства» (изд. 4-е и 5-е) я более пространно рассматриваю этот вопрос и прихожу к заключению, что феодализм не может быть ориентирован не только на натуральном хозяйстве (которого не существовало в средние века), но и на хозяйстве вообще, что, конечно, феодальные соотношения связаны со всеми другими общественными соотношениями, а, следовательно, и с хозяйственными, но что нельзя констатировать особенно тесной, интимной связи между феодальными и хозяйственными соотношениями, что феодализм не создал особых феодальных форм хозяйства и довольствовался приспособлением к своим надобностям до него сложившегося поместного строя с его барщиной, «крепостничеством» и всеми другими особенностями хозяйственного и социального строя поместья, как он довольствовался и вообще лишь приспособлением и других до него сложившихся форм жизни, не подвергая общественного и политического порядка радикальной ломке. В результате этого рода соображений я прихожу к мысли, что ближе были к пониманию существа феодализма старые историки, сосредоточивавшие свое внимание на рассеянии суверенитета, видевшие в феодализме явление политического, государственноправового порядка. Не в этом ли направлении и нам следует двигаться, отправляясь на поиски типических черт феодального строя и феодального процесса? Не следует ли, скрепя сердце, убрать все те историко-хозяйственные сооружения, которыми почти совершенно застроена вся территория феодализма, и вернуть феодализму то государственноправовое значение, которое ему по праву принадлежит, восстановить его в его правах как категорию по основному своему существу политическую?

Конечно, мы более сложно и более социологически мыслим, чем историки отдаленного прошлого; многие годы и десятилетия европейского научного развития не прошли для нас даром и обогатили наше понимание исторического процесса, его соотношений и его результатов, и мы осязательно чувствуем всю сложную социологическую обусловленность и феодального развития и феодального строя. В частности для нас вполне ясна социальная обусловленность феодального порядка, та социальная обстановка, которая является необходимой предпосылкой феодального порядка как определенной формы государственного строя, и государственного управления, тот социальный строй, на котором зиждется феодальная система государственного управления и который представляет собою организованную государственной властью из наличного социального материала *систему политически соподчиненных государственных, в той или иной мере тяглых сословий.*

Мы ясно представляем себе, что феодальный государственный порядок немыслим был бы без предшествовавшего ему процесса социальной диференциации, сделавшей возможной аристократическую структуру общества и личную и хозяйственную зависимость значительной части массы от хозяйственно и социально сильных элементов общества и заставившей государственную власть вмешаться в этот гетерогенный по существу процесс и дать ему соответствовавшее ее государственным целям направление, организовав сложившиеся в процессе этой диференциации общественные классы в государственные сословия и возложив на каждое из них соответствующее его социальной силе и роду жизни государственное тягло, проводя таким образом в жизнь то, что можно назвать принципом *государственного разделения труда*. Этот предшествующий возникновению феодального строя процесс социальной диференциации протекал в разных обществах по-разному в смысле вызывавших и двигавших его условий и сил, но общий социальный результат его был везде один и тот же: аристократическая структура общества и зависимость массы от верхнего слоя. В какой именно конкретной форме использует для своих надобностей государство эти социальные соотношения, какой конкретный, индивидуальный облик получит тот феодальный строй, который будет организован государством на этой социальной основе (будет ли это, например, городской феодализм, через который проходили на ранних ступенях своего развития города-государства античного мира с их синойкизмом правящего и военного сословия и поселением его внутри городских стен, или же более широко известный феодализм новой Европы с представителями военного и правящего сословия, не перестававшими обыкновенно жить в своих деревенских поместьях и замках, как жили до поры до времени и феодалы античного города-государства), это будет зависеть от всей индивидуальной совокупности индивидуальных условий каждого данного случая. Но какова бы ни была индивидуальная форма феодального строя, *следует строго различать феодальный строй от его социальных и хозяйственных предпосылок* и твердо помнить, что феодальные соотношения по существу— соотношения политические, что это лишь та власть и та зависимость между социальными группами, которая имеет исключительно политическую природу и возникла в результате (в конечном счете) передачи государственной власти представителям и социально уже сильного, и социально уже властвовавшего над массой высшего и ставшего теперь правящим сословия. Коммендация, патронат (сеньерат), развитие частной власти не есть еще феодализм; это еще чисто социальные результаты процесса социальной диференциации, это еще лишь социальные предпосылки феодализма, его социальная подготовка. Возникшая на основе коммендации частная власть сеньера сама по себе есть не более, как *частная* власть, возникшая в результате частного соглашения, частного договора сторон, и такой она и остается до тех пор, пока созданными на ее почве

отношениями не заинтересовывается государственная власть (как это было в средневековой Европе) и не наделяет сеньера государственноправовыми полномочиями, осложняя таким образом его частную власть над его «людьми» элементами власти государственной; этими же элементами государство осложняет и чисто экономическую, по существу также частную, власть крупного землевладельца над держателями его земли, раз оно наделяет его публичноправовыми полномочиями в отношении к этим последним. Феодализм начинается лишь с этого момента, с этой передачи, с этого перехода в руки представителей социальной и хозяйственной силы публичной, государственной власти над массой. *Феодализм*, если говорить о западноевропейском средневековом феодализме, *начинается лишь с иммунитета*. Все, что ему предшествует, лишь социальная подготовка феодализма.

III

При таком понимании феодализма, видящем в феодализме одну из форм государственного устройства и управления, имеющую свое определенное социальное соответствие и опирающуюся на него, как на свою социальную основу, едва ли может быть приемлемым столь популярное в ученом обиходе противопоставление политического, государственного феодализма феодализму социальному: всякий феодализм по самому существу своему является ведь феодализмом государственным, и выделять неотъемлемую от него его социальную сторону в какую-то самостоятельную категорию представляется при этом явным недоразумением.

Таким же недоразумением представляется и противопоставление феодализма и широкой государственности как двух совершенно несовместимых друг с другом порядков. Согласно этой концепции феодализм является в результате разложения широкой государственности и распада государственного организма, процесс феодализации понимается как болезнь, разъедающая государственное тело. Что феодализм вполне совместим с широкой государственной организацией и как раз и создавался для удовлетворения насущных потребностей этой последней, об этом только что была речь, когда высказывались соображения о генезисе феодального порядка как определенного способа организации государственного управления, вызываемого к жизни в связи с успехами социальной диференциации, развивавшейся в данном обществе. Монархия Карла Великого, английское королевство Вильгельма Завоевателя и его преемников, подлинная Римская империя IV и V вв., Московская Русь XVI и XVII вв.,—мы берем самые яркие примеры феодальных государств, чтобы сделать сразу ясным высказанное суждение. Фюстель де Куланж определял государственный строй империи Карла Великого как централизованный феодализм, противопоставляя при этом этот легализованный и цен-

трализованный феодализм феодализму бытовому, т. е. в сущности тем чисто социальным соотношениям, которые, на наш взгляд, представляют собою лишь социальную предпосылку феодализма, а не самый феодализм как определенный государственный порядок. Централизованный и легализованный феодализм, о котором говорит Фюстель де Куланж, и был тот феодализм, какой только и существовал в империи Карла Великого, организованной с помощью также и тех приемов и средств, которые собственно и составляют то, что следует понимать под феодализмом, если стремиться к ясности и определенности общих понятий. О королевстве Вильгельма Завоевателя будет речь потом. Что до Римской империи IV и V вв., то едва ли могут возникать сомнения насчет ее централизованности. Достаточно вспомнить, каким тяжким ярмом была для общества та феодальная система, в железные рамки которой, как в прокрустово ложе, была насильственно втиснута вся его жизнь; достаточно хоть сколько-нибудь отчетливо представить себе, до какой степени неумолимо государственная власть игнорировала частные интересы членов тяглых государственных сословий, превращая их в рабов «республики», существующих лишь для отправления возложенного на них государственного тягла (functio), чтобы не оставалось никаких сомнений, что в Римской империи IV и V вв. чисто феодальный принцип реорганизации общества государством в систему государственных тяглых сословий, обязанных служить интересам государственного целого в меру и соответственно характеру своих сил и средств, был осуществлен с небывалой определенностью и неумолимостью, сообщая римскому феодализму этой поры иногда характер подлинного государственного социализма. Суровая государственная необходимость, напряженная борьба за существование с все более и более слабевшим культурно обществом привели империю Диоклетиана и его преемников к этой феодальной организации, которая означала концентрацию ее сил и средств, а не разложение государственного единства.

История Римской империи бросает яркий свет на процессы политического и социального развития, совершавшиеся в Московской Руси, а между тем наука русской истории, можно сказать, совершенно игнорирует те в высокой мере назидательные поучения, которые ей щедрой рукой предлагает империя Диоклетиана и Константина. Достаточно сопоставить римский колонат с крепостным правом Московского государства, чтобы бросилось в глаза поразительное сходство и самих этих институтов, и тех причин, которые вызвали их к жизни. Для постороннего наблюдателя кажется прямо непонятным, почему исследователи генезиса русского крепостного права совершенно, можно сказать, отворачивались от поразительной по своему сходству с процессом возникновения русского крепостного права картины генезиса римского колоната, не желали замечать государственноправовой сущности русского колоната и его государственной прежде всего

обусловленности, предпочитая углубляться в выяснение корней и нитей русского холопства, явления из области частного права, не оставшегося, конечно, без влияния на выработку бытового облика крепостного права, но никоим образом не родственного с ним по своей юридической природе, и даже не без иронии относясь к мысли видеть в крепостном праве государственный институт, созданный государственной властью. Признавая за русской государственной властью в общем чрезвычайно активную и творческую роль в процессе организации московского общества и государства, почему-то в этом случае русские исследователи отказывали ей в самой малой активности, сводя ее роль в деле возникновения русского крепостного права к простой регистрации самой жизнью созданного явления. Оказал ли здесь влияние аналогичный взгляд на римский колонат Фюстель де Куланжа, тоже ведь, как известно, отстранявшего государство и много говорившего о задолженности колонов, не беремся судить. Для нас ясно только, что изучение генезиса русского крепостного права должно со всем вниманием отнестись к тому, что дает история римского колоната, и что только тогда станет более ясным и этот генезис, и тот общий факт, что возникновение русского крепостного права есть один из элементов процесса феодализации Московского государства в такой же мере, в какой генезис римского колоната является одним из столь же существенных элементов феодализации Римской империи в смысле реорганизации общества государством в систему политически соподчиненных государственных сословий, что *вопрос о генезисе русского крепостного права есть вопрос из истории русского феодализма*.

IV

Феодализм не означает, таким образом, разложения государственного единства, вполне совместим с широкой государственной организацией и даже представляет собою одну из ее разновидностей. Правда, он, при наличности известных условий, может *выродиться* в политический партикуляризм, и, может быть, в самой социальной структуре и основе феодального государства есть немало к тому возможностей. При наличности соответствующих условий, нарушающих равновесие между центральной властью и представителями так называемой «частной» власти, может наступить ослабление общих государственных связей и превращение представителей частной власти, по крайней мере, самых могущественных из них, в почти или вполне самостоятельных князей, а их феодальных владений в почти или вполне самостоятельные государственные территории, как это произошло с империей Карла Великого и с выделившимися из нее обширными государственными образованиями, например, с Францией эпохи первых Капетингов. Но можно ли говорить о Франции этой эпохи как об едином феодальном и даже типически феодальном государстве? Не вер-

нее ли рассматривать ее как ряд в сущности независимых государств, номинально связанных фиктивной феодальной связью и представляющих собою каждое в настоящем смысле слова феодальное государство со всеми его типическими особенностями, и политическими и социальными? Но можно ли сказать, что Франция эпохи первых Капетингов была раздроблена на ряд в сущности самостоятельных государств в результате процесса феодализации как таковой?

Даже историки, отдающие себе ясный отчет в социологической сущности феодализма и очень настаивающие на возможности и необходимости понимания его как широкой государственной организации (например Seeliger), все еще не могут вполне освободиться от предрассудка считать чуть ли не истинным феодализмом как раз тот государственный порядок (или, вернее, беспорядок), который наступил после крушения каролингской империи. Неудивительно, что в широком обиходе образование феодального строя обычно понимается как явление болезненное, приводящее к упадку и регрессу и само представляющее собой яркий симптом упадка и регресса. Уже Мэтланд решительно протестовал против привычки историков говорить о феодализме как о болезни общественного организма («as though it were a disease of the body politic») и настаивал на том, что «феодализм означает цивилизацию, обособление занятий, разделение труда, возможность национальной защиты, возможность искусства, науки, литературы и ученого досуга», что «собор, scriptorium, библиотека являются также бесспорно делом феодализма, как и баронский замок», что феодализм не есть движение назад (a retrogression), а нормальная ступень здорового в общем роста («in the main of normal and heal thy growth»), хотя она и связана с подчинением крестьянства сеньериальной юстиции и превращением свободной деревни в поместье (manor) с его вилланами (Domesday Book and Beyond, 223). Hofrechtliche Theorie (вотчинная теория) в настоящее время уже утратила власть над учеными умами, и мы уже не склонны приписывать феодализму глубоких перемен и в социальном и в политическом строе средневекового общества и в частности в процессе феодализации видеть процесс закрепощения крестьянской массы и раздробления государства на кружки частных интересов. Феодализм сам по себе не создавал крепостничества и не только не разбивал государственного единства, но стремился к его укреплению как раз путем привлечения к общей государственной работе возникших в результате процесса общественной диференциации социальных образований, путем огосударствления сложившихся в сфере влияния частной власти общественных организаций. *Феодализм не раздроблял, а сплачивал общественные силы*, реорганизуя их в систему государственных сословий, и не его вина, что не везде у государственной власти сохранялось достаточно силы, чтобы заставить созданную ею государственную организацию выполнять поставленные ей задачи

обеспечения внутреннего и внешнего мира государственного целого до тех пор, пока жизнь не создала для государственной власти новых возможностей иными способами, с помощью иного по его социальной природе государственного аппарата, разрешать те же и того же характера задачи.) История средневековой Англии совершенно определенно свидетельствует о том, что феодальное государство в истинном значении этого термина при нормальных условиях именно в этом последнем направлении и эволюционирует, постепенно заменяя феодальные способы управления иными по мере того, как жизнь создавала необходимые для этого возможности. *Историю средневековой Англии можно признать нормальной историей нормального феодального государства*, и ввиду этого можно сказать, что изучение ее может много дать для уяснения социологического существа феодализма.

Процесс феодализации в смысле социальной подготовки феодального строя и в смысле организации феодального государства шел в англо-саксонской Англии тем же в общем путем, что и на континенте Европы. Так называемое Нормандское завоевание, как известно, никакой радикальной ломки в этом отношении не произвело. Наоборот, оно, укрепив чрезвычайно центральную власть, дало ей возможность сообщить бо́льшую определенность и прочность и феодальным формам и соотношениям. Англия после 1066 г. становится образцом феодального государства. Ее феодальный аппарат всецело находился в руках центральной власти и служил техническим средством для разрешения ею задач общегосударственного управления. Как ни велика была и социальная сила, и юрисдикционные, и иные чисто публично правовые полномочия представителей ее военного и правящего сословия, тем не менее, это было служилое сословие государства, которое должно было нести тягло, указанное ему верховной властью, наряду с другими тяглыми сословиями государства. Вильгельму была принесена в Солсбери верноподданническая присяга всеми землевладельцами Англии, которые поклялись быть верными ему «против всех людей». Военные вассалы все должны были нести военную службу исключительно королю, чьими бы вассалами они ни были. Так ведь было и в империи Карла Великого. Таков был и вообще основной смысл феодальной военной системы, требовавшей от сеньеров военной службы их вассалов для общегосударственных надобностей и возлагавшей на сеньеров ответственность за выполнение их вассалами этой государственной натуральной повинности. Феодализм сделал с Нормандским завоеванием и теоретические успехи, конструировав все земельное право страны как право феодальное, рассматривал каждого землевладельца как феодального держателя земли, верховным собственником которой являлся сам король.

Как бы для того, чтобы еще более подчеркнуть истинно государственное существо феодального порядка, как он окончательно сложился в Англии после Нормандского завоевания, истории угодно было внести в английское развитие некоторые ослож-

нявшие его элементы, которые, в конце концов, лишь обеспечили нормальный ход его, а на первых порах должны были служить сознательным тормозом его, пытаясь направить его в совершенно другую сторону. Еще при жизни Завоевателя начинаются феодальные выступления баронов против организованного им феодального государственного порядка, которые проходят красной нитью едва ли не через всю историю средневековой Англии. Феодализм баронов сталкивался здесь с феодализмом, который отводил им не то место, на какое они рассчитывали, отправляясь с Вильгельмом на завоевание целой страны. В их голове не укладывалась мысль, что они не более, как члены тяглого военнослужилого сословия, которым, правда, много дано, но с которых много и взыщется. Для них феодализм означал княжескую независимость, неприступные замки, право частной войны, собственную монету. Они были носителями интересов и идей того политического партикуляризма, в который к тому времени уже в сильной мере успел выродиться на континенте, в особенности в тогдашней Франции, подлинный феодализм монархии Карла и его предшественников. Подлинная сущность баронского феодализма выяснилась с полной конкретной ясностью и совершеннейшей откровенностью в эпоху смуты, наступившей в Англии после смерти Генриха I, когда борьба между королем Стефаном и дочерью Генриха Матильдой создала условия, обеспечившие полное торжество и феодальных идей и феодальных интересов баронов. Но торжество это было все же кратковременно. Прочной почвы для политического партикуляризма в Англии не было.

Государственная власть имела здесь очень крепкий фундамент, и ей сравнительно скоро удалось восстановить государственный порядок и затем рядом реформ (начиная с Генриха II Плантагенета) постепенно урезать и те права представителей высшего служилого сословия, которые вполне были совместимы с широким государственным порядком.

Но это уже была общая ликвидация феодализма в Англии как системы государственного устройства и управления. Государственные сословия постепенно опять превратились в чисто социальные группы, в экономические классы, сильно изменившиеся в смысле своего хозяйственного удельного веса за тот период, когда они несли каждый свое государственное тягло и были поставлены в необходимые для этого публичноправовые рамки, а английское государство стало «правовым» государством, с классической английской конституцией, которой предстояло победное шествие по всему цивилизованному миру. И едва ли будет грехом против исторической истины, если мы скажем, что и в создании этой высокой культурной ценности сыграло свою роль и Нормандское завоевание и принесенный им в Англию «баронский» феодализм. Совершенно несовместимый и непримиримый с настоящим феодальным государственным порядком, организованным Вильгельмом и его преемниками, этот принесен-

ный с континента государственный партикуляризм, как программа-максимум баронов, постепенно превратился в конституционную программу, в программу ограничения монархической власти, введения ее в определенные рамки права и закона. Политически активное и в непрерывной политической борьбе организовавшееся и воспитавшее в себе навыки организованной защиты своих притязаний и прав, английское феодальное баронство сыграло в борьбе английского общества за политическую свободу руководящую роль.

Этими беглыми замечаниями и соображениями мы и ограничиваемся, имея в виду не решать здесь чрезвычайно сложную и важную социологическую проблему, а лишь указать на ее настоятельность, на то, что она должна быть поставлена в первую очередь, что того требуют самые насущные интересы современной исторической науки, которая не может двигаться полным ходом вперед, не имея в своем распоряжении ясно продуманных и отчетливо формулированных общих понятий.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АНГЛО-САКСОНСКОЕ РАЗВИТИЕ

Подобно другим римским провинциям Британия стала достоянием варваров тогда, когда империя, расшатав основы благосостояния, жизни и силы обществ, над которыми она была надстроена, которые поддерживали ее и содержали, уже не могла сколько-нибудь удовлетворительно исполнять свою главную задачу—защищать от внутренних и внешних врагов необъятный конгломерат стран и народов, постепенно вошедших в ее пределы. Единая организация, обнимавшая некогда весь древний мир, не могла уже дольше существовать, и окончательное падение ее было лишь вопросом времени. Она требовала от общества слишком много, и, чем дальше, тем требования эти все росли и росли, взваливая на общество все более и более тяжелое бремя, под давлением которого общество постепенно перестраивалось на новых началах, на началах государственного тягла, крепости государству. В интересах фиска низшие классы сельского населения, уже раньше утратившие экономическую самостоятельность, разрушенную ходом предшествовавшей истории, благоприятной росту крупного землевладения, закрепляются теперь за высшими и превращаются окончательно в наследственных полусвободных, крепких земле арендаторов, колонов. Как и занятие сельским хозяйством, и занятие ремеслом и торговлей также превращается в деятельность, имеющую в виду прежде всего интересы фиска, и в свою очередь становится наследственным занятием известных организованных групп; как земледелец прикрепляется к земле, на которой он работает, и тем самым к организованной сельской группе, во главе которой стоит помещик, наделенный от государства известными полномочиями, так и ремесленник и купец прикрепляются к коллегии, в которой государство также видит прежде всего свой фискальный орган. Равным образом и общественный деятель, член муниципального совета, куриал закрепляется за той группой, к которой он принадлежит, и превращается в крепостного, раба курии, и наследственно несет повинности общественной деятельности и фискальной ответственности, постепенно выступившей на первый план, все более и более тяжелой и разо-

рительной. В выигрыше остается одна лишь крупная землевладельческая аристократия, к которой переходит все то, что теряют более слабые элементы земельного класса, не вынесшие фискального гнета и экономической борьбы, аристократия, приобретающая социальное господство и иерархическое преобладание, которое в свою очередь наделяет ее всевозможными изъятиями насчет остальной массы, и без того изнемогавшей под тяжестью государства. В результате всего этого—полное материальное истощение общества, а также полное подавление и истребление политической и общественной самодеятельности и политического и общественного сознания, дезорганизация общества, ненависть общественной массы к государству и к привилегированным, знаменующаяся непрерывными волнениями и подчас грозными восстаниями. Вместе с материальной культурой падает и культура духовная; вместе с материальной обеспеченностью исчезает и политическая и общественная атмосфера, необходимая для здорового развития политической и общественной мысли, здоровой и жизненной литературы, поэзии, искусства и науки.

Истощив общество, римское государство принуждено было обращаться к варварам, чтобы пополнить ими ослабевшие армии и убывавшее земледельческое население. Варварские элементы все в большем и большем числе проникают в римское общество и варваризуют его. В конце концов, военную силу империи начинают составлять исключительно варвары, нередко целые германские племена, состоящие на службе у империи, которая, не располагая уже в достаточном количестве денежными средствами вследствие материального истощения своих плательщиков, принуждена теперь для содержания своих варварских войск обращаться к первобытной системе вознаграждения их, находя единственно возможным при полном крахе своего более развитого денежного государственного хозяйства выдавать им землю для поселения и обработки или же просто селить их на своей территории, обязав местное население давать им из своих средств кров и полное содержание. На территории империи появляется, таким образом, ряд варварских племенных групп, которые, сохраняя каждая свою государственно-племенную организацию с королем во главе, в то же время составляют военную силу империи, состоят на службе у империи, а их короли являются военными сановниками империи, нося соответствующие римские титулы (magister militum). Это поселение варваров на территории империи не всегда происходило мирным путем: не обходилось при этом иногда без резких столкновений между варварами и империей, без агрессивных действий с их стороны, без прямого захвата, который был тем легче для них, что не мог встретить серьезного отпора со стороны общества, вовсе не заинтересованного в защите ненавистного для него государства и не без основания смотревшего на варваров как на своих избавителей. В конце концов, варварские короли становятся и гражданскими сановниками империи,

распространяя свою власть в качестве *патрициев* и на туземное население занятых ими римских территорий и превращаясь таким образом в наместников императора. В заключение германские племена, жившие среди римского населения в качестве *федератов*, приступают к разделу земли между собою и этим населением, и распадение империи на ряд варварских королевств становится совершившимся фактом. Весь этот процесс получает юридическое завершение в незначительном по существу эпизоде 476 г., когда один из сменявших друг друга в последние годы империи главнокомандующих варварских войск и фактических властелинов ее, герул Одоакр, провозглашается королем германцев в Италии и лишает последнего римского императора (Ромула Августула) и той призрачной власти, которая перешла к нему от целого ряда столь же бессильных его предшественников.

Варвары не разгромили империи; она досталась им уже после того, как пришла в упадок от собственного внутреннего разложения. Можно даже сказать, что империя в интересах самосохранения постепенно впитала в себя варварские элементы, которые, проникнув в ее организм, довершили ее политическое и социальное перерождение. Если государство империи нуждалось в германцах для внешней охраны, то масса общества имела также весьма серьезные основания сочувственно относиться к занятию ими римской территории и к переходу к их вождям власти, постепенно выскользавшей из рук императора: вместе с римским владычеством падал и фискальный гнет, изнурявший население, потому что варвары устраивались на занятых ими римских территориях на более элементарных началах; политические потребности их были гораздо проще, удовлетворялись они непосредственно самим обществом путем натуральных государственных повинностей, и в той фискальной организации, которая таким тяжким бременем ложилась на общество в Римской империи, здесь не было надобности; да при элементарности хозяйственного строя варваров она не была и возможна. Поэтому под варварским владычеством римское население могло, наконец, вздохнуть свободно, окончательно перейдя к более элементарным общественным и политическим формам. На смену широкой и высокоразвитой государственности постепенно явились более узкие и более простые политические формы. Древняя культура постепенно падала и вырождалась в варварскую. Западная Европа делала крупный шаг назад.

Итак, не внезапная катастрофа, но постепенный процесс медленного перерождения римского государства и общества, постепенно воспринявшего в себя варварские элементы,—вот факт, который вполне может быть констатирован при изучении смены древнего мира средневековым[1].

---

[1] Более обстоятельно трактую я об этом в моих «Очерках из истории средневекового общества и государства», а также в «Очерках из экономической истории средневековой Европы».

Британии тем легче было перейти к более элементарным формам жизни, что на острове этом романизация никогда не была так успешна, как в некоторых других провинциях империи; римская государственность всегда здесь была лишь крайне поверхностной надстройкой над национальными формами жизни, и распространявшиеся ею гражданственность и культура коснулись лишь верхнего слоя туземного населения, не пустив корней в глубину народных масс. И здесь, как и в других провинциях, появились римские дороги, облегчившие сношения между разными частями страны и сделавшие более возможным обмен между ними; и здесь возникли богатые города с изящными общественными и частными постройками, с римскими школами и другими проводниками римской образованности; и здесь возникла римская *вилла*, крупное поместье, с усовершенствованными способами земледельческой культуры, чрезвычайно продуктивно эксплоатировавшее плодородную почву страны и труд туземного населения и скоро превратившее Британию в одну из житниц империи. И, тем не менее, все это развитие было очень непрочно, всецело держась на уменьи и навыке римских колонистов и на энергичном содействии римского правительства. Народная масса оставалась на прежнем культурном уровне, и лишь стоило ослабеть направлявшей руке римской администрации, как все эти культурные приобретения подвергались серьезной опасности, не являясь естественным продуктом органического развития общественных сил, а всего лишь искусственным насаждением. Судьба британской культуры была тесно связана с судьбой римской государственности, более тесно, чем это можно сказать о культуре других провинций, и к началу V в. участь ее окончательно была решена, когда главнокомандующий военными силами Западной империи Стилихон, готовясь к борьбе с Аларихом, вызвал из Британии римские легионы, которые уже никогда туда не возвращались, потому что у империи уже не было средств и сил защищать свою отдаленную провинцию в то время, как и более близкие одна за другой ускользали из ее рук. Если до этого момента, уже с половины III в., Британия подвергалась набегам германских племен—англов, саксов и ютов, доставлявшим немало хлопот и забот особому comes Litoris Saxonici, то с окончательным отказом от нее императорского правительства набеги эти учащаются и с половины V в. меняют характер пиратских экспедиций, превращаясь в переселение целых племен на постоянное жительство. Англы, саксы и юты постепенно завоевывают Британию в результате целого ряда отдельных экспедиций, не связанных друг с другом и независимых одна от другой, но в равной мере отличавшихся упорством, жестокостью и беспощадностью борьбы с туземным кельтским населением. Большая часть бриттов погибла в этой борьбе, лишь часть их была оттеснена на запад и на север, и, повидимому, только незначительное количество прежнего населения осталось на своих местах, не оказав, повидимому,

2844

БИБЛИОТЕКА
Государственного Университета
г. Петрозаводск
проспект Ленина № 89
17019

вполне осязательного влияния на победителей; это влияние мало заметно в их языке (если не считать нескольких десятков кельтских слов—около 40,—относящихся, главным образом, к домашнему хозяйству) и в учреждениях. Римские города, римские *виллы*, а также все другие продукты римской культуры и цивилизации в большой мере стали жертвой огня и разрушения.

Прежде чем приступить к характеристике англо-саксонского общества с его политической, хозяйственной и социальной стороны в тех его формах, какие постепенно сложились в нем после того, как в течение V и VI вв. Британия окончательно превратилась в англо-саксонскую Англию, будет не лишним сказать несколько слов о внешней истории так называемого англо-саксонского периода английской истории. Самый способ завоевания Британии, путем целого ряда отдельных, не связанных одна с другой экспедиций, определил первоначальный характер политической жизни завоевателей: появилось множество самостоятельных государств, не связанных друг с другом никакими постоянными отношениями. Самый факт завоевания определил политическую форму в этих государствах: все государства англо-саксов являются монархиями. Королевская власть возникает у тех племен, у которых еще не было ее, когда племена эти жили на материке: только на время войны избиравшиеся у них герцоги, duces, превратились теперь в постоянных королей; а там, где она была и раньше, она теперь упрочивается в условиях хронической борьбы, требовавшей сосредоточения власти в руках предводителя. В каждом из государств появляется королевский род, выводящий себя от бога Одина.

Англо-саксонский период английской истории тянется около шести веков (с середины V до середины XI в.). Внешняя его история в двух словах такова. Лишь только прекратилась борьба с бриттами, как началась борьба между самими англо-саксонскими государствами, не прекращавшаяся в сущности до второй половины X в., когда закончился процесс объединения Англии, в котором и заключался смысл всей борьбы. В этом процессе можно указать несколько фазисов. Сначала из всей совокупности мелких государств образовалось приблизительно семь более крупных; возникла так называемая *гептархия*. Преобладание переходило от одного государства к другому (причем король такого государства в момент преобладания его носил титул Bretwalda). После половины VII в. преобладание имели короли Нортумбрии, в VIII в.—короли Мерсии, а с IX в. оно перешло к королям Уэссекса. Каждое из трех названных королевств пытается соединить под своею властью все остальные, но это удалось только Уэссексу. Король Уэссекса Экберт соединяет (в начале IX в.) под своею властью всех англо-саксов. Но это не значит, чтобы при нем вся Англия была организована в форме одного государства. Большинство государств превратилось в провинции Уэссекса; но некоторые из них продолжали иметь своих собственных королей,

конечно, в той или иной мере зависимых от уэссексского короля. Окончательное объединение Англии произошло значительно позже и вызвано было новым фактором, внешним. Датчане и норвежцы, те самые норманы, которые сыграли такую большую роль в истории континентальной Европы, эти самые датчане, с IX в. грабя и разоряя Англию, разрушая ее благосостояние, в то же время созидали ее единство, заставляя сплотиться ее разрозненные силы и дать им более централизованную организацию. Одно время вся Англия была завоевана датчанами, и только западные саксы (королевство Уэссекс) с королем Альфредом дали отпор врагам, отвоевав у них западную часть страны. За датчанами осталась восточная часть; тут они окончательно утвердились, перейдя к оседлой жизни и образовав особое королевство. Взаимные отношения датского и уэссексского королевств были определены договором Альфреда и Гутрума в 879 г. Сравнительно скоро датчане слились с англо-саксами, и в 959 г. король Эдгар принимает корону в качестве короля всей Англии. С датчанами произошло здесь то же самое, что и с норманами, основавшимися во Франции, которые, как известно, по истечении сравнительно очень короткого времени вполне усвоили себе религию, язык, нравы и учреждения завоеванной области. Датчанам тем легче было сделать это, что политический и общественный строй англов, которых они завоевали, был прямым развитием таких же политических и общественных порядков, с какими они сами явились на остров. Нельзя, впрочем, отрицать, как раз в силу этого же тождества, и некоторого обратного воздействия в смысле сильного толчка в пользу древних учреждений, уже приходивших в упадок у англов после трех столетий цивилизованной жизни, со стороны поселенцев, принесших с собою еще не подвергшиеся перерождению и вырождению социальные и политические порядки. В начале XI в. Англия подверглась вторичному нашествию датчан, и ею в течение тридцати лет управляла датская династия. Король Кнут (1017—1035 гг.) принял христианство и правил Англией не как чужеземец, а как национальный король, заботившийся о его мире и благосостоянии, не делая различия между датчанами и англо-саксами, одинаково сурово заставляя и тех и других уважать право и закон. После нескольких лет царствования его сыновей английская корона перешла к последнему королю из уэссексской династии, к Эдуарду Исповеднику (в 1042 г.).

I

Политический строй англо-саксов в тот момент, когда они окончательно были объединены под общею для всех их государственной властью, рисуется нам в таких очертаниях.

Отправной точкой политической организации англо-саксонского общества, политической клеточкой его, является простейшее общественное—и прежде всего хозяйственное—соединение англо-саксов—*село, сельская община* (*the township*, villata или vicus).

На своем сельском сходе, галимоте, община определяла и регулировала все хозяйственные распорядки (севооборот, право выпаса и т. п.). Но этими чисто хозяйственными функциями, повидимому, не ограничивалась деятельность сельского схода. Возможно, что он ведал и другие стороны жизни деревенской группы, являясь регулирующим центром этой жизни: разбирал мелкие проступки и штрафовал виновных в них, разбирал и решал гражданские тяжбы, возникавшие среди жителей данной деревни; возможно, что в его присутствии совершались акты передачи прав на землю одним членом общины другому, что на нем решались вопросы, о допущении к пользованию правами общины посторонних лиц, и что он имел право издавать обязательные для членов общины постановления. Сельский сход приводил в исполнение и требования высших инстанций: производил розыск преступников краденых вещей, собирал налоги и всякие другие поступления, причитавшиеся с общины, и т. п. Органом его являлся староста, tun-gerefa. Первоначально его, вероятно, избирала на своем сходе сама община, но с усилением королевской власти его мог назначать король. Сельский сход посылал своего герефу вместе со священником и четырьмя самыми уважаемыми людьми из своей среды представлять интересы общины в собраниях сотни и графства.

Сотня (hundred, иначе wapentake) —общегерманское учреждение. Первоначально это, повидимому, был округ, обязанный поставлять во время войны сто воинов; в исторические времена он уже утратил это значение, и уже у Тацита это прежде всего судебный округ (Тацит называет его pagus). Англо-саксонская сотня, как и сотня других германских племен, носит все признаки искусственного образования в противоположность, с одной стороны, сельской общине, постепенно возникшей путем естественной трансформации из общины родовой, и с другой—племени (folk), превратившемуся, с объединением англо-саксов, в графство (шайр, shire), но сохранившему следы своей былой самостоятельности в знаменательном названии folkmoot (народное собрание) для собрания графства.

Собрание сотни (hundred-gemot, hundred-moot) созывалось раз в месяц. На нем присутствовали представители от каждой сельской общины в пределах сотни в лице приходского священника, старосты и четырех самых уважаемых крестьян, а также все более или менее крупные землевладельцы округа. Сотенному собранию (соответствовавшему франкскому mallus) принадлежала как уголовная юрисдикция, так и гражданская. На нем разбирались и решались дела, возникавшие между сельскими общинами и, следовательно, выходившие за пределы сельских сходов. Судьями и здесь были все присутствовавшие на собрании (как это было сначала и на франкском mallus с его рахимбургами); но уже сравнительно очень скоро для облегчения процедуры или по иным причинам из общей массы присутствовавших стала выделяться как бы судебная комиссия из двенадцати лиц (так называемых

«старших тэнов»), которая и стала играть главную роль в собрании (у франков можно констатировать аналогичное явление, давшее в результате институт скабинов). Участвовавшие в собрании находились под особым покровительством закона по пути в собрание и из собрания. Неявка в собрание влекла за собою штраф, грозивший за неисполнение и других натуральных государственных повинностей. Помимо чисто судебных дел, в компетенцию сотенного собрания входило свидетельствование разных юридических актов вроде передачи земельной собственности из одних рук в другие и т. п.; на нем же происходила и раскладка всякого рода фискальных поступлений, потому что сотня являлась и единицей обложения. Во главе сотни стоял *сотенный старшина* (hundreds-ealdor или hundredman), избиравшийся сотенным собранием (по крайней мере, в более раннюю эпоху); он и был первоначально председателем сотенного собрания. Но с развитием королевской власти рядом с ним появляется представитель интересов короля, особый сотенный gerefa, первоначально имевший чисто фискальное значение, собиравший штрафы, следовавшие королю (судебные штрафы, часть которых сотенное собрание должно было отдавать в пользу короля, и т. п.). Если сотенный старшина англо-саксов (hundreds-ealdor) вполне соответствует франкскому centenarius или тунгину (thunginus), то сотенный герефа очень напоминает франкского сацебарона (sacebaro), впоследствии смененного графом.

Графство (shire, шайр) в основе своей очень древнее соединение, восходящее к тем племенам-государствам, с которыми нас знакомят Цезарь и Тацит, и которые, несомненно, существовали в немалом числе и у англо-саксов в первые моменты после их утверждения на британской почве. По мере объединения Англии эти мелкие политические организации теряли свою самостоятельность, иногда органически срастаясь друг с другом в более крупные единицы, но нередко в значительной мере сохраняя свою индивидуальность и в качестве составных частей более обширного политического целого. Можно указать несколько английских графств в настоящее время, которые еще на памяти истории были самостоятельными англо-саксонскими королевствами (Эссекс, Кент и др.) и затем постепенно превратились в провинции и, наконец, в округа большого государства. Но большинство графств возникло чисто искусственным путем в качестве административных округов.

Во главе графства стоял *элдормэн* (ealdorman), некогда племенной старшина, князь, тацитовский princeps (а потом и король), и в более позднее время не утративший своего значения представителя местных интересов, интересов области как некогда самостоятельного целого, в противоположность *шерифу* (scir-gerefa, sheriff), королевскому агенту, блюстителю интересов внешней, королевской власти. В объединенном англо-саксонском королевстве элдормэны назначались королем совместно с высшим учре-

ждением в стране, с уитенагемотом, и притом, несомненно, из членов местных знатных, иногда некогда королевских родов, в сущности наследственно владевших правом на это положение, в то время как шериф назначался одним королем из круга его королевских людей. Шериф вполне соответствовал франкскому графу, такому же агенту короля, вполне от короля зависевшему, совмещавшему в своих руках самые разнообразные функции по охране сначала лишь фискальных и просто хозяйственных интересов короны, а впоследствии и интересов общественной безопасности и порядка. В то время, как элдормэн являлся естественным вождем населения графства в мирное и в военное время, шериф управлял лежавшими в пределах графства королевскими имениями, собирал причитавшуюся королю часть (треть) судебных штрафов (другая треть шла элдормэну) и наблюдал за исполнением закона; постепенно он сделался председателем на судебном собрании графства и получал в свою пользу треть судебных штрафов.

Собрание графства («народное собрание», folkmoot, иначе shiremoot) созывалось шерифом два раза в год. В собрании участвовали шериф, элдормэн, епископ графства, все более или менее крупные землевладельцы графства, все должностные лица графства и от каждой сельской общины староста, священник и четверо самых уважаемых крестьян. Folkmoot в исторические времена являлся прежде всего судебным собранием, обладавшим как уголовной, так и гражданской юрисдикцией, причем судьями, как и в собрании сотни и в галимоте, являлись все присутствовавшие, хотя и здесь из общей массы выделялась комиссия из двенадцати «старших тэнов»: сюда поступали все дела, по которым истец не находил справедливости в собрании сотни после троекратного обращения за нею к этому последнему; если и в собрании графства истец не находил удовлетворения, тогда и только тогда, он мог обратиться к суду самого короля; на folkmoot'е как на сотенном собрании и на сельском сходе, совершались разные юридические акты вроде передачи земли из рук в руки и т. п. Здесь же обсуждались вопросы, связанные с обложением графства теми или иными, натуральными, главным образом, сборами для надобностей короля и для общегосударственных целей. Сохранились в историческое время и следы законодательной власти, когда-то, несомненно, принадлежавшей «народному собранию», когда оно своим принятием того или иного изданного центральной властью закона сообщало этому последнему его настоящую юридическую силу. Вопросы, касавшиеся военной обороны как с суши, так и с моря, также были предметом обсуждения в собрании графства.

Собрания графства происходили в центральном городе графства. Город этот представлял собою укрепленное место (the burh), куда в случае опасности могло укрываться население графства, которое и должно было поддерживать его земляные укрепления. Внутри его стен господствовал повышенный королевский мир, нарушение которого влекло за собою суровые наказания. В нем

устраивался рынок, на котором безопасно, без риска приобрести краденую вещь, можно было покупать скот и другие предметы в присутствии официальных свидетелей и уплачивая в пользу короля торговые пошлины. В качестве рыночного места город назывался port, откуда название port-gerefa (port-reeve), которым именовалось стоявшее во главе города должностное лицо. В качестве центрального города графства город этот не принадлежал ни к какой сотне, и сам рассматривался как отдельная сотня и имел свои собственные судебные собрания (burh-moot или port-moot). Жители его еще были тесно связаны и в занятиях, и в образе жизни с аграрными интересами и условиями и представляли собою еще во многом сельскую общину (tun) с открытыми полями, лугами и пастбищами. Наряду с таким центральным городом графства (county-borough) существовали в графстве и другие города, организованные по тому же типу, хотя и не имевшие военного и политического значения и являвшиеся средоточиями промышленности и торговли.

Весьма возможно, что в тех древнейших королевствах англо-саксов, которые впоследствии являются в качестве графств (например, в Кенте, Эссексе и др.), знакомый нам из Тацита германский строй сохранялся в чистоте, что там рядом существовали два собрания—собрание народа и собрание князей, рядом с folk-moot стоял уитенагемот (собрание мудрых, witenagemot). Но в государствах, возникших путем соединения в одно политическое целое нескольких государств, как, например, в Уэссексе или Мерсии, существовало только одно центральное собрание, и этим собранием было «собрание мудрых», а не собрание народа, witenagemot, а не folkmoot; folkmoot'ы отдельных королевств, вошедших в состав, например, Уэссекса или Мерсии, не были уничтожены; они сохранились, но сохранились в качестве собраний графств, в которые превратились когда-то самостоятельные королевства. Так было в эпоху гептархии; то же мы видим и в соединенном королевстве всей Англии. Правда, и в эпоху гептархии и в соединенном королевстве всей Англии традиция народного собрания, когда-то полновластного вершителя судеб народа, никогда, можно сказать, не исчезала; сознание того, что весь народ является последней инстанцией в решении важнейших вопросов своей политической жизни, никогда не умирало и по временам выражалось в той или иной форме, нередко карикатурной. В некоторых случаях и в эпоху гептархии, и в соединенном королевстве всей Англии рядом с уитенагемотом появлялось нечто долженствовавшее изображать собою народное собрание. Такими случаями были: оповещение законов (до Альфреда Великого), коронация. Но то собрание, которое фигурировало тут в качестве народа, представляло собою скорее неорганизованную толпу, чем настоящее народное собрание, и нередко в роли народа выступали зависимые люди съехавшихся к королю магнатов или жители соседних деревень, собравшиеся поглазеть на блестящую

церемонию и на грубую пышность князей земли. Это было собрание народа, но не народное собрание.

Расширение политических соединений за известные, сравнительно весьма узкие пределы само по себе создает очень серьезное препятствие для существования непосредственной демократии, для непосредственного осуществления народом своих политических прав в правильно организованной форме народного собрания. Пока германцы жили небольшими племенами-государствами, народное собрание являлось у них главным политическим органом; ту же роль играло оно и у других народов на соответствующей ступени их политического развития, а также в городских республиках (πόλεις, civitates) античного мира. Но лишь германцы перешли к более широким политическим соединениям, основав ряд более или менее обширных государств на римской почве, мы очень скоро констатируем у них упадок народных собраний. Правда, привели к этому результату и такие факты, как совершившиеся в условиях борьбы с Римом и под влиянием римских политических условий сильное развитие у некоторых из них королевской власти, а также сравнительно быстрым темпом развивавшаяся у них в новых условиях социальная диференциация. Тем не менее, самый факт расширения политического масштаба сыграл здесь чрезвычайно важную, можно сказать, определяющую роль. И у англо-саксов в эпоху гептархии, и в соединенном королевстве народное собрание всего королевства становится невозможным, и его права и функции переходят отчасти к королю, а главным образом, к уитенагемоту.

В состав *уитенагемота* входили: король (иногда с женой и сыновьями), епископы королевства, а к концу англо-саксонского периода и значительное число аббатов, элдормэны графств и королевские тэны, в число которых входили главные сановники двора и самые знатные из королевских дружинников, державших части королевских домэнов и связанных с королем клятвой верности. Общее число уитанов никогда не было особенно значительным: так, в королевстве Мерсии при короле Оффе (757—795 гг.) их было 15, а в соединенном королевстве иногда присутствовало в уитенагемоте 100 человек, иногда 91, а иногда всего лишь 30 человек. Что касается компетенции уитенагемота то, можно сказать, не было ни одного важного вопроса, для решения которого король не должен бы был совещаться со своими уитанами. Историк Бэда рассказывает, что в Нортумбрии христианство было принято по решению уитенагемота. Решение уитенагемота представляло собою выражение «воли короля и его князей» («haec est voluntas regis et principum ejus»). Король действовал «с совета и с согласия своих уитанов». Прежде всего укажем на участие уитанов в законодательной деятельности: по совету и с согласия уитанов англо-саксонский король издавал как светские, так и духовные законы. Церковь у англо-саксов еще не выделилась из государства: в уитенагемоте рядом со светскими князьями заседали, как мы только

что видели, и князья духовные, епископы и аббаты, в собрании графства рядом с элдормэном и шерифом сидел и епископ, в качестве представителя от деревенской общины в собрания графства и в сотенные собрания вместе со старостой и четырьмя самыми почтенными крестьянами деревни являлся и священник. Совет и согласие уитанов были необходимы и в тех случаях, когда король жаловал тем или иным лицам (своим дружинникам, например) или учреждениям (монастырям прежде всего) те или иные права на те или иные земли и территории; согласие уитанов находило внешнюю форму своего выражения в подписях, которыми они скрепляли выдававшиеся в этих случаях королем жалованные грамоты. В собрании уитанов дарил свои земли (обходя законных наследников) и магнат, желавший крупным пожертвованием в пользу монастыря обеспечить усиленные и угодные богу молитвы о своей грешной душе. Без совета и согласия уитанов не мог быть установлен в государстве экстренный налог, не могли решаться вопросы о войне и мире, о флоте и армии. Уитенагемот, далее, являлся верховным судом, в котором в последний инстанции решались как уголовные, так и гражданские дела, не нашедшие удовлетворяющего стороны решения в сотенном суде и в суде графства, а также судили лиц, в силу своего очень видного положения или просто своей близости к королю подлежавших только королевской юрисдикции. Вместе с верховной судебной властью к уитенагемоту перешло от народного собрания, каким его изображает Тацит, и право выбора областных старшин, элдормэнов, которых он мог и низлагать, как и судебную власть, и это право он делил с королем. Уитенагемоту и королю принадлежало и право избрания епископов. Если право избрания элдормэнов встречалось с ограничивавшим его условием в виде фактической и даже обычно правовой наследственности этой должности (если только элдормэнство можно назвать должностью) в определенных знатных родах того или иного графства, то право избрания епископов встречалось с таким же правом духовенства, и в результате выработался такого рода modus vivendi: выбор епископов духовенством был правилом в мирное время, а также в тех случаях, когда дело шло о замещении менее важных кафедр; архиепископские же и вообще более важные кафедры замещались королем в уитенагемоте, согласие которого было необходимо как окончательная санкция и в первых случаях. Уитенагемоту, наконец, принадлежало и право избрания короля (обыкновенно из одного определенного королевского рода), причем выбор должен был падать на самое способное лицо, находившееся в близком родстве с последним королем; на практике выбирался обыкновенно старший сын умершего короля; только в моменты революции королем становился не сын и не брат последнего короля. Уитенагемоту принадлежало также право низложения недостойного короля.

Рассмотрение всех сторон компетенции уитенагемота дает право заключить, что уитенагемот по существу не есть просто королев-

ский совет, с мнениями которого королю угодно было соглашаться или не соглашаться. Как ни велико могло быть личное влияние энергичного короля (в особенности, когда в составе уитенагемота увеличилось число лично связанных с ним людей, его тэнов), тем не менее, уитенагемот можно считать по меньшей мере равноправным с королевскою властью учреждением. Принадлежавшее ему право избрания и низложения короля позволяет даже признать за уитенагемотом высшую власть сравнительно с властью, находившеюся в руках короля. Уитенагемот есть учреждение сложное: с одной стороны, это королевский совет, с другой—это съезд князей, к которому перешло многое из того, что относилось некогда к компетенции народного собрания, перешло с того времени, как исторические условия жизни германцев, переселившихся в Британию, и между ними обширность территории англо-саксонского королевства, сделали невозможным дальнейшее существование политического строя, какой существовал у германцев в эпоху Тацита, и главного элемента этого строя, народного собрания в смысле собрания всего организованного народа как князей (principes), так и простого народа (plebs).

При характеристике только что рассмотренных народных учреждений англо-саксов нам на каждом шагу приходилось встречаться с властью *короля*. Можно сказать, что королевская власть и ее развитие и есть тот основной фактор, который ближайшим образом видоизменил их сравнительно с тем, чем они были у германцев в эпоху Тацита. В селе, в сотне, в графстве рядом с народными магистратами стоят представители короля, его агенты, его чиновники. Съезд князей, куда перешла значительная доля прав народного собрания, становится королевским советом, в котором вместе с элдормэнами графств и епископами присутствуют и королевские люди, его тэны. Народные учреждения принуждены, таким образом, делиться частью своих прав с королевской властью, которая возникла в результате давления чисто внешних условий, борьбы и завоевания, и первоначально, несомненно, отправляла лишь одну весьма определенную функцию военного предводительства, отчего меч и стал символом ее, и лишь потом взяла на себя и охрану внутреннего общественного мира, а затем постепенно проникала внутрь общества и оказывала свое видоизменяющее воздействие на его политические органы и, как потом увидим, и на его социальный строй, и в то же время сама видоизменялась как в смысле личного положения короля, так и в смысле его прав и привилегий. Было время, когда как личность англо-саксонский король ничем по существу не отличался от других членов общества, и, например, за убийство его просто платили выкуп его роду так же, как и за убийство простого человека; может быть, еще более характерно для положения короля в те времена то, что такую же равную вергельду короля сумму (по мерсийскому праву жизнь короля оценивалась в 7 200 шилл., т. е. стоила столько же, сколько и жизнь архиепископа), платили

при этом и народу. Лишь постепенно возникает понятие измены, совершенно незнакомое англо-саксонским Правдам древнейшей поры, и только тогда покушение на жизнь короля начинает считаться преступлением, не искупаемым путем денежного выкупа. И другие преимущества, которыми пользовался перед лицом закона король, как видно из древнейших англо-саксонских Правд, лишь по степени, количественно отличались тогда от преимуществ других знатных людей. В Правде кентского короля Этелберта, например (записанной в 600 г.), штраф за нарушение частного покровительства короля, королевского mundium, определяется в 50 шилл., за нарушение покровительства знатного, эрла (earl)— в 12 шилл., за нарушение покровительства простого человека, кэрла (ceorl)—в 6 шилл. Но постепенно для короля создается особое положение. Уже через какое-нибудь столетие после издания только что названного законодательного памятника мы узнаем, например, что слову короля нужно верить и в том случае, когда оно не подтверждается клятвой, без соприсяжников, необходимых для сообщения юридической убедительности слову всякого другого человека, что человек, затевающий драку в доме короля, подлежит казни, а имущество его конфискации в пользу короля, что в церквах должны всегда молиться за короля, без особого на то приказа.

Характеризуя народные учреждения англо-саксов, мы вместе с тем сообщили и данные о тех рамках, в какие была заключена королевская власть. И издавать законы, и творить верховный суд, и вводить налоги, равно как и решать вопросы о войне и мире, а также раздавать права на те или иные земли или территории англо-саксонский король, как мы видели, мог лишь в уитенагемоте, по совету и с согласия своих «мудрых». Уитенагемот же избирал и назначал короля. Это центральное народное учреждение продолжало, таким образом, самостоятельно существовать и функционировать, лишь в той или иной мере считаясь с королевской властью, но по существу независимое от нее, в сущности лишь внешним образом являясь монархическим учреждением. То же, и едва ли не в большей еще мере, можно сказать о местных учреждениях англо-саксов, о «народных собраниях» в графствах, о сотенных собраниях и о сельских сходах. В них попрежнему народ отправлял свои политические функции, сообразуясь со строгими нормами народного обычая и закона, судил и наказывал преступников, разбирал гражданские тяжбы, свидетельствовал юридические акты, обсуждал и решал свои местные дела. Присутствовавший и даже председательствовавший на этих собраниях агент короля лишь наблюдал за тем, чтобы все здесь совершалось по узаконенным нормам, а главное—зорко глядел своим фискальным оком, чтобы все следуемое при этом королю действительно попадало в королевские руки. Король являлся официальным верховным охранителем прав народа, всего его юридического строя, охранителем общественного мира, и неудивительно, что с течением вре-

мени отправление правосудия стало совершаться от его имени, и в его пользу стала поступать известная часть штрафов, к которым приговаривал преступников народ в своих судебных собраниях, и в заключение общественный мир стал королевским миром. Такую же самодеятельность сохранял англо-саксонский народ и в других сферах своей политической жизни и прежде всего в военном деле, в деле охраны страны от внешних вторжений и в наступательных походах. Как и у древних германцев и у других народов на соответствующей ступени их политического развития, и у англо-саксов военное дело являлось такой же натуральной повинностью, лежавшей на каждом свободном, как и судебное дело. Войско англо-саксов—это вооруженный народ, народное ополчение, милиция. Каждый англо-сакс, владевший обычным наделом, гайдой (hide, около 120 акров), отбывал натуральную государственную повинность, носившую латинское название trinoda necessitas и состоявшую из обязанности являться в ополчение (fyrd, expeditio), чинить мосты и поддерживать укрепления. Натуральной повинностью являлась и защита страны с моря: каждое графство выставляло определенное число кораблей, сообразно размеру своей территории, с экипажем и со всем для него необходимым. Только впоследствии в постановке военного дела постепенно произошли существенные перемены, тесно связанные с общей эволюцией социального и политического строя англо-саксов, о чем будет речь в своем месте.

Раз общество натуральным способом отправляет свои политические функции, которые еще не стали специальной задачей особой организации, того, что нередко называется государством в противоположность обществу, над которым эта организация надстраивается, в таком случае едва ли может быть речь, в применении к такому обществу, о государственном хозяйстве, об особых *правительственных средствах* в строгом смысле этого слова. Положение это применимо и к англо-саксонскому обществу. Достаточно знать, на какие средства жил король и его двор и каково было материальное положение представителей его власти в областях, и мы будем иметь ясное представление о правительственных средствах англо-саксов. Англо-саксонский король являлся прежде всего крупным землевладельцем, располагавшим обширными домэнами, состоявшими из целого ряда деревень, населенных как свободными, так и несвободными и полусвободными крестьянами, доставлявшими в его дворцы на своих подводах оброк в виде произведений своих полей и домоводства, а также работавшими и на собственных его полях (terra dominica). В то же время он имел право на получение продуктов и с совершенно свободных общин, не принадлежавших к его домэну, на так называемые фирмы, feorm (по-латыни victus, pastus), может быть, восходящие еще к тому времени, когда германцы приносили своим князьям и королям добровольные подарки, как об этом сообщает нам Тацит. Право это нелегким бременем ложилось на население, и всю тя-

жесть его население испытывало в особенности в тех случаях, когда король со своей свитой разъезжал по стране и получал полное содержание от местного населения для себя, для своей свиты и фураж для лошадей. Были еще у короля земельные владения, принадлежавшие ему и его роду на праве частной собственности. Очень близким к праву частной собственности было и право его на часть судебных взысканий, которую он получал в качестве верховного охранителя мира, а также на торговые и рыночные пошлины.

Из этих источников король вознаграждал своих агентов и своих дружинников, раздавая им земли из своего домэна и предоставляя им права на судебные доходы и на «добровольные приношения». Только к концу англо-саксонского периода возникают зачатки настоящего государственного хозяйства. Я разумею так называемые датские деньги (Danegeld), прямой поземельный налог (с гайды от 1 до 4 шилл.), взимавшийся в экстренных случаях для того, чтобы откупиться от датского набега.

Несомненно, ресурсы короля, в первые, по крайней мере, времена существования единого англо-саксонского королевства, были очень значительны; в частности, я имею в виду основной элемент их, домэны, весьма разросшиеся по мере возвышения уэссексской династии над всеми остальными королевскими домами. На них-то и зиждились сила короля и то влияние, которое он мог оказывать на политическую жизнь народа. Они делали его самым сильным человеком в государстве, и именно он мог оказать действительную защиту всякому нуждавшемуся в ней, своим частным покровительством, своим mundium'ом ограждая всякого прибегавшего к нему. Те родовые союзы, которые некогда ограждали жизнь и имущество всех членов общества, давно уже разложились, сохранившись лишь в виде отдельных переживаний, и, следовательно, нуждавшихся в королевском mundium'е было очень много, и, чем дальше, тем все больше и больше, и не удивительно, что с течением времени королевский mundium, королевский мир, расширился до общего мира, включив в свои пределы всю территорию этого общего земского мира.

Общирные домэны давали королю возможность держать у себя большую и могущественную дружину. Если дружинники (comites) тацитовского princeps или короля жили в доме у своего вождя и получали от него полное содержание, коня и вооружение, то военные товарищи англо-саксонского короля, его *гезиты* (gesith—товарищ), были уже в ином положении. Скоро, впрочем, они перестали быть и товарищами короля: король настолько уже высоко поднялся, что они из товарищей превратились в его слуг, в его *тэнов* (thegn-minister—слуга). Они уже не жили теперь в доме короля, но получили из домэнов более или менее крупные пожалования, и из частных, так сказать, неофициальных советников короля, с которыми он мог в прежнее время совещаться о предметах, имевших непосредственное отношение к их деятель-

ности, как военных товарищей, с того момента, как король из военного вождя (чем он был в самом начале) стал гражданским, так сказать, магистратом, сделались полноправными членами высшего учреждения в государстве, вошли в состав уитенагемота, чем приобрели важное политическое значение и вместе с тем явились прочным оплотом королевского влияния на политическую жизнь страны.

II

Древнейшие Правды англо-саксов рисуют нам англо-саксонское общество состоящим из *простых свободных*, *знатных*, *полусвободных и рабов*, т. е. из тех же социальных слоев, из каких складывалось германское общество эпохи Тацита. Те же социальные категории встречаем мы и в других германских государствах. Но точно такие же социальные категории мы находим и в Римской республике, и в империи, и мало ли еще где. Характерного для англо-саксонского общества эта общая социальная схема, следовательно, сама по себе не представляет. Характерное нужно искать в том социальном содержимом, которое было распределено по рубрикам этой схемы в каждом отдельном случае в тот или иной исторический момент. С этой точки зрения и интересно рассмотреть эту схему, в частности и у англо-саксов.

Для уяснения фактического положения каждой из групп, на которые юридически распадалось англо-саксонское общество, прежде всего нужно представить себе ту хозяйственную обстановку, среди которой все они жили. Нам уже приходилось отчасти касаться хозяйственного строя англо-саксов. Мы уже знаем, что господствующим занятием, дававшим им средства в жизни, было земледелие и что в хозяйственном отношении народная масса была организована в форме целого ряда аграрных союзов, сельских общин, являвшихся в то же время и ячейками политической организации общества. Надел каждого полноправного члена общины состоял из дома, двора, пахотной земли и разного рода угодий (пастбищ, лесов, лугов). Дом, двор и пахотная земля были собственностью общинника, что вовсе, однако, не устраняло необходимости для владельцев пахотных участков, состоявших к тому же из полос, разбросанных вперемежку с полосами всех других общинников по всем полям общины, сообразоваться при обработке их с общинными интересами, подчиняясь принудительному севообороту, оставляя поля свои неогороженными с момента их уборки до нового посева, отдавая их таким образом под общинное пастбище, и т. п. Общинными угодьями члены общины пользовались или сообща, или раздельно (для чего некоторые угодья, например луга, периодически переделялись), но и в том, и в другом случае соразмерно с величиною пахотного участка. Само собою разумеется, что величина общинного надела (*hide*, *гайда*, *по-немецки Hufe*, на языке средневековой латыни *mansus*) в разных местностях была различна в зависимости от физических и всяких иных фактических условий каждой данной местности.

В каком отношении к этому хозяйственному строю стоял каждый из элементов социальной схемы англо-саксов? Прежде всего и главным образом это был хозяйственный строй основной массы англо-саксонского населения, простых свободных, *керлов* (ceorl). Полноправными членами сельских общин были именно они, полноправные члены англо-саксонского общества. Их общинный надел (*гайда*) служил базисом их хозяйственного, социального и политического положения: на нем зиждилось их благосостояние, применительно к нему определялся их вергельд (200 шилл.), он обеспечивал для них возможность несения государственных натуральных повинностей (trinoda necessitas, судебной повинности и др.), а также уплаты штрафов и выкупов по судебному приговору: он же делал для них возможным брать под свое частное покровительство (mundium) нуждавшихся в нем. Для полноты характеристики кэрла остается прибавить, что он имел право давать на суде очистительную присягу в качестве соприсяжника, и что всякое нарушение его прав (в том числе и права частного покровительства) и всякая обида, ему нанесенная, возмещалась штрафом в его пользу (так называемым bot).

Судя по тому, что вергельд *знатного* человека англо-саксонского общества, *эрла* (eorl), в древнейшую пору был вдвое больше вергельда кэрла (400 шилл.), и сообразно с ним вдвое больше были и цифры штрафов, которые получал эрл с нарушителей его прав (а также вдвое больше значения имело слово эрла), мы имеем основание предположить, что и в имущественном отношении эрл был всего лишь вдвое (приблизительно, конечно) выше кэрла, что его надел мог равняться приблизительно двум гайдам. Уже в эпоху Тацита земля распределялась «secundum dignationem (Germania, c. XXVI), «сообразуясь с рангом», так что nobilis получал бо̀льший надел, чем ingenuus, очевидно, располагая и бо̀льшим количеством скота и бо̀льшим числом рабочих рук, чем этот последний; лично он едва ли занимался земледелием, предоставляя это полусвободным и рабам, которых у него могло быть больше, чем у простого свободного германца. В таком же в сущности положении должен был находиться вначале и англо-саксонский nobilis, эрл, такой же представитель родовой знати, возникшей на основе общественного служения (в широком смысле, в противоположность службе королю) и богатства (делавшего возможным это служение, а также являвшегося в результате этого служения, например, военного предводительства, положения princeps и т. п.) в обстановке родового строя. С течением времени, по мере расширения государственной территории и в силу связанных с этим внутренних процессов, происшедших постепенно в англо-саксонском обществе, имущественное положение эрлов повысилось, равно как и их политическая роль как правительственной аристократии, в свою очередь не остававшаяся без влияния на их имущественное положение.

Подобно тацитовскому nobilis и англо-саксонский эрл вел свое

хозяйство с помощью *полусвободных (лэтов) и рабов*; те и другие играли далеко не ничтожную роль и в хозяйстве простых свободных, кэрлов, наделы которых были сравнительно весьма значительных размеров (полный надел, гайда средним счетом равнялась 120 акрам, т. е. приблизительно 60 десятинам одной пахотной земли). О сословии *лэтов* (laet), общем и другим германским племенам (в памятниках которых они называются litus, letis, lazzi, lassi, а также aldiones), наши сведения очень скудны и ограничиваются в сущности тем, что лэты не были рабами, но не пользовались и всеми правами полноправных свободных, что они имели вергельд, т. е. жизнь их, как и жизнь вполне свободных людей, оценивалась определенной суммой денег, которую в случае убийства лэта получали его родственники от убийцы и его родственников, но что этот вергельд был вдвое меньше вергельда кэрла (100 шилл.), что лэты, как и полноправные свободные, могли давать очистительную присягу на суде в качестве соприсяжников, могли жениться, на ком хотели, и даже являлись в ополчение, что, одним словом, лэты по существу мало чем отличались от простых свободных, от кэрлов. Существенное их отличие от этих последних заключалось в том, что они не имели собственной земли, собственных наделов, и сидели на чужой земле, на чужих наделах, на наделах кэрлов и, в особенности, эрлов и платили им оброк (натурою прежде всего), причем эти арендные отношения осложнялись трудно поддающимися формулировке личными отношениями между лэтом и его лэндлордом, накладывавшими на положение лэта весьма заметный оттенок личной зависимости от его лэндлорда, под mundium'ом которого он, несомненно, находился и которому уплачивал за это особый взнос. Возникновение сословия лэтов как у англо-саксов, так и у других германских племен покрыто мраком. Возможно, что лэты произошли из племен, добровольно подчинившихся завоевателям еще в доисторические времена.

Раб (theow) у англо-саксов, как и у других германских племен (да и не у них одних), в глазах закона собственной личности не имел, поэтому и вергельда в собственном смысле он не имел, и на суде слово его не имело значения; за убийство его и за увечья и обиды, ему нанесенные, платили его господину, а за вред, причиненный рабом третьему лицу, а равно и за убийство, им совершенное, отвечал его господин на том же основании, на каком он отвечал и за ущерб, причиненный кому-либо его скотом. Рабское состояние было наследственно. Рабом можно было сделаться и свободному человеку за долги (такой раб назывался wite-theow) или добровольно продав себя в рабство, равно как и своих детей. Нравы, однако, не без влияния христианства, были мягче строгого права: они обеспечивали рабу два хлеба ежедневно, делали неприкосновенными его праздники и в этом отношении даже повлияли на закон (по закону уэссексского короля Ini раб, по приказанию господина работавший в воскресенье, становился свободным); раб даже мог выкупить свою свободу на сбереженные деньги

(которые он мог заработать, работая по найму, как можно заключить из термина *esne*, который и обозначал работавшего по найму раба); за дурное обращение с рабом господин подвергался церковной каре. Но более прочно влияли на фактическое положение рабов не столько нравы, сколько общие хозяйственные условия, в которых жили англо-саксы. Общие хозяйственные условия всегда являются той средой, которая определяет ту или иную степень эксплоатации рабочей силы теми, кто имеет на нее то или иное право, а также и форму этой эксплоатации. Господство менового, народного, денежного и притом капиталистического хозяйства, работающего на обширный рынок, несомненно, создает для полусвободного и несвободного класса (да и для пр дставителей свободного труда) такое положение, какое немыслимо в более элементарной хозяйственной обстановке с свойственной ей и обусловленною ей так называемой патриархальностью отношений. Припомним, например, положение рабов в конце Римской республики, когда они являлись для владельца латифундия простым хозяйственным орудием, рабочим, скотом, которого он эксплоатировал до крайних пределов, так что в момент отдыха раб мог думать только о сне; вспомним рабов-негров у североамериканских плантаторов; вспомним свободных рабочих на фабриках и заводах новой Европы до возникновения и развития государственного вмешательства в отношения капитала и труда. В более элементарной хозяйственной обстановке раб не мог превратиться в простое хозяйственное орудие господина. Как ни значительны могли быть потребности, например, знатного человека или князя в продуктах труда его рабов для собственных надобностей и для содержания своего двора, наполненного иногда массой слуг и военных товарищей (а только для этого и нужны были ему эти продукты), тем не менее, о настоящей хозяйственной эксплоатации его рабов не могло быть речи, той хозяйственной эксплоатации, которая имеет целью извлечь из раба все, что только можно, чтобы только удовлетворить потребностям обширного рынка. Не говоря уже об отсутствии в то время достаточно развитого рынка, у владельца рабов не было и капитала, чтобы вести сколько-нибудь крупное хозяйство, и единственной формой хозяйственной эксплоатации рабского труда при этих условиях было—посадить раба на землю, сделать его фактическим владельцем небольшого участка земли и рабочего инвентаря, обязав его выплачивать из продуктов его самостоятельной хозяйственной деятельности ту или иную часть своему господину. В качестве таких землевладельцев рабы являются у германцев в эпоху Тацита. Тацита поразил этот факт, и он отметил его как крайне характерный для общественного строя германцев. «Рабами они пользуются не по-нашему, не путем распределения между ними обязанностей по хозяйству,—говорит он.— У каждого из рабов есть свой дом и свои пенаты. Господин требует с него определенное количество хлеба, или скота, или одежды как с колона, и раб только это обязан исполнять» («... servis non

БИБЛИОТЕКА
17019

in nostrum morem, descriptis per familiam ministeriis, utuntur. Suam quisque sedem, suos penates regit. Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis, ut colono, injungit, et servus hactenus paret», Germ, c. 25). То же явление мы наблюдаем у германских племен и после утверждения их на территории Римской империи. Переход к широким политическим соединениям оставлял без перемены общий характер их хозяйственной жизни. В частности и у англо-саксов эксплоатация рабского труда возможна была прежде всего и главным образом в той форме, которую классически описывает в приведенном месте Тацит; так что и у них раб имел возможность фактически эмансипироваться от постоянного давления на его личность со стороны господина и стать в положение, очень близкое к положению лэта. Конечно, рядом с этими servi casati (по терминологии франкских источников) было немало дворовых рабов; но и они не лишены были перспективы постепенно подняться над своим положением, в качестве ли приказчиков или заведующих той или иной отдельной частью в хозяйстве своего господина, или же в качестве его вооруженных слуг, вместе с ним отправлявшихся в походы. Рабство у англо-саксов очень было развито в смысле работорговли (внешней), в особенности в первые века после завоевания ими Британии, которое дало в их руки массу военнопленных, в сильнейшей мере увеличив таким образом количество привезенных ими еще с континентальной родины рабов (для обозначения рабов-бритов существовал особый термин— wealh).

III

Таков был тот несложный социальный строй, какой мы застаем у англо-саксов в начале их истории. Но уже сравнительно очень скоро строй этот стал подвергаться очень серьезным изменениям под влиянием тех же общих причин и в том же общем направлении, как и аналогичный ему социальный строй у других германских племен, основавших на территории Римской империи так называемые варварские королевства. Мы и должны заняться теперь этой эволюцией англо-саксонского общества, сделавшей его во многих отношениях далеко не похожим на то, чем оно было вначале, когда оно, как мы только что видели, еще так близко стояло к своему общегерманскому прототипу, и наперед заметим, что чисто внешним путем совершившийся переход англо-саксов (как и других германских племен) к широким формам политической жизни, к широкой государственности явился основным фактором и постепенно совершившихся в англо-саксонском обществе социальных перемен, в свою очередь, как увидим, весьма серьезно отразившихся на его политическом строе.

1

Мы уже указывали на то, что большие материальные ресурсы короля, заключавшиеся, главным образом, в его земельных вла-

дениях, в его домэнах, давали ему возможность иметь вокруг себя большую дружину, а также содержать своих агентов в центре и в областях, представителей своей власти в центральной и областной администрации королевства. Эта служба королю, как вождю дружины и как главе государства являлась для дружинника и для королевского чиновника, его служилого человека, источником богатства и знатности, возвышая их над массой, над простыми свободными, а в конце концов, и над родовой знатью. Мы уже говорили, что королевские дружинники, его гезиты, а потом тэны, превратились в крупных землевладельцев и стали членами высшего учреждения в стране, уитенагемота, заседая здесь на равных правах с элдормэнами, епископами и аббатами в качестве «мудрых» англо-саксонского народа. Таким образом служба королю ставила человека на одну линию с представителями старой родовой знати и делала его членом правительственной аристократии. Это последнее обстоятельство не могло не привлекать в королевскую дружину и представителей родовой знати, эрлов: служба королю возвышала и их и давала им место в уитенагемоте. Это возвышение эрлов через личную службу королю, повидимому, подняло все сословие эрлов в глазах закона, если судить по такому, например, факту: в то время, как в Правде кентского короля Этельберта, относящейся к 600 г., вергельд эрла, как мы видели, только вдвое выше вергельда кэрла (400 шилл. и 200 шилл.), в законах кентских королей Глотара и Эдрика, изданных около 680 г., эрл уже ценится в три раза выше кэрла (600 шилл. и 200 шилл.). Мало-помалу и самый термин *эрл* выходит из общего употребления и заменяется термином, указывающим на служилый характер аристократии. В законах кентского короля Уитреда (около 700 г.) появляется термин *gesith-cund-man*, от слова *gesith*—товарищ, дружинник. Эти служилые люди находятся не только на службе у короля, но и у элдормэнов и епископов, вообще у представителей правительственной аристократии, а также у дружинников короля, у его гезитов. И в первом, и во втором, и в последнем случае эта служба возвышает человека в глазах закона, и его вергельд становится выше вергельда простого свободного, кэрла. При этом и в самом служилом сословии возникает диференциация: в нем начинают различать людей, находящихся на службе у короля, и служилых людей некоролевских и, с другой стороны, служилых людей, имеющих землю, и служилых людей безземельных и сообразно с этим начинают определять их вергельд. Так, в законах уэссексского короля Ini (около 690 г.), королевский gesith-cund-man, наделенный землею, ценится в 1 200 шилл., в то время как вергельд безземельного королевского дружинника равняется лишь 600 шилл.; этой же последней сумме равняется и вергельд некоролевского дружинника; вергельд кэрла попрежнему равняется 200 шилл.

Таким образом, самый знатный человек уэссексского общества конца VII в. ценится уже не вдвое выше простого свобод-

ного, как это было в более ранние времена, и не втрое, как это было в кентской Правде Глотара и Эдрика, но вшестеро, и таким самым знатным человеком является не представитель старинной родовой знати, но служилый человек, которого возвысила над всеми другими служба королю и владение большим количеством земли, полученной от короля на этой службе, не эрл, но королевский тэн (в законах Ini этот термин уже употребляется для обозначения королевского gesith-cund-man). Начиная с законов короля Ательстана (около 930 г.), между знатным и простым свободным открывается целая социальная пропасть, так как промежуточная ступень между людьми с вергельдом в 200 шилл. и людьми с вергельдом в 1 200 шилл., именно категория людей с вергельдом в 600 шилл., которую мы только что видели в законах Ini, исчезает, и знатный уже в шесть раз выше кэрла. К этому времени термин gesith выходит из употребления и заменяется термином *тэн* (thegn), которым, как мы видели, уже в законах Ini обозначается королевский дружинник. С течением времени тэном мог сделаться всякий человек, имевший пять обычных земельных наделов (гайд), и в качестве такового он обязательно являлся со своими людьми на войну. Мы еще будем иметь случай в другой связи рассматривать этот факт, это выделение из общей массы народа специально военного класса. Пока мы только констатируем его, прибавив к этому, что постепенно термии *тэн* покрыл всех, кто владел minimum пятью гайдами, безразлично, как тех, кто находился с королем в дружинных отношениях, так и тех, кто не был королевским дружинником. И королевские дружинники (gesith), и представители старой родовой знати (эрлы), и просто владельцы не менее пяти гайд земли,—все они входили в состав служилого класса, развивавшегося с развитием королевской власти.

Мало-помалу из класса тэны стали сословием. Слово thegn стало обозначать не только служилого человека, человека, несшего определенную службу королю, а через него государству, оно стало обозначать просто знатного человека, как в прежнее время слово *эрл*. Потомок человека, ставшего тэном благодаря своим пяти гайдам земли, уже в третьем поколении становился знатным, даже не имея ни одного собственного акра. Права тэна приобретал и купец, три раза переплывший со своими товарами через море. Раз сословие знатных составлялось из таких разнообразных социальных элементов, естественно, что это разнообразие не могло не отразиться на самом сословии. В сословии тэнов мы действительно замечаем несколько градаций, и в основе этого разделения лежала та или иная степень близости тэна к королю и к правительственной власти, а также то или иное количество земли, находившейся в распоряжении тэна. Личность королевского дружинника, получившего от короля крупное поместье, конечно, имела большее значение, чем личность владельца пяти гайд, не вступавшего с королем в дружинные отношения. Для

высшего разряда тэнов сохранился старый сословный термин эрл: тэн, владевший сорока гайдами, становился в ранг эрла, делался eorl-cund-man и передавал этот ранг и своим потомкам, которые сохраняли его, даже утратив имущественное положение своего предка.

Проведение в жизни принципа, что всякий владевший minimum пятью гайдами становился тэном, и не вступая с королем в дружинные отношения, вскрывает перед нами факт серьезных изменений в экономическом строе англо-саксонского общества, свидетельствуя о том, что процесс расчленения общества на неравные в имущественном отношении группы совершался в этом обществе и без прямого влияния королевских пожалований и сделал уже значительные успехи. Но прежде чем заняться этим вопросом, мы укажем на развитие в англо-саксонском обществе церковного землевладения, совершавшегося в очень значительной мере за счет королевских домэнов, попадавших в руки церквей и монастырей как непосредственно из рук короля, так и через посредство разбогатевших на королевской службе магнатов. Как король, так и его дружинники, а затем и элдормэны графств, также располагавшие нередко огромными земельными владениями, в одинаковой мере материально понимали вопросы религии и в одинаковой мере были щедры к церквам и монастырям. Не отставали от них по мере сил и среднего достатка люди и даже вовсе небогатые; отдавая монастырю всю ли свою землю, или ту или иную часть ее, они нередко не только обеспечивали себе этим загробное благополучие, но и очень уютно устраивали себя и своих потомков еще и в этой земной юдоли, находя в покровительстве богатой и могущественной духовной корпорации защиту и оплот от всяких на каждом шагу подстерегавших тогда среднего человека хозяйственных и нехозяйственных случайностей; к тому же монастырь, получив в собственность его землю, нередко отдавал ее ему обратно на тех или иных условиях долгосрочной, а то и наследственной аренды.

А случайности эти действительно не заставляли себя ждать среднего человека англо-саксонского общества, простого свободного кэрла. Нужно заметить, что первоначальная свободная сельская община германских племен не отличалась большой прочностью своих распорядков, столь характерной для общины последующего, феодального, периода, общины закрепощенной. Это общее наблюдение вполне применимо и к первоначальной англо-саксонской общине. И в ней мы наблюдаем дробление наделов, отчуждение их и скопление в руках отдельных семейств путем наследования, купли-продажи, брака и т. п.

Система выкупов и судебных штрафов, господствовавшая в варварских королевствах, с своей стороны, способствовала развитию в обществе имущественных различий: нередко она вела к полному разорению самого правонарушителя и к ослаблению хозяйственных сил его родственников, помогавших ему в уплате штрафов и выкупов, которые достигали иногда чуть не двух тысяч

солидов, огромной суммы при тогдашней дороговизне денег, когда бык, этот денежный знак той эпохи, стоил всего лишь от одного до трех солидов. Очень тяжелым бременем ложились на среднее крестьянское владение государственные натуральные повинности, как военная, например, и судебная повинности, отрывавшие от земли ее рабочие руки и тем расстраивавшие мелкое крестьянское хозяйство и делавшие его легкой добычей крупного землевладельца, выигрывавшего на счет мелких владений также и благодаря постепенно все-таки развивавшейся и доступной только крупным владельцам хозяйственной технике. А между тем с ростом государственности и ее потребностей повинности эти, в особенности военная, становились все тяжеле и тяжеле. Так плохо обставленное в борьбе за существование против крупного землевладения свободное крестьянство еще более страдало оттого, что естественная тенденция крупного владения поглощать мелкое осуществлялась с помощью и таких средств, как прямое насилие, а также беззаконное обременение мелких владений повинностями и платежами со стороны представителей государственной власти, позволявших себе всевозможные злоупотребления. Все это вело к тому, что многие мелкие землевладельцы постепенно лишались не только своих земель, но и свободы, а владения крупных все увеличивались, и во избежание худшего мелкие люди добровольно отдавали себя и свою землю под покровительство и во власть сильных людей. Не забудем еще таких хронических общих бедствий, как постоянные внутренние войны до объединения англо-саксонских королевств и датские нашествия; они тоже должны были сокрушительно влиять на положение народной массы, подрывая ее хозяйственное равновесие и удобряя почву для крупного землевладения.

В результате и оказалось, что среднему человеку, опоре и оплоту англо-саксонского общества прежней поры, уже не под силу было отправлять свои государственные повинности и первую из них военную повинность. И повинность эта перешла к тем, кто вышел победителем из жизненной борьбы, кто не только не ослабел в ней, но усилился на счет слабого. Только те, у кого было не меньше пяти обычных наделов свободного человека, только они стали нести военную повинность. Но зато они стали и знатными, стали в ряд с королевскими дружинниками, сделались тэнами.

Но и политическая жизнь в связи с этим подверглась серьезным переменам, стала отливать в другое, более узкое русло. Социальный процесс, углублявший общественные неравенства в указанном направлении, на этом не остановился. Между социально-сильными и социально-слабыми элементами общества должны были установиться какие-нибудь более или менее определенные отношения. И отношения эти не замедлили возникнуть и постепенно принять в общем вполне определенные формы, по существу одинаковые у англо-саксов и у других германцев, основавшихся на территории Римской империи.

Нужно заметить, что охрана общественного мира, которую брала на себя королевская власть как одну из главных своих задач, была для нее далеко не легкой задачей. Королевская власть, как и вся представляемая ею широкая государственность англо-саксов, несмотря на все свои успехи и ресурсы, не располагала, тем не менее, средствами, необходимыми для того, чтобы сколько-нибудь удовлетворительно разрешать указанную задачу, чтобы всегда быть в состоянии защищать слабого от посягательств сильного, чтобы оградить общество от внешних и внутренних врагов, общество, еще полное брожения, общество, далеко не все элементы которого уложились в рамки мирной жизни и определенного и постоянного труда. Если задача эта хоть в некоторой мере выполнялась, то это возможно было лишь при наличности общественных союзов, в отношении к которым широкая государственность являлась позднейшей надстройкой. Разумеем родовые союзы. Но родовые союзы давно уже стали разлагаться. Постепенно сменившие их чисто аграрные союзы, сельские общины, также испытывали на себе целый ряд влияний, в сильной мере, как мы видели, расшатавших общинный строй с характеризовавшей его сравнительной равномерностью распределения материальных благ. Задача государственной власти стала еще трудней. Если и раньше ей было не под силу оказывать свое охраняющее или устрашающее воздействие непосредственно на индивидуума, и она могла влиять на него только через посредство того союза, к которому он принадлежал, то теперь, с постепенным разложением этих союзов, индивидуум оставался совершенно вне сферы ее воздействия, а вместе с тем и вне всякой охраны, вполне предоставленный стихийной игре общественных сил, фактических отношений, которые, в конце концов, и должны были определить те формы, в какие должно было отлиться вышедшее из прежней колеи общественное существование. Предшествующее изложение, нам кажется, несколько познакомило нас с общим характером элементов, из которых предстояло слагаться новым отношениям.

Социальный процесс, выделивший из народной массы, с одной стороны, людей сильных и многоземельных и, с другой стороны, людей слабых и безземельных, тем самым намечал и те категории отношений, которые с естественной необходимостью должны были сложиться на этой почве. Не находя защиты в разложившемся уже родовом союзе и у неимевшего средств оказать ему ее государства, слабый человек, естественно, должен был искать ее у сильного, под его частным покровительством, под его mundium'ом. Выбитый из рамок общинного, аграрного союза, безземельный должен был искать приложения для своей рабочей силы на земле многоземельного, снимая у него в арендное пользование необходимое для пропитания себя и своей семьи количество акров; другого приложения для своих рабочих рук безземельный человек ри-

сковал вовсе не найти при тогдашних хозяйственных условиях, при господстве земледелия, при слабом разделении занятий, которое бы давало безземельному человеку возможность так или иначе пристроиться к какому-нибудь ремесленному или промышленному предприятию. Многоземельный человек с охотой раздавал землю безземельным: те же хозяйственные условия, которые заставляли безземельного искать земли, побуждали многоземельного раздавать землю нуждавшимся в ней, раздавать им все те земельные излишки, которые оставались у него за вычетом количества земли, на которой он сам вел с помощью своих рабов и иных зависимых людей свое собственное, барское хозяйство. Это необходимое для него количество барской—*домэниальной* (как стали позже говорить)—земли (terra dominica) не могло быть очень значительным, потому что хозяйство его не могло быть очень крупным хозяйством. Многоземельный человек, таким образом, поневоле должен был уступать пользование своими землями (значительнейшей частью их) людям безземельным и вообще всякому нуждавшемуся в земле человеку на тех или иных условиях, обыкновенно на условиях бессрочной, а еще чаще—наследственной аренды, оплачиваемой натуральным, но и денежным оброком и натуральными службами в барском хозяйстве. Мы видим, таким образом, что общие хозяйственные условия эпохи не допускали в англо-саксонском обществе, как и в других германских обществах той поры, разрыва связи между землею и земледельцем, не создавали в полном смысле слова безземельного пролетариата, что, и потеряв по той или иной причине право собственности на свою землю, крестьянин имел полную возможность немедленно же опять сесть на землю, хоть и на чужую, и завести на ней собственное хозяйство, а нередко ему и вовсе не нужно было уходить с когда-то ему принадлежавшей земли: он мог спокойно оставаться на ней, только уже не в качестве собственника, а лишь в качестве бессрочного или наследственного арендатора, обязанного отдавать часть продуктов своего труда и нередко часть самого труда новому ее собственнику.

Итак, частное покровительство и аренда—вот те формы личных и поземельных отношений, развитие которых являлось неизбежным результатом сделавшего значительные успехи расчленения англо-саксонского общества на сильных и слабых, многоземельных и безземельных. Крупный магнат или монастырь, получив от короля огромные пространства незанятой и невозделанной земли, чувствовал особенную потребность в безземельных людях, чтобы привести свои владения в культурное состояние. И на землях у таких владельцев возникали целые деревни наследственных арендаторов, организованные на обычных в то время общинных началах.

Оставим пока аграрную сторону изучаемой нами общественной эволюции и обратимся к рассмотрению характерных для нее личных отношений, тем более, что это две по существу различные

стороны процесса, хотя на практике они и бывали тесно связаны друг с другом в силу того, что сильный человек был в то же время всегда и крупным землевладельцем, а слабый очень часто являлся и человеком безземельным, что крупный землевладелец eo ipso становился центром, притягивавшим к себе слабые, разрозненные общественные атомы, когда-то входившие в состав родовых и аграрных соединений, а теперь искавшие у него защиты и средств к существованию.

Отдача себя слабым человеком под защиту сильного, под его частное покровительство, под его mundium (в англо-саксонской форме mund), называлась *коммендацией* (commendatio) как у англо-саксов, так и у других германских племен. Слабый человек *коммендировался*, отдавал себя в руки под покровительство и власть сильного человека (in manus или manibus se commendare или tradere), становился его *человеком*, *homo*, и при этом вкладывал свои руки в его руки и приносил ему клятву верности, а сильный человек брал на себя обязательство оказывать ему свое покровительство и защиту (defensio, tuitio), пока он будет находиться в числе его *людей*. Сильный человек, у которого слабый искал защиты и для этого коммендировался ему («pro sua defensione se commisit» такому-то, как выражались англо-саксонские документы), становился его *глафордом* (hlaford, новая форма—lord) или *сеньером* (senior по терминологии франкских источников, а по-латыни dominus). Становясь *человеком* (homo) сильного человека, признав его своим глафордом, сеньером, слабый человек приобретал существенные выгоды, потому что глафорд был для него защитником, defensor, tutor, protector, advocatus, и как закону, так и беззаконию приходилось считаться не столько с *человеком*, сколько с его лордом, который мог и защитить своего homo на суде своей очистительной клятвой (а клятва сильного человека много значила в глазах закона), и принять на себя иск, вчиненный против его homo, а также имел право в случае убийства этого последнего требовать с убийцы и его родственников особого выкупа в свою пользу (так называемый man-bot в отличие от maegbot, выкупа, который получал в то же время и род убитого).

Но не одни совершенно мелкие и безземельные люди искали защиты и покровительства под властью сильных и многоземельных людей. В той или иной мере подчиниться богатому и могущественному человеку или монастырю, в той или иной мере признать его власть и искать его покровительства было неизлишним и небезвыгодным и для людей, материально более самостоятельных, так как это избавляло их в значительной степени от случайностей царившего в обществе произвола и насилия и вместе с тем давало им немало и положительных преимуществ. С другой стороны, и для сильного человека очень было важно еще больше усилиться, иметь под своим покровительством и властью возможно больше людей, готовых и обязанных поддерживать и защищать его

и в мирное время, и на поле битвы. И мы видим, что центры местной самостоятельности, силы и власти все расширяются, захватывая в свои пределы самый разнообразный социальный материал— от бездомного и безродного бедняка, отдавшего себя «in mundiburdium» (как выражаются франкские источники) сеньера, чтобы тот «помогал и оказывал ему содействие пищей и одеждой, насколько он служит и будет того достоин», и до людей вовсе не слабых, но искавших под властью и защитой могущественного магната или духовной корпорации еще большей силы и воли. Коммендировались как безземельные люди—и при этом нередко получали от лорда землю на условиях бессрочной, пожизненной или наследственной аренды (мы уже видели это) как мелкими крестьянскими участками (если это были мелкие, рабочие люди) за натуральные и денежные оброки и хозяйственные службы, так и большими поместьями в виде *бенефициев* (beneficium) с обязательством нести лорду военную повинность в качестве его военных товарищей, дружинников, служилых людей, тэнов (и об этом уже была речь),—так и мелкие и сравнительно крупные землевладельцы, добровольно «отправлявшиеся со своей землею к какому хотели лорду», «имевшие право искать себе лорда, где хотели», «отправлявшиеся со своей землею, куда хотели».

Уже в древнейших законах англо-саксов мы находим следы частной власти над свободными. Так, в Правде уэссексского короля Ini (около 690 г.) читаем (с. 39): «Если кто уйдет от своего лорда без позволения или тайно убежит в другое графство и будет найден, пусть он возвращается туда, где был прежде, и заплатит своему лорду 60 шиллингов»[1]. В том же законодательном памятнике читаем и о выкупе (man-bot), который получал лорд в случае убийства коммендировавшегося ему человека от убийцы и его родственников. В Правде короля Альфреда (около 890 г.) § 4 гласит: «Кто составляет заговор на жизнь своего лорда, пусть жизнь его и все, что он имеет, принадлежит лорду»[2].

Насколько значительны были успехи, сделанные частной властью уже к середине X в., об этом красноречиво свидетельствует закон короля Эдмунда (изданный около 943 г.), которым клятва верности королю делается обязательной для всех: все обязаны поклясться, что будут верны королю, «как *человек* должен быть верен своему лорду..., любя то, что он будет любить, избегая того, что он будет избегать («sicut homo debet esse fidelis domino suo... in amando quod amabit, nolendo quod nolet»)»[3]. Это проникновение королевской власти частным характером вполне гармонировало с общими условиями. Король являлся самым сильным в частном смысле человеком в англо-саксонском обществе по своему богатству и по величине и силе своей дружины, и его частного

---

[1] *Stubbs*, Select Charters, Second edition, p. 62.
[2] Ibid., p. 62—63.
[3] Ibid., p. 67.

покровительства с особенным рвением искали и слабые, и сильные вполне правильно рассчитывая, что под охраной его частного, специального королевского мира, они найдут то, чего не даст им частная власть всякого другого глафорда. Неудивительно, что королевская власть и вообще постепенно стала приближаться к частной власти, что отношение короля, главы государства, к своим подданным стало отождествляться с отношением глафорда к своим *людям*.

Ясно сознавая невозможность непосредственно, с помощью своих органов, воздействовать на всех и каждого из членов общества в смысле ограждения их жизни и имущества, государственная власть не только не видит в частном покровительстве, возникшем и развивавшемся помимо нее и в восполнение ее, своего врага, но усматривает в нем своего союзника и уже очень рано сообщает этим отношениям санкцию закона, как мы это только что видели из Правд англо-саксонских королей, из тех параграфов их, которые определяют права глафордов. Но на этом государственная власть не остановилась. Признав за глафордами известные права в отношении к коммендировавшимся им людям, она в то же время наложила на них обязанности общественного характера, сделала их ответственными за поведение их *людей*, обязала их в случае правонарушений со стороны этих людей представлять их в суд сотни, создала таким образом из глафордов свои полицейские органы. Государственная власть воспользовалась, таким образом, помимо нее сложившимися отношениями частной защиты для своих полицейских целей и ввиду этих целей заботилась о распространении и развитии этих отношений. Такая политика государства находит свое полное выражение в постановлениях короля Ательстана. «И мы постановляем,— читаем мы в Правде этого короля (около 930 г.),—относительно тех не имеющих глафордов людей, в отношении к которым закон не может быть применим, чтобы родственникам такого человека повелено было... найти ему лорда»[1]. Человек, который по истечении известного срока после опубликования этого постановления окажется вне частного покровительства, будет считаться на положении беглеца, и всякий может убить его безнаказанно как вора; а кто будет укрывать его, заплатит штраф. Глафорд не имеет права брать под свое покровительство людей, уже находящихся под покровительством другого лорда, без разрешения этого последнего («...ne aliquis recipiat alterius hominem sine licentia ejus cui ante folgavit, nec intra mercam nec extra»)[2]. Глафорду запрещается отказывать в покровительстве свободному человеку, добросовестно исполнявшему в отношении к нему свои обязанности («et etiam ne dominus libero homini hlafordsoknam interdicat si eum recte custodierit»)[3]. За всех своих

[1] Select Charters, p. 66.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.

людей глафорд ручается, что они не будут виновны в краже («...ut omnis homo teneat homines suos in fidejussione sua contra omne furtum»). Если же этих зависимых от него людей у него так много, что он не может лично уследить за их поведением, то он обязан поставить в каждом селе старосту, верного человека, который бы брал на себя поручительство за крестьян этого села («Si tunc sit aliquis qui tot homines habeat quod non sufficiat omnes custodire, praeponat sibi singulis vilis praepositum unum, qui credibilis sit ei, et qui concredat hominibus»)[1]. Закон короля Эдмунда (около 943 г.) постановляет, что «всякий человек отвечает за своих людей и за всех, которые находятся в его мире и на его земле» («ut omnis homo credibiles faciat homines suos et omnes qui in pace et terra sua sunt»)[2].

Таким образом, англо-саксонское общество разбивается на две социальных группы: глафордов (лордов) и их *людей*. Возлагая на глафордов ответственность перед государством за находившихся под их частной властью людей, государственная власть предоставляет им известные материальные выгоды, вознаграждающие их за несение этой натуральной государственной повинности: глафорды получали в свою пользу часть судебных доходов в виде штрафов и иных поступлений, которые они делили с общегосударственными учреждениями, с судебными собраниями сотни; при конфискации, например, имущества вора часть этого имущества шла на вознаграждение потерпевшего, а остаток делился поровну между сотней и глафордом.

На первых порах глафорды, повидимому, не имели собственной юрисдикции, не имели права сами, в своем суде, судить своих *людей* и лишь обязаны были в случае правонарушений представлять их в суд сотни и получать часть судебных доходов. Но сравнительно скоро они получили и это право, право иметь свою собственную судебную курию для разбора дел, возникающих среди зависимого от их частной власти населения. Право это они получили сверху, от короля, от той государственной власти, которая не находила несовместимым с своими собственными прерогативами санкционировать частную власть глафордов над их *людьми*, видя в ней очень серьезного своего союзника, и не усматривала ничего антигосударственного и в перенесении на глафордов обязанности и самим судить своих людей, чем в значительной мере облегчались функции общегосударственных учреждений, сотенных собраний, и без того уже деливших с глафордами судебные доходы. Повторяем: передача лорду юрисдикции над своими *людьми*, того, что по-англо-саксонски называлось *сокой (sac and soc, saca et soca* или просто *soca)*, не представляла собою какого-нибудь крайне важного шага со стороны королевской власти, как это может казаться нам, воспитанным в совсем иных публично

---

[1] Selest Charters, p. 66.
[2] Ibid., p. 67.

правовых понятиях, с точки зрения которых передача права суда в частные руки является прямым и самым крайним нарушением публичноправового принципа. Такого строгого разграничения публичноправовой сферы и сферы частного права тогда не существовало, как мы уже в достаточной мере могли убедиться, знакомясь с развитием коммендации. Тем не менее, частная юрисдикция— настолько важная, основная черта средневекового общества, что на ней следует с большим вниманием остановиться.

Предоставляя глафорду право иметь собственную курию для разбора дел, возникавших среди находившихся под его частной властью людей, король в сущности только ставил точку над i, раз уже и до этого глафорд имел право на судебные доходы. А вопрос о доходах являлся здесь главным вопросом. Получив право иметь свою курию, лорд вовсе не становился судьею своих людей. И в его частной курии суд был народный, как и в суде сотни и графства, судьями являлись все присутствовавшие, теперь обязанные отбывать свою натуральную судебную повинность уже не в суде сотни и графства, а в новом судебном собрании; разница с прежним была лишь в том, что председателем собрания был теперь не королевский чиновник, не шериф или сотенный бэйлиф, а агент их лорда, его сенешал, или стьюард (steward), если не сам лорд, который и получал в свою пользу штрафы и другие судебные доходы. Право лорда иметь свою курию было, таким образом, скорее фискальным правом, чем правом юрисдикции. У самого ли лорда, в его владениях и под председательством его или его агента будет происходить судебное собрание, или же это будет собрание сотни и лорд будет только обязан представлять туда прикосновенных к тому или иному судному делу своих людей, это не имело существенного значения; главный вопрос был лишь в том, кому идут штрафы и другие судебные доходы, королю или частному лицу, и раз они шли частному лицу, то король не был уже в сущности заинтересован в том, как будет получать их это частное лицо, будет ли оно взимать их по приговору сотенного собрания или же по приговору собрания, собранного по его собственному повелению и под его собственным председательством или под председательством его сенешала.

Эта чисто фискальная точка зрения на дело правосудия, на одну из важнейших функций государственной власти, чрезвычайно характерна для изучаемой нами стадии в политическом развитии европейского и в частности английского общества, и она многое объясняет нам в этом средневековом строе, что иначе оставалось бы для нас совершенно непонятным. Не нужно забывать, что широкая государственность, к которой под влиянием прежде всего чисто внешних условий резко перешли германские племена, была лишь чисто внешней надстройкой над теми узкими общественными соединениями, в которых до сих пор сосредоточивалась и общественная, и политическая жизнь германцев, заключенная в рамки веками складывавшегося обычая, и что эти

более узкие соединения в существе оставались с прежним значением и после того, как над ними были заложены основы новой политической жизни. В своем месте мы уже видели, что развитие королевской власти не изменило по существу ни «народных собраний» (folkmoot) графств, ни сотенных собраний, ни сельских сходов, галимотов, ни даже уитенагемотов; все они остались народными учреждениями и сохранили искони принадлежавшие им функции и из них главнейшую—судебную; они стали монархическими учреждениями в сущности лишь номинально; в частности судебные собрания сотни и графства попрежнему отправлялись народом как его натуральная государственная повинность, с соблюдением все тех же процессуальных форм, и роль королевской власти в сущности сводилась к взиманию через посредство своих агентов причитавшихся ей штрафов и иных судебных доходов, для чего агенты эти постепенно проникли в состав этих собраний и стали председательствовать на них, ничего не изменяя ни в составе собраний, ни в его активной, судебной роли. На этой-то чисто фискальной стороне и сосредоточивался весь интерес королевской власти к судебному делу, до нее существовавшему и до нее организовавшемуся. Эту же чисто фискальную сторону только и мог иметь в виду король, устанавливая те или иные отношения частных лиц к судебному делу и в частности давая глафорду право иметь свою собственную курию для разбора дел, возникавших между его людьми.

Частные лица получали от короля право иметь собственную курию не только для одних лишь коммендировавшихся им людей. Англо-саксонские короли, как и короли франкские и короли других германских племен, временами очень щедро раздавали судебные права (в разъясненном смысле) частным лицам и монастырям, и не только над людьми, уже и без того находившимися под их властью, но и над людьми, до тех пор совершенно им посторонними, иногда над целыми деревнями и округами, до тех пор всецело пребывавшими под юрисдикцией общегосударственных учреждений, так что тот или иной королевский тэн или монастырь иногда совершенно заменял своими агентами королевских чиновников, председательствовавших в сотенном собрании данной сотни (а иногда и не одной сотни), и получал в свою пользу все те судебные доходы, которые до этого принадлежали королю. Таким путем король награждал своих тэнов за службу, а еще чаще обеспечивал себе эту их службу, а передавая эти юрисдикционно-фискальные права монастырю, он обыкновенно обеспечивал своей душе службу его монахов перед лицом всевышнего. При отсутствии достаточных денежных фондов это был один из самых верных способов обеспечения «непроизводительного» труда классов, отправлявших в обществе военную и религиозную функции.

Но это был не единственный способ. Рядом с ним были и другие, с ним сходные. Король имел право не только на судебные

штрафы и другие судебные доходы. В том же качестве главы государственной власти он имел право на разного рода натуральные сборы с народа, в особенности когда он ездил по стране со своею свитой (мы уже упоминали об этих «фирмах», feorm по-латыни victus, pastus), а также на разного рода рыночные и торговые пошлины. И этими своими правами король распоряжался как частным своим достоянием и как и право свое на судебные доходы передавал их в руки частных лиц и духовных корпораций. Таким образом, целый ряд местностей в королевстве, иногда представлявших собою целые округа, оказывался почти совершенно изъятым из ведения королевских чиновников, которым здесь нечего было делать, потому что все то, к чему они должны бы были прикладывать свои руки, находилось в частных руках, потому что местности эти и эти округа были выделены из сферы влияния королевской власти, замененной здесь в своих по существу фискальных функциях частной властью, властью частных лиц или духовных корпораций, наделенных королем тем, что у франков называлось *иммунитетом*.

Как ни неясно было для англо-саксов различие между публично-правовой и частноправовой точками зрения на права королевской власти, тем не менее пожалование королем иммунитета путем выдачи иммунитетной грамоты (у англо-саксов грамота эта называлась *freols bóc*, у франков соответствующим латинским термином—*carta immunitatis*), как общее правило, не касалось лежавшей на земле данного, таким образом экзимируемого (изымаемого из общего управления) округа так называемой «тройной повинности», trinoda necessitas, состоявшей, как мы уже знаем, из обязанности сидевших на ней свободных англо-саксов отправляться в поход и чинить мосты и укрепления («sit autem illa terra libera ab omni saecularis rei negotio, *praeter pontis, arcisve restaurationem et contra hostes communem expeditionem*»); в противном случае серьезно пострадали бы интересы общества, которое таким путем в значительной мере лишилось бы своих военных ресурсов; это уже было бы посягательством короля на интересы общества и на основы его исконного строя, тогда как, передавая в частные руки юрисдикцию или торговые или рыночные пошлины, король ничего по существу не изменял, а лишь уступал другим свои доходы, которые находились в его полном распоряжении.

В передаче королем своих фискальных прав (в том числе и права юрисдикции в разъясненном нами смысле) на те или иные местности и округа обыкновенно и состояли те земельные пожалования, о которых говорят дошедшие до нас грамоты (land-books) англо-саксонских королей, выданные ими церквам, монастырям и светским магнатам. Грамоты эти не передают права собственности на ту или иную землю; они передают в частные руки лишь права государственного верховенства, принадлежащие королю как главе государства. Права частной собственности в отношении к каждой точке данной территории остаются при этом в неприкосновенности,

оставаясь в руках у тех, у кого они находились до перехода территории из непосредственного влияния короля в частные руки, до превращения ее в *боклэнд* (bóc-land или book-land, т. е. земля, точнее территория, права в отношении которой принадлежат данному частному лицу или учреждению в силу королевской грамоты, bòc или *book*, собственно *книга*). Повторяем: в частноправовом и в хозяйственном смысле все остается по-старому на территории, превратившейся в силу королевской грамоты, королевской bóc, в bóc-land. Разница с прежним заключалась лишь в том, что председателем в судебном собрании данного округа был не королевский чиновник, а приказчик получившего bóc лица, или монастыря, что судебные доходы шли не королю, а этому лицу или монастырю, которым следовали и «фирмы», рыночные и торговые пошлины и всякие иные до сих пор шедшие королю как королю доходы. И хозяйство, и владение живших на территории данного округа свободных людей оставались неприкосновенными. Отношение их к земле, на которой они сидели и хозяйничали, попрежнему было или правом родовой или индивидуальной собственности, регулируемой обычным народным правом (folk-right), сообщавшим этой земле характер фоклэнда (*folkland*, т. е. земли, владеемой на обычном, народном праве), или же правом пользования, арендным отношением, делавшим их временными, бессрочными или наследственными пользователями чужой земли, ставшей таким образом из *laen-land* (арендной землей). Само собой разумеется, что путем выдачи земельных грамот (land-books), скрепленных подписями его уитанов, король мог превращать в book-land и свои населенные рабами и полусвободными или отданные в аренду свободным людям земли, а также и свои пустопорожние земли, и в этих случаях выдававшаяся им обыкновенно грамота передавала данному частному лицу или учреждению не столько политические права на эту землю, сколько настоящее право собственности на нее, а также на сидевших на ней несвободных людей. Во всяком случае book-land всегда являлась землей привилегированной, полученной в силу королевской грамоты, скрепленной подписями членов уитенагемота и дававшей обыкновенно не право собственности, а право политического верховенства, делавшей наделенного этой грамотой не столько собственником земли данного округа, сколько иммунистом, владельцем иммунитета.

И снизу, путем коммендации, и сверху, путем пожалования королем юрисдикционных и иных своих прав в дар или в виде бенефиция (за службу или в ожидании службы), «частная» власть сильных людей все развивается, захватывая все бо̀льшую и бо̀льшую территорию и все резче и резче расчленяя англо-саксонское общество на глафордов и их *людей*. Она еще более усиливается, когда появляется настоящий государственный налог, *датские деньги* (Danegeld), и правительство возлагает ответственность за уплату его крестьянами на глафордов, воспользовавшись,

таким образом, глафордатом и для новой общегосударственной цели. Это последнее обстоятельство очень близко придвинуло глафордов к их *людям* и должно было с своей стороны оказать серьезное влияние на положение народной массы, все более и более лишавшейся своей самостоятельности, так что к концу англо-саксонского периода уже значительная часть свободного крестьянства превратилась в полусвободных *вилланов*, отдававших своим лордам часть продуктов своего труда, а также и часть самого труда для надобностей их собственного, барского хозяйства, и немало сельских общин превратилось в феодальные поместья, которые потом стали называться *манорами*.

К этому результату вели все рассмотренные нами стороны социальной эволюции англо-саксонского общества, все то, что расчленяло это общество на две резко различные группы. Результат этот обозначился лишь постепенно, хотя с уверенностью можно сказать, что уже очень рано стала намечаться манориальная, поместная система. Конечно, прежде всего объектом хозяйственной эксплоатации глафорда могли стать наряду с его посаженными на землю рабами или полусвободными коммендировавшиеся ему безземельные свободные люди: они могли не только давать ему часть продуктов, добытых ими с данной им при этом в бессрочную или наследственную аренду земли, но и работать то или иное число дней в году на барском поле и отдавать навоз от своего скота для удобрения барского поля (для чего скот этот должен был загоняться в господский загон). Но мало-помалу на одну линию с этими людьми стали и те свободные люди, в отношении к которым глафорд имел лишь права политического верховенства, и в маноры стали превращаться сельские общины, населенные исключительно свободными людьми, бывшими в то же время и свободными землевладельцами, сидевшими на своей собственной земле.

Первоначально лицо или учреждение (церковь, монастырь), наделенное королем правом *соки* и другими чисто политическими правами в отношении к данной совершенно свободной сельской общине, лишь спорадически напоминало о себе общине, требуя через своего агента следуемых ему натуральных поступлений. Раз или два в году крестьяне отвозили на своих подводах в часто отдаленную резиденцию своего глафорда следуемое ему с них количество сельских продуктов и затем могли и вовсе позабыть о том, что над ними есть где-то какая-то власть. Но власть эта не всегда оставалась невидимой и далекой. Все чаще и чаще становились случаи, что власть эта все ближе и ближе придвигалась к общине и, наконец, пускала корни здесь, устраивая в полях общины барскую запашку на выделенных для этого в виде особой барской земли (terra dominica, demesne land) полосах, разбросанных по всем полям общины вперемежку с крестьянскими полосами, и заставляя общинников возделывать эту землю в процессе общинных работ. Барская земля очень долго представляла собою всего лишь долю в полях общины и во всем подчинялась

общинным хозяйственным порядкам. Свободные общинники превращались, таким образом, в барщинников, их повинности становились все более и более определенными, регулируясь в каждом поместье постепенно слагавшимися здесь обычными нормами.

Это был очень сложный и разнообразный в своих конкретных особенностях для каждого отдельного случая процесс, и здесь мы указываем лишь самое общее его направление. Процесс этот далеко еще не закончился в англо-саксонскую эпоху, и тот манориальный строй, какой рисуют нам поместные документы XIII, например, века, был еще делом далекого будущего. Тем не менее, и в англо-саксонскую эпоху наряду с манорами, возникшими путем заселения пустопорожних земель рабами-земледельцами (servi casati по франкской терминологии) и полусвободными того или иного сильного человека или монастыря, а также и совершенно свободными, нуждавшимися в земле людьми и с самого же начала, с самого момента поселения своего в данной земле работавшими на него, возделывая его поля, лежавшие в пределах данной, таким образом устроенной им деревни, уже в большом числе существовали маноры, постепенно возникшие на основе совершенно свободной сельской общины. Ее члены вначале были лишь коммендированы данному сильному человеку или монастырю, признавали его лишь своим патроном, глафордом, или же были подчинены полученной им в силу королевской жалованной грамоты политической (судебной прежде всего) власти над ними и в силу этого доставляли ему судебные доходы и давали «фирмы» и иные натуральные сборы и лишь постепенно стали и обрабатывать его землю, когда он устроил в пределах общины и свое собственное барское хозяйство. Они постепенно превращались в барщинников и от этого все более и более теряли свою свободу в отношении к лорду манора и становились на одну линию с его несвободными и полусвободными земледельцами, чтобы, в конце концов, слиться с ними в одну общую массу *вилланов*.

Являясь в отношении к зависимым от него в результате коммендации, земельной аренды и иммунитета людям глафордом, феодальным сеньером, осуществлявшим над ними целый ряд публичноправовых полномочий, с вытекавшими из них фискальными последствиями, крупный землевладелец был в то же время и представителем военной силы англо-саксонского государства, на котором лежало обеспечение внешнего мира (забота о внутреннем мире лежала на нем как на глафорде), был представителем военного сословия, сословия тэнов, о котором была речь выше и к которому перешла ставшая непосильной для массы военная повинность. Мы уже видели, что тэном мог стать землевладелец, у которого было не меньше пяти гайд земли. Повидимому, к концу англо-саксонского периода военная повинность тесно срослась с землей, и каждые пять гайд должны были ставить во время похода одного воина. Поэтому крупные землевладельцы должны были выступать в поход каждый во главе отряда, соответствую-

щего по своей численности размерам их собственных земельных владений, а также размерам территории, над которой они осуществляли только политическую власть и население которой, состоявшее из землевладельцев, не обладавших цензом тэна, должно было соединяться в группы, обладавшие каждая в совокупности пятью гайдами, и выставлять от каждой группы вооруженного и снабженного всем необходимым воина. Надо думать, что сеньер сам находил нужных для этого специалистов военного дела, получая в свои руки поставлявшиеся для этого зависимым населением средства. К крупным землевладельцам перешла забота и об укреплениях и в частности о поддержании укреплений центрального города каждого графства, и мы видим в таких городах гарнизоны из зависимых военных людей крупных землевладельцев графства, живущих в домах, принадлежащих этим землевладельцам, и обязанных поддерживать укрепления города и быть его военной охраной. Старинное народное ополчение (fyrd) утратило прежнее значение и созывалось лишь в крайних случаях, когда надо было, чем попало, защищаться от вторгшегося в страну неприятеля.

3

В таком направлении развивался в англо-саксонском обществе тот сложный процесс, который развивался и в других германских государствах, образовавшихся на территории Римской империи и обыкновенно называется *процессом феодализации*. В этом процессе следует строго различать отдельные его моменты и стороны, потому что, хотя он и привел к образованию феодальных форм государственного устройства и управления,—а феодализм ведь есть не что иное, как особая форма государственного устройства и управления,—тем не менее далеко не все в нем и в его результатах может быть признано феодальным. Процесс социальной диференциации, все более и более углублявший общественные неравенства, расчленявший общество все резче и резче на слабых и сильных, богатых и бедных, многоземельных и малоземельных и безземельных, и естественно приведший к образованию союзов частной власти и частного подчинения, являлся необходимой социальной предпосылкой феодализма, был подготовительным моментом феодализационного процесса в собственном смысле, создавшим ту социальную обстановку, в которой мог возникнуть феодальный государственный порядок, после того как государственная власть сочла необходимым вмешаться в эту чисто стихийную игру частных сил и частных интересов и внести в нее сознательность и планомерность, направив ее в сторону общегосударственых интересов и для этого наделяя представителей частной силы и власти публичноправовыми полномочиями в отношении к зависимым от них людям и тем привлекая их к общей государственной работе по обеспечению внутреннего и внешнего мира; так что если подготовительный процесс расчленял государственное

целое на центры местных интересов, то процесс феодализации в собственном смысле вел к сплочению их вокруг общего государственного центра, к восстановлению и укреплению государственного единства. Сеньерат (глафордат) и коммендация сами по себе— явления частного порядка, и в сферу публичного права они вступают лишь после того, как частная власть сеньера осложняется элементами власти публичной, государственной, передаваемой сеньеру иммунитетной грамотой, наделяющей его юрисдикцией и другими правами политического верховенства.

Наделяя представителей частной силы и власти публично-правовыми полномочиями, королевская власть создавала таким путем новые органы управления, восполнявшие недочеты правительственного аппарата, отчасти унаследованного ею от далекой старины (это так называемые народные учреждения—уитенагемот, сотни и графства с их собраниями и их старинными должностными лицами, село с его организацией, служившей государству полицейскую и фискальную службу), отчасти созданного ею самою прежде всего для своих фискальных и хозяйственных надобностей, понимаемых ею в терминах частного права и частного интереса короля и его дома, и лишь постепенно превратившегося из королевских приказчиков в органы государственного управления (имеем в виду прежде всего шерифа графства и собственное должностное лицо сотни). К выполнению правительственных функций был таким путем привлечен постепенно все более и более усиливавшийся класс в той или иной мере крупных землевладельцев, превращенных, таким образом, в государственное военное и правящее сословие в то время, как англо-саксонская масса, уже экономически неспособная выставлять необходимые военные контингенты, все более и более превращалась в крестьянское сословие, подсудное и подвластное своим глафордам, и своим крестьянским трудом обеспечивавшее этому правящему и военному сословию отправление военной и правительственной функций.

Государственная власть организует англо-саксонское общество в систему соподчиненных государственных сословий, между которыми и распределяются функции, необходимые для существования и благополучия государственного целого, осуществляя таким образом то, что можно бы назвать государственным разделением труда. Из экономических классов возникают государственные тяглые сословия. Таков социологический смысл рассмотренного нами выше феодализационного процесса, подготовленного процессом все развивавшейся социальной диференциации, ему предшествовавшего и сделавшего его необходимым при тогдашних культурных условиях. Эта система соподчиненных государственных тяглых сословий должна была служить государственной власти дополнительным ресурсом в деле управления, с которым ему невозможно было справляться с помощью старого, весьма несложного правительственного аппарата, становившегося все более и более недостаточным с постепенным осложнением основных за-

дач управления—обеспечения внутреннего и внешнего мира. Чтобы этот дополнительный правительственный аппарат выполнял успешно свое назначение, необходимо было, чтобы он находился в руках сильной центральной власти и в полном ее распоряжении, иначе он мог из ее орудия выродиться в ее врага, и наделенные ею публичноправовыми полномочиями представители частной силы и власти легко могли превратиться из сотрудников ее в ее конкурентов и даже врагов, опасных для государственного единства, для укрепления которого они были ею мобилизованы. Как известно, такова была дальнейшая эволюция феодализма в империи Карла Великого, выродившегося в политический партикуляризм и разложившего каролингскую империю и отдельные королевства, на которые она распалась, на целый ряд почти совершенно независимых княжеств, связанных с центром лишь фиктивными нередко узами вассальной верности. Возможно, что и англо-саксонскую Англию ожидала подобная же участь, и в ней уже возникли почти что независимые княжества, что не осталось без влияния на ее дальнейшую судьбу, ослабив и парализовав ее военные силы и сделав ее легкой добычей предприимчивого и хорошо вооруженного соседа. Но эта политическая катастрофа, отдавшая Англию в руки нормандского герцога Вильгельма, предотвратила политический ее распад, укрепила в сильнейшей мере центральную власть и, усилив и систематизировав феодальный аппарат, опять поставила его на то место, которое он должен был занимать в общей системе государственного устройства и управления наряду с другими, нефеодальными его органами и орудиями.

W. Stubbs, Constitutional History of England, v. I, Sixth. edition, Oxford MDCCCCIII.

F. W. Maitland, Domesday Book and Beyond, Cambridge 1907.

F. W. Maitland, The Constitutional History of England, Cambridge 1911.

P. Vinogradoff, English Society in the Eleventh Century, Oxford 1908.

П. Виноградов, проф., Средневековое поместье в Англии, СПБ 1911.

Frederic Seebohm, The English Village Community, Third edition, London 1884.

H. M. Chadwick, Studies on Anglo-Saxon Institutions, Cambridge 1904.

П. Виноградов, Исследования по социальной истории Англии в средние века, СПБ 1887.

Д. М. Петрушевский, Английское общество в XI в., 1909 г. (из «Журнала мин. нар. просв.», изложение основного содержания английской книги проф. Виноградова с тем же заглавием, вышеназванной).

ГЛАВА ВТОРАЯ

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ПЕРВЫЕ УСПЕХИ АНГЛО-НОРМАНДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Нормандское завоевание, завоевание Англии Вильгельмом, герцогом Нормандии, одного из почти совершенно независимых княжеств, из совокупности которых состояла тогдашняя капетингская Франция, является поворотным пунктом в английской истории, предопределившим весь ее дальнейший ход, сделавшим возможным для англо-саксонской Англии выйти из узких и тесных рамок в сильной мере изолированного и во многих отношениях провинциального существования и, теснее примкнув к широкому потоку континентального культурного развития и восприняв от него новые импульсы и усвоив уже сделанные им достижения, с своей стороны стать творцом мировых культурных ценностей, а в конце концов, и мировой державой. Какую бы сторону культурного развития средневековой Англии мы ни изучали,—будет ли это история образования ее языка, ее литературы, ее правовых идей, история ее политических форм, социального строя или ее экономической эволюции, ее церковных отношений и учреждений,—на каждом шагу нам приходится встречаться с последствиями Нормандского завоевания и убеждаться в силе и глубине его влияния. В частности, в настоящее время особенно сильно подчеркивается историками роль Нормандского завоевания в политической эволюции средневековой Англии, приведшей к возникновению английской конституции, ставшей достоянием всего культурного мира наравне с также в средневековой Англии возникшим судом присяжных. Если еще не так давно с особенной настоятельностью указывали на большое значение в процессе возникновения аглийского парламента, поставившего королевскую власть в ограничивавшие ее абсолютистские тенденции рамки закона и конституционного обычая, традиции англо-саксонской свободы, передававшейся через местные, уцелевшие от англо-саксонской эпохи учреждения (сотни и особенно графства), то теперь историки не склонны становиться на эту точку зрения и больше настаивают на определяющей роли феодальных форм и идей в том их виде,

в каком они появились в Англии с Нормандским завоеванием, и для них английская история и начинается с Нормандского завоевания.

Нормандское герцогство возникло в начале X в., когда король тогдашней Франции, один из последних Каролингов, Карл Простоватый, положил конец уже без малого двести лет терзавшим страну пиратским набегам норманов (как назывались тогда населявшие теперешнюю Данию, Норвегию и Швецию германские племена), уступив вождю одной из пиратских банд Hrolf'у или Роллону территорию, которую фактически она давно уже занимала и которая, имея своим центром город Руан, простиралась с одной стороны до реки Эпты, а с другой—до моря. Нормандский вождь и его дружина приняли при этом христианство и очень скоро показали себя ревнителями новой веры, основывая новые монастыри и восстановляя разрушенные. Графы норманов (comites Normannorum), как официально титуловались Роллон (принявший христианское имя Роберта) и его преемники, были вассалами французского короля, но фактически правили своей Нормандией, как стала называться их территория, как независимые государи. Не прошло и ста лет, как и сами герцоги Нормандии, как они стали себя титуловать (duces et marchiones Normannorum), и их нормандские соратники забыли и свой язык, и свои скандинавские обычаи и учреждения, переняли и язык, и нравы, и учреждения той Франции, на территории которой они поселились, и стали самыми деятельными распространителями французской феодальной культуры.

И Роллон, и его преемники проявили большие государственные способности и сумели поставить свою власть на очень большую высоту, что было нелегко в то бурное время, когда феодальный порядок, организованный Каролингами, выродился в политический партикуляризм, дробивший государственное целое на все более и более мелкие части, низводя носителя верховной власти в бледный лишь символ уже фиктивного единства. Нормандские герцоги сумели восстановить феодальный порядок в его подлинной политической сущности, вернуть его на то место, которое он должен был занимать как один из дополнительных правительственных ресурсов, как одна из форм государственного устройства и один из способов государственного управления, необходимый при известных политических и культурных условиях. В Нормандии феодальная система управления была более законченной, чем где бы то ни было в феодальном мире, и поэтому являлась и более совершенным правительственным механизмом в руках нормандского герцога, который в то же время имел полную возможность парализовать все ее опасные для его власти стороны, не выпуская из своих рук судебного верховенства, требуя верноподданнической клятвы от всех свободных людей, чьими бы вассалами они ни были, запрещая своим баронам вести частные войны друг с другом, вступать в соглашения с иноземными госу-

дарями в ущерб интересам герцога и чеканить собственную монету. Как и во всех других феодальных государствах, и в Нормандии военная служба и все другие государственные повинности баронов определялись частным соглашением, феодальным договором между ними и герцогом как их феодальным сеньером и сюзереном, такого же характера договором, каким определялись отношения (права и обязанности) между всеми другими вассалами и их сеньерами.

Но герцог нормандский был не только феодальным сюзереном: он был более, чем феодальный сюзерен, сохраняя права подлинной верховной власти в государстве и осуществляя этот суверенитет и феодальными, и нефеодальными средствами, распоряжаясь одинаково суверенным способом и феодальным, и нефеодальным аппаратом управления находившейся в его распоряжении нефеодальной административной системы. Под неограниченным контролем герцога находилась и нормандская церковь, что тоже являлось фактом, необычным в эпоху, когда католицизм заявлял в лице папского престола притязание на мировую гегемонию и на полное подчинение себе светской власти.

Новейшие исследователи[1] хотят видеть в так организованном в Нормандии государственном порядке в известном смысле наследие каролингской империи, утверждая, что сильная государственная власть, выскользнувшая из рук Каролингов и разошедшаяся по рукам тех, между кем была фактически поделена территория империи, и кто управлял ею в качестве представителей и органов ее областной администрации, продолжала и сохраняться в этих руках, когда они стали править своими административными округами уже на правах вассалов уже призрачной центральной власти, сохраняясь нередко в состоянии анабиоза, чтобы при благоприятных обстоятельствах воскреснуть с новой, иногда с необычной и прежде силой. К этому можно лишь прибавить, что тут может быть речь не только вообще о тех принципах и формах по существу неограниченной власти, которые перешли к каролингской монархии от монархии римской, преломившись в той или иной мере в современной Каролингам культурной среде и использовав и ее административные и иные государственные ресурсы, но и в частности о феодальном аппарате в той его постановке, какая была ему дана Карлом Великим, стремившимся, как известно, в более организованной форме привлечь к общегосударственной работе, по охране внутреннего и внешнего мира, представителей социальной силы и власти и для этого более систематически наделявшим их рядом полномочий и прав в отношении к зависевшим от них группам.

Как известно, Вильгельм Завоеватель, отправляясь в поход на Англию, выставлял себя законным наследником Эдуарда Исповедника, незаконно лишенным англо-саксонской короны благодаря захвату ее узурпатором, каким он объявил Гарольда, из-

[1] *G. B. Adams*, The Origin of the English Constitution, Enlarged edition MDCCCCXX, гл. I, особенно стр. 20.

бранного королем после смерти Эдуарда, не оставившего потомства; и благословение папы Александра II, приславшего Вильгельму освященное знамя, превращало в сущности разбойничье предприятие нормандского герцога, ничем по существу не отличавшееся от нормандских набегов прежних времен, в богоугодное дело, чуть ли не в крестовый поход против клятвопреступника, не побоявшегося будто бы нарушить слово, данное над святыми мощами. Конечно, это была чистейшая фикция, лишь в слабой мере прикрывавшая истинный характер экспедиции нормандского герцога и его сборной дружины, и едва ли кто верил ей в Европе. Но замечательно, что для Вильгельма эта фикция превратилась в совершенно реальную политическую программу, которую он решил проводить со всей неуклонностью и строго юридической последовательностью, лишь только главные силы англо-саксов были разбиты и рассеяны близ Гастингса (в 1066 г.). Немедленно же после этой победы Вильгельм направился к Лондону и в Уэстминстере короновался короной англо-саксонских королей с выполнением всех формальностей, соблюдавшихся при коронации выборных королей англо-саксов. Корону возложил на него йоркский архиепископ Элдред, обратившись предварительно к англо-саксам с приличествующей речью и задав им вопрос, согласны ли они на то, чтобы Вильгельм был коронован им в государи. «Все, нимало не колеблясь (так уверяет современный летописец *Деяний Вильгельма*), радостно выразили свое согласие как бы по внушению неба, единомышленно и единогласно. С волею англо-саксов без всяких затруднений согласились и норманы», и на голову «избранного» таким образом короля была возложена архиепископом царская диадема[1]. Король «дал при этом перед клиром и народом клятву защищать святые божьи церкви и их настоятелей, править подвластным народом справедливо и с царской заботливостью, постановлять и соблюдать справедливые законы, совершенно запрещать грабежи и несправедливые судебные приговоры»[2].

И это, конечно, была фикция; но она, как мы видим, была обставлена такими конкретными подробностями, была так детально переведена в самые недвусмысленные термины публично-правового акта, что Вильгельм мог уже чувствовать себя на совершенно твердой юридической почве, мог смотреть на себя как на уже вполне законного короля англо-саксов и трактовать всех, не желавших подчиниться ему, как мятежников, восставших против своего законного государя и заслуживающих поэтому конфискаций и иных обычных в подобных случаях наказаний. А таких мятежников было очень много, и Вильгельму понадобилось несколько лет упорной и жестокой борьбы, чтобы стать фактически государем своих новых подданных. Этими новыми своими под-

[1] *Will Pictav.*, Gesta Willelmi ed. Maseres, p. 145 (*Stubbs*, Select Charters, Eigh edition, p. 80).

[2] Flor. Wigorn, Select Charters, p. 80.

данными Вильгельм имел твердое намерение править как их национальный король, преемник Эдуарда Исповедника и в правах его, и в его обязанностях, и оставил им их право и их учреждения. «Повелеваю и желаю, чтобы все хранили и соблюдали законы Эдуарда короля в делах, касающихся земли и всего прочего, с присовокуплением к ним того, что я постановил для пользы английского народа... Должно обращаться к сотне и графству так, как это постановили предшественники наши»,—читаем мы в одной рукописи времен Генриха I, в которой по параграфам излагается неизвестным автором, «что постановил со своими вельможами король английский Вильгельм после завоевания Англии»[1]. Подобно своим англо-саксонским предшественникам, Вильгельм потребовал от всех свободных людей своего нового королевства присяги на верность безотносительно к тому, в каких поземельных, личных и юрисдикционных отношениях они находились друг с другом. Это было в августе 1086 г. Король находился в Солсбэри. «И сюда прибыли к нему его уитаны и все владевшие землею люди, какие только были во всей Англии (ealle the landsittende men the ahtes waeron ofer eall Engleland), чьими людьми они ни были, и все преклонились перед ним и сделались его людьми и поклялись клятвой верности ему, что будут верны ему против всех других людей»[2].

Все это производит такое впечатление, как будто мы имеем дело не с завоеванием одного народа другим, но скорее с чем-то вроде дворцового переворота, с инцидентом, сопровождавшим смену династии. Немало людей поплатилось за то, что не соглашались на эту смену, а когда она все-таки произошла, отказались признать ее совершившимся фактом,—поплатились и жизнью, и имуществом, доставшимся авантюристам в награду за оказанную ими Вильгельму помощь. Немало произошло при этом случаев и совершенно ненужной жестокости, грабежа и насилия, весьма нередких и не в такой жестокий век. Весь персонал высшей светской и духовной администрации был замещен завоевателями; нормандским стал и самый верхний социальный слой английского общества. Но и нормандцы, и англо-саксы, все они в равной мере были подданными нового английского короля и все обязаны были «отвечать» за свои земли и натуральными, и денежными повинностями государству. Если нормандский герцог вступил в права и обязанности англо-саксонских королей, то его сподвижники, получившие от него большие земельные пожалованья, вступили в права и обязанности тех англо-саксонских магнатов, конфискованные поместья которых им достались, и положение англо-саксонской массы в отношении к ним по существу не изменилось сравнительно с тем, каким оно было до 1066 г., когда англо-саксонский крестьянин знал только англо-саксонского глафорда;

[1] Hic intimatur quid Willelmus Rex Anglornm cum principibus suis constituit post Conquisitionem Angliae. *Stubbs*, Select Charters, p. 83—85.
[2] Chron. Sax., A. D. 1086, *Stubbs*, Select Charters, p. 82.

к тому же, повторяем, только самый верхний социальный слой стал нормандским; большинство же менее значительных землевладельцев были все те же прежние глафорды, утвержденные в своих правах Вильгельмом после того, как они изъявили ему покорность.

Таким образом, как в политическом, так и в социальном отношении Нормандское завоевание очень не походит на обычное завоевание, производящее обыкновенно резкие перемены и в политическом, и в социальном строе завоеванного народа, навязывая ему новые политические формы и создавая в нем резкое социальное расчленение. И, тем не менее, именно Нормандское завоевание сыграло в истории Англии такую важную, прямо определяющую роль, какая редко выпадала на долю самым настоящим и самым беспощадным завоеваниям.

Самая лойяльность Вильгельма явилась чрезвычайно важным фактом в политической эволюции Англии. Выступая в качестве законнного преемника англо-саксонских королей и твердо решив править по «законам Эдуарда Исповедника» через посредство англо-саксонских учреждений, Вильгельм вливал новую жизнь в приходившие уже в упадок политические формы. Укрепляя центр, он приводил в живую связь с ним области и ставил на твердую почву широкую государственность, уже сильно подавшуюся под напором партикуляристических стремлений местных потентатов. Не забудем, что это был человек, силою меча завладевший всей Англией, располагавший огромными материальными ресурсами, доставшимися ему как завоевателю в виде многих сотен поместий, а еще гораздо большее число поместий раздавший своим сподвижникам на условии военной службы.

Восстановляя и укрепляя широкую англо-саксонскую государственность, Вильгельм этим укреплял и упрочивал свое собственное положение, свою собственную власть, давая ей широкую, национальную постановку и тем привлекая к ней интересы народной массы, далеко не тождественные интересам двадцати тысяч поселившихся среди нее иноземцев, не говоря уже о том, что к своим огромным материальным ресурсам, доставшимся ему силою завоевания, он благодаря этому прибавлял те средства, на какие давала ему право его новая роль законного короля англо-саксов, получавшего в свою пользу судебные доходы от судов сотни и графства, взимавшего поземельный налог под именем датских денег, созывавшего народное ополчение из свободных и достаточных людей. Все это ставило его в независимое положение в отношении к феодальным элементам его нового королевства, к тем военным держателям, прежде всего из пришедших с ним авантюристов, которым он роздал конфискованные у англо-саксонских землевладельцев поместья.

Эта раздача сама по себе являлась для короля источником очень крупных военных и денежных средств в виде военной повинности этих держателей и целого ряда чисто феодальных дохо-

дов, на которые имел право король в качестве их сюзерена или сеньера, каковы: так называемые рельефы, уплачивавшиеся наследниками военного держателя при вступлении их во владение леном, так называемые dona и auxilia, которые получал сюзерен при возведении в рыцари своего старшего сына, при выдаче замуж своей старшей дочери и в случае собственного пленения (на выкуп), поступления с земель, попадавших к нему в опеку во время малолетства наследника умершего держателя; в его полное распоряжение попадали выморочные лены, и он мог или извлекать из них доходы непосредственно, через своего приказчика, или же отдать их, кому хотел, на феодальных условиях.

Если все эти доходы король мог получать отчасти натурой, отчасти деньгами лишь с своих непосредственных держателей (tenentes in capite), то военную повинность обязаны были нести ему все державшие на военном праве, от кого бы они ни держали непосредственно свои лены: у Солсбэри, как мы видели, принесли Вильгельму клятву верности все landsittende men Англии, все клялись быть ему верными *против всех других людей*, и в Англии servitium militare (военная повинность) стала исключительно regale servitium (королевской службой), в чем, несомненно, сказалось положение Вильгельма не столько как завоевателя, могшего раздавать доставшиеся ему в добычу поместья, на каких ему было угодно условиях, сколько как преемника англо-саксонских королей, власть которых еще не утратила окончательно непосредственной связи со всеми свободными людьми английского королевства. Здесь, несомненно, следует видеть и применение порядка, действовавшего, как было указано, и в самой Нормандии. Эта широкая постановка феодальной военной «службы»—факт капитальной важности. Этим феодализм был раз навсегда поставлен в Англии в служебное положение в отношении к государству и его широким задачам; этим раз навсегда была предотвращена возможность явлений, подобных тем, какие наблюдались, например, в тогдашней Франции, где крупные вассалы короля имели под собой целые массы подвассалов, приносивших клятву верности им против всех других людей, в том числе и против короля, обязанных нести военную повинность только своим непосредственным сюзеренам и выступавших под их знаменами против самого короля, с которым их не связывали никакие феодальные узы, который был для них посторонним третьим лицом. А, между тем, с Нормандским завоеванием феодализм не только не был придавлен в Англии, но, наоборот, он явился здесь с такой законченностью некоторых своих сторон, какой он не мог достигнуть нигде в Европе.

Начать с того, что нигде в Европе, где феодальный порядок развивался исподволь, органически, в результате очень сложного и дробного процесса, складывавшегося из крайне разнообразных конкретных моментов, не могло быть и речи о строгой нивелировке отношений, подведения их во всей их жизненной пестрот

и разнообразии под определенные принципы. Такую же пестроту и разнообразие могли мы наблюдать и в англо-саксонском обществе, уже сильно подвергшемся процессу феодализации. Моменты личной связи, поземельной и юрисдикционной, встречались тогда в самых разнообразных, совершенно, можно сказать, свободных комбинациях, равно как и в совершенно изолированном состоянии, еще далекие от той кристаллизации их в однообразные формы их соединений, которая так характерна для феодализма в его чистом виде, с его делением людей на землевладельцев-сеньеров и землевладельцев-вассалов (благородных и вилланов), подсудных юрисдикции сеньера и представляющих собою находящихся под его личной властью его «людей». Теперь такая кристаллизация была ускорена, искусственно создана путем наложения на пестрый материал англо-саксонских отношений готовых, теоретически выработанных форм французского феодализма. Теперь уж стали все реже и реже встречаться такие прежде весьма обычные факты, как исключительно юрисдикционная или исключительно личная связь землевладельца с глафордом, не затрогивавшая вовсе его положения как землевладельца, совершенно независимого собственника своей совершенно свободной земли, и всякий такой находившийся под частным покровительством или под частной юрисдикцией совершенно полный собственник своей земли стал рассматриваться, как *держатель* этого владельца частной власти или частной юрисдикции, как получивший на феодально-арендных условиях эту землю от этого глафорда, и обязан был нести в пользу этого глафорда все следуемые по феодальному праву с такой арендной земли натуральные и денежные «службы» (servitia).

Если, с другой стороны, англо-саксонский король уже мог считать себя глафордом всех и каждого из своих подданных, то ни сам он, ни кто другой никак не мог признать его верховным собственником всей земли на территории английского королевства. А, между тем, как раз последний принцип Вильгельму удалось провести со всей юридической последовательностью. Именно потому, что благодаря конфискациям через руки Вильгельма прошла едва ли не вся территория завоеванного им королевства, и из этого огромного земельного фонда он передал громадное количество земли своим сподвижникам, светским и духовным, часть взял себе, а остальные земли возвратил их прежним владельцам, когда они признали его своим государем, именно потому он фактически стал верховным собственником всей земли в королевстве, и все землевладельцы, от самых крупных до самых мелких, явились его «держателями», державшими свои земли от короля или непосредственно (in capite), или в последней инстанции. Такое полное проведение феодального принципа в сфере поземельных отношений возможно было осуществить только искусственным путем, в результате завоевания страны людьми с выработанной теорией феодального права. В этом отношении Англия Вильгельма Завоевателя является самой феодальной страной во всей феодальной Европе.

Определенную феодальную формулировку и конструкцию получили и отношения более или менее крупных землевладельцев, туземных и пришлых, к крестьянам подвластных им сельских общин, и манориальный строй, еще далеко не выработанный в англо-саксонскую эпоху, быстро стал принимать все более и более определенные очертания; вилланство стало быстро развиваться, захватывая в свой состав все больше и больше до тех пор свободных элементов и все ниже и ниже пригибая свободного крестьянина к барщинному ярму, все более и более уравнивая его с посаженным на землю полусвободным и рабом. Помимо феодальной теории, тут влияли и общегосударственные интересы, необходимость поставить прочно правительственные средства: только обеспечив землевладельцам продукты труда и самый труд сельских общин, центральная власть могла требовать от них военной повинности и иных «служб» натурою и деньгами. Упорядочение и укрепление манориальной системы с ее хозяйственной и юрисдикционно-фискальной стороны были, таким образом, в значительной мере делом самой центральной власти, предпринятым ею в интересах своего собственного усиления. При той широкой и крепкой постановке этой власти, какую она приняла, как мы видели, в руках Вильгельма Завоевателя, в одно время и верховного феодального сюзерена всех landsittende men в Англии и своих непосредственных вассалов, и могущественного главы широкой государственности англо-саксов, им оживленной и упроченной, ей не было оснований бояться «частной» власти манориальных лордов.

Следует принять во внимание еще одно обстоятельство, с своей стороны, сделавшее феодализм неопасным для королевской власти и представляемого ею государственного порядка: как ни обширны могли быть владения некоторых феодалов, состоя иногда из сотен феодальных поместий, владения эти не представляли собою сплошных территорий и не могли превратиться в настоящие княжества, как это было, например, в тогдашней Франции, но были разбросаны в разных частях Англии, иногда состоя из поместий, рассеянных в десяти, в двадцати графствах (так, 793 манора Роберта Мортенского, брата Завоевателя, находились в двадцати графствах, 439 маноров Одона Bayeux'ского, его другого брата,— в семнадцати, владения сорока других крупных вассалов короля— более чем в шести графствах). Едва ли можно усматривать в этом результат предусмотрительной политики Вильгельма, как думали прежде; скорее это объясняется тем, что поместья эти жаловались Вильгельмом в разное время, по мере завоевания им того или иного графства. Так или иначе, но эта разбросанность имела огромное политическое значение, обрекая на неудачу партикуляристические тенденции феодалов, делая для каждого из них невозможным создать для себя совершенно самостоятельное в отношении к центральной власти положение, как это удалось сделать крупным французским феодалам в отношении к Капетингам.

«Какой-нибудь непокорный барон,—скажем словами Стэббса,—силы которого были рассеяны в двенадцати разных графствах, успел бы возбудить подозрение и, может быть, заставил бы поднять оружие двенадцать могущественных шерифов, прежде чем мог бы собрать свои силы. При разбросанности и несвязанности его манориальных курий, он не мог создать центрального трибунала, не мог даже наложить на своих держателей новой повинности, ни позволить себе сделать попытку какого-нибудь притеснения на широкую ногу. В этом ограничении для народа была защита, а для центральной власти обеспечение»[1].

Исключение составляли созданные (если не просто оставленные) Вильгельмом так называемые палатинаты, именно графства (earldoms) Честерское и Шрусбэрийское для защиты от Уэлза, Дэрэмское для ограждения страны со стороны Шотландии и Кентское для защиты с моря, со стороны Франции. Стоявшие во главе их графы (эрлы, earls) обладали всей полнотой власти в отношении к населению их и к существовавшим здесь учреждениям, владея правами независимой юрисдикции, являясь сюзеренами всех землевладельцев в этих графствах, получая в свою пользу все доходы с судов и осуществляя здесь все права, в других графствах принадлежавшие исключительно короне в качестве ее регалий, назначая шерифов, созывая собственные советы и вообще действуя в качестве независимых государей, связанных с королем одной лишь клятвой верности и феодальной присягой. Впрочем, из этих палатинатов, так приближавшихся к континентальным княжествам феодального типа, уцелело надолго только два—Дэрэмский и Честерский; остальные два были упразднены—один (Кентский) еще самим Вильгельмом, другой его сыном Генрихом I.

Говоря о том, что Вильгельм сделал servitium militare (военную повинность) всех державших землю на военном праве исключительно regale servitium (королевской повинностью), не следует думать, что он ввиду этого предпринял что-нибудь вроде разверстки всей держимой на военном праве земли на рыцарские лены, как это думали в прежнее время, приписывая ему, со слов одного хроникера, разделение завоеванной земли на 60 тыс. рыцарских ленов. Понятие рыцарского лена выработалось постепенно и органически, не без влияния, повидимому, англо-саксонских порядков: разумеем ценз в пять гайд, необходимый для тэна, военного человека англо-саксонского общества. Возможно, что многие тэны превратились в рыцарей, milites нормандской эпохи, хотя об определенном цензе этих последних в первое время едва ли могла быть речь. Вильгельм мог требовать от того или иного из своих светских и духовных вассалов поставки того или иного числа военных людей, milites, не сообразуясь точно с размером их владений, а лишь приблизительно соображая их способность содержать то или иное их число, и лишь впоследствии, лет че-

[1] *Stubbs*, Constitutional History, Sixth edition, I, p. 296.

рез сто, мог выработаться определенный тип рыцарского держания, но и тогда определяющим моментом являлся не размер земли (он мог быть весьма различным), а размер дохода, именно 20 фунтов (приблизительно, конечно).

Едва ли в меньшей мере, чем организация военной силы, закреплению крестьянства за лордами маноров и выработке законченного типа феодального поместья способствовали и чисто фискальные меры Вильгельма Завоевателя, окончательно превратившего экстренный в прежнее время налог, датские деньги (Danegeld), в постоянный поземельный налог (просто geld) (уже Канут пытался это сделать). Налог этот ложился на все земли как глафордов, так и находившихся под их патронатом или под их юрисдикцией людей. В прежнее время взимание датских денег было крайне плохо организовано. Вильгельм решил реформировать это дело и систематизировать и ввиду этого принял энергичные меры для приведения в известность платежных средств своих новых подданных. Зимою 1085 г. король надевал корону в Глостере, много думал со своими «мудрыми» и вел с ними «глубокую речь» о делах королевства и затем разослал по всей стране своих «баронов» (иначе «легатов» или «судей»), чтобы они переписали всю Англию. Эти королевские посланцы производили расследование через присяжных («шерифа графства и всех баронов и их Francigenae и всей сотни, священника, старосты и шести вилланов из каждой деревни»), которые под присягой должны были давать показания (повидимому, в собрании графства, специально созывавшегося для этого посланцами, прибывшими в данное графство) о том, «как называется данное поместье (mansio); кто держал его во время короля Эдуарда (temopre Regis Eadwardi; король Гарольд, как видим, совершенно вычеркивался из истории, как узурпатор в глазах Вильгельма); кто теперь держит; сколько гайд (в нем), сколько (в нем) плугов (т. е. сколько рабочего скота, волов) на домэне, сколько у людей; сколько вилланов; сколько котариев; сколько рабов; сколько свободных людей; сколько сокменов; сколько леса; сколько луга; сколько пастбища; сколько мельниц; сколько рыбных прудов; сколько прибавилось (всего этого) или убавилось; сколько все это давало прежде и сколько дает теперь; сколько имел здесь (всего этого) каждый свободный человек или сокмен (liber homo, vel sochemannus) и сколько имеет теперь. И все это в трех видах, т. е. за время короля Эдуарда, в то время, когда (это поместье) дал король Вильгельм (et cuando Rex Willelmus dedit), и как оно есть в настоящее время; и может ли оно давать больше, чем дает теперь»[1].

Полученные таким путем данные были сведены, и составилась знаменитая в истории не только Англии, но и всей средневековой Европы *Книга страшного суда* (Domesday Book), представляющая собою неоцененную сокровищницу самых реальных сведений

---

[1] *Stubbs*, Select Charters, p. 86.

по аграрной, хозяйственной и социальной истории Англии как раз в знаменательный момент перелома, произведенного Нормандским завоеванием, и притом сведений, рисующих самыми конкретными чертами положение вещей как непосредственно перед завоеванием, так и в момент его и лет двадцать спустя. Одни вопросные пункты, на которые должны были давать ответы присяжные, в достаточной мере красноречивый показатель того, как конкретны и детальны эти сведения. Такое «Описание всей Англии», такая «Великая перепись» могла быть предпринята и выполнена только в государстве с такой могущественной центральной властью, какая была создана в Англии фактом своеобразного завоевания, которое мы старались охарактеризовать во всем его своеобразии в предшествующем изложении; так что самый факт появления Книги страшного суда (так эта Великая перепись была названа лет через сто) очень много говорит для характеристики завоевания и его роли в английской истории. Из нее мы, главным образом, и берем материал для этой характеристики, равно как и для характеристики предшествовавшей ему эпохи.

Современников даже несколько шокировала крайняя обстоятельность тех сведений, которые хотел получить через своих посланцев Вильгельм. «Он повелел произвести такой подробный опрос,—говорит один из них в своей хронике,—что ни одной гайды и ни одной виргаты (четвертая часть гайды), ни одного даже—и говорить стыдно об этом, а он не считал постыдным делать это,—ни одного даже быка, ни одной коровы и ни одной свиньи он не оставил без того, чтобы не занести их в свою опись, и все эти описи были затем представлены ему». Может быть, и в настоящее время найдутся историки, которые не хотели бы встречать на страницах истории низменные материи, так смущающие высоко настроенную душу их средневекового собрата. Но, отдавая должное их возвышенному взгляду на характер и задачи нашей науки, все же нельзя не признать, что как раз эти гайды, виргаты и даже быки, коровы и свиньи, так бесцеремонно пестрящие страницы Великой переписи, указывают нам более верный путь к уразумению тайн общественной эволюции, чем многие очень тонкие и, несомненно, глубокомысленные соображения о безотчетных порывах народной души и ее неустанных усилиях воплотить в жизнь свои идеалы: можно смело сказать, что, предпринимая «Описание всей Англии», Вильгельм Завоеватель, не ведая того, сослужил великую службу исторической науке.

Мы не будем останавливаться на анализе Великой переписи; все, что необходимо было для общей характеристики социального строя, ею вскрываемого в момент завоевания и непосредственно перед завоеванием, а также двадцать лет спустя после битвы при Гастингсе (перепись была составлена в 1086 г.), мы уже взяли из нее и можем лишь дополнить наши данные несколькими фактами статистического характера. Все население тогдашней Англии

(Шотландия и Уэлз еще не входили в ее состав, не говоря уже об Ирландии; кроме того, нужно помнить, что в Domesday Book описаны только 34 графства; остальные четыре, именно 4 северных графства, не вошли в перепись, повидимому, еще не вполне завоеванные Вильгельмом) не доходило, повидимому, до $1^1/_2$ миллионов. От короля держало непосредственно (in capite) около 1 400 держателей светских и духовных, а у этих tenentes in capite держало около 7 900 держателей; все это были держания высшего порядка, военные, рыцарские держания; важно отметить, что если tenentes in capite—все прибывшие с Вильгельмом иностранцы, то большинство второстепенного рыцарства—англо-саксы. Невоенная масса распределяется по таким категориям (заметим, что перепись принимает в счет только представителя группы, сидящей на том или ином земельном участке): около 108 500 villani, около 82 тыс. bordarii, около 6 800 cotarii и cotcets, около 25 тыс. servi, около 23 тыс. sochemanni и около 12 тыс. liberi homines.

Вилланы, бордарии и котарии, и котсеты,—это основная масса англо-саксонского крестьянства, уже и до завоевания, как мы видели, в значительной мере утратившая свою самостоятельность и попавшая в крепость к глафордам, в пользу которых она уже отдавала часть продуктов своего труда и обрабатывала их terram dominicam. Разница между вилланами, с одной стороны, и бордариями, котариями и котсетами—с другой, чисто количественная, так сказать, и экономическая: и те, и другие—уже люди полусвободные, вилланы. Они только сидят на разной величины участках и сообразно этому несут количественно различные повинности своему сеньеру: вилланы сидят обыкновенно на общинном наделе (обычным для них наделом является теперь четвертая часть гайды, так называемая виргата) и являются самостоятельными хозяевами и полноправными членами общины и обрабатывают с помощью своего скота и господскую запашку; бордарии же, котарии и котсеты—обыкновенно совершенно мелкие люди, владевшие клочками земли, огородами и едва ли имевшие скот; сообразно с этим и повинности их не могли иметь большого значения в господской экономии; возможно, что они иногда снимали землю у вилланов. Servi—рабы, вероятно, жившие у господ на положении дворовых, но нередко также и сажавшиеся ими на землю и фактически сближавшиеся с вилланами, оказывая этим весьма серьезное принижающее влияние на юридическое положение этих последних. *Sochemanni*, сокмэны—свободные люди, находившиеся под частной юрисдикцией, сокой. Что до *liberi homines*, то под ними как будто следует видеть еще остававшихся вне феодального строя свободных людей, не затронутых вовсе процессом феодализации с характерным для нее ростом частной власти и частной зависимости, свободных в старом, дофеодальном значении этого слова. Впрочем, не следует слишком полагаться на терминологию составителей Книги страшного суда, которые, как показали новейшие исследования, нередко заносили в разных графствах под различ-

ные социальные рубрики людей, принадлежавших в действительности к одной и той же социальной группе, называя их в данном случае сокменами, а в другом liberi homines.

Здесь мы можем и остановиться в нашей общей характеристике роли Нормандского завоевания в английской истории. Подводя итоги, можно сказать, что этот чисто внешний факт явился поворотным моментом в этой истории, что с этого момента все более и более разлагавшаяся общегосударственная организация англо-саксонского общества была вновь укреплена и снабжена такими ресурсами, каких она никогда прежде не имела, и могла поэтому ставить и разрешать такие задачи, о которых не смели и мечтать современные ей государства. Она испытала на себе сильное организационное воздействие государственного порядка, господствовавшего в Нормандии, можно сказать, была перестроена по нормандскому образцу, что было тем легче осуществить, что все главные элементы этого порядка были здесь налицо, и нужно было только сообщить им более совершенную форму и дать им более широкую и прочную постановку. И в завоеванной Вильгельмом Англии феодальные способы управления находились в гармоническом сочетании с нефеодальными, в одинаковой мере находясь в полном распоряжении центральной власти как ее технические средства и орудия, делая ее всемогущей и неограниченной. Как и в Нормандии, и здесь феодальный порядок занимал в государственном строе страны соответствующее его основному существу место и тем приближался к своему идеальному типу.

С Нормандским завоеванием связан еще один крупный факт в истории Англии. Оно оказало глубокое влияние еще на одну общественную силу, игравшую важную роль в англо-саксонском обществе, дав ей такое направление, которого она не имела перед этим. Мы разумеем церковь.

Нам уже приходилось указывать на то, что у англо-саксов церковь еще не выделилась из государства. Припомним, что в высшем учреждении в государстве, в уитенагемоте, рядом со светскими князьями сидели и духовные, рядом с элдорменами и королевскими тэнами в качестве «мудрых» земли обсуждали государственные дела и епископы с аббатами, что местный епископ заседал рядом с элдормэном и шерифом и в «народном собрании», «folkmoot» графства, что здесь же, а также и в сотенном собрании присутствовали и сельские священники, являвшиеся сюда по одному от каждой деревни вместе со старостой и четырьмя самыми почтенными крестьянами деревни. Правда, для чисто церковных дел и для решения чисто религиозных вопросов духовенство собиралось в особые собрания, на синоды; кроме того, чисто церковные дела разбирались и решались епископами в особых куриях. Но судебные дела всякого иного характера, возникавшие между клириками и между клириками и миряна́ми, решались в общих судебных собраниях сотни и графства по обычному праву англо-саксов. Вильгельм Завоеватель особым указом отстранил

духовенство от участия в отправлении общей юстиции и создал для судебных дел и не чисто церковного характера, возникавших у церкви, особую юрисдикцию, особые церковные суды, руководствовавшиеся не общим правом страны, а правом каноническим. Он, по его словам, решил на общем совете и по совету архиепископов, и епископов, и аббатов, и всех магнатов его королевства исправить епископские законы (episcopales leges), которые существовали в королевстве англов ненадлежаще (non bene) и несогласно с предписаниями святых канонов. Ввиду этого король повелевает и королевской властью предписывает, чтобы впредь ни епископ, ни архидиакон не решали дел, относящихся к епископским законам, в сотне («ut nullus episcopus vel archidiaconus de legibus episcopalibus amplius in hundret placita teneant») и не представляли дел, относящихся к управлению душами, на суд мирян (ad judicium secularium hominum adducant), но каждый, согласно епископским законам, буде его привлекут к суду по какому-либо делу или преступлению, пусть является в место, которое для этого выберет или назначит епископ, и здесь отвечает по этому делу или преступлению, и не так, как это делается в сотне, но сообразно канонам и епископским законам даст справедливое возмещение богу и своему епископу («sed quicunque secundum episcopales leges, de quacunque causa vel culpa interpellatus fuerit, ad locum quem ad hoc episcopus elegerit vel nominaverit veniat, ibique de causa vel culpa sua respondeat et non secundum hundret, sed secundum canones et episcopales leges, rectum Deo et episcopo suo faciat».) Шерифам, бэйлифам и другим королевским слугам, а также вообще мирянам запрещается вмешиваться в дела, подлежащие отныне юрисдикции епископа («ne ullus vicecomes aut praepositus seu minister regis, nec aliquis laicus homo, de legibus quae ad episcopum pertinent se intromittat»)[1].

Если вспомнить, что на папском престоле сидел в это время Григорий VII Гильдебранд, что теократические тенденции папства проявились тогда со всею яркостью, и если, с другой стороны, обратить внимание на то, что английская церковь при Вильгельме Завоевателе владела чуть ли не половиной всех поместий, остававшихся за вычетом из общей суммы их королевских поместий (около 1 500), то нам представится во всем своем общественном и политическом значении сделанный Вильгельмом шаг. Хотя феодальный принцип держания был строго проведен королем и в отношении к церкви, превратив высших сановников церкви в его вассалов, tenentes in capite, хотя все эти архиепископы, епископы и аббаты были нормандцы, а не англо-саксы, которых король мог бы считать опасными для своих интересов, тем не менее, это отделение церковной юрисдикции от светской сближало интересы английской церкви с интересами и тенденциями континентального католицизма, выступившего тогда так резко на путь борьбы за

[1] *Stubbs*, Select Charters, p. 85.

освобождение церкви от светской власти и преобразования ее в великую международную монархию не от мира сего, но призванную покорить мир и сделать своими послушными орудиями его королей и императоров. Особая церковная юрисдикция имела своим естественным последствием апелляцию к высшему церковному трибуналу католического мира, к папскому престолу. Развитие канонического права все больше и больше расширяло юрисдикцию церковных судов, делая подсудным им массу чисто гражданских дел, связанных с браком, завещанием, данным словом и т. п., и тем расширяя влияние церкви на целый ряд сторон хозяйственной и социальной жизни общества, а вместе с этим соответственно увеличивая количество случаев апелляций к римской курии, которая, таким образом, получала возможность все больше и больше накладывать свою руку на общество и на государство данной страны.

Вильгельм ясно видел опасность своего шага и поспешил принять меры, чтобы по возможности парализовать ее. По словам хроникера Eadmer'а Вильгельм «не хотел допускать, чтобы кто-нибудь во всех владениях его признавал первосвященника города Рима за апостолического папу (pro apostolico) иначе, как по его повелению, или на каком-либо условии принимал его письма, если они раньше не были показаны ему; он не позволял примасу своего королевства, архиепископу кентерберийскому или йоркскому, если тот собирал под своим председательством общее собрание епископов, узаконять или воспрещать что-либо такое, что не было бы согласно с его (короля) волей и заранее не было бы им повелено; тем более он не позволял никому из своих епископов публично обличать, отлучать от церкви или подвергать какой-либо иной церковной каре кого-либо из своих баронов или из своих слуг, изобличенного в прелюбодеянии или в уголовном преступлении, иначе, как по его (короля) собственному повелению»[1]. Предотвратило ли это грозившую интересам государственной власти опасность, мы еще будем иметь случай это видеть, а пока лишь заметим, что в течение так называемого нормандского периода английская церковь являлась опорой королевской власти в ее столкновениях с враждебными ей общественными силами. А такую враждебную силу представляли обязанные всем королевской власти феодалы.

II

Пришедшие с Вильгельмом и им вспоенные и вскормленные представители континентального, выродившегося в политический партикуляризм феодализма не хотели, да едва ли и могли понять то положение, которое отвел им в политическом строе завоеванного им с их же помощью королевства нормандский герцог, когда он сел на престол Эдуарда Исповедника и потребовал от всех land-

[1] *Eadmer*, Hist. Nov., 1, p. 6 (Select Charters, p. 82).

sittende men Англии, без различия туземцев и пришельцев, клятву верности против всех других людей. Не понимали они, да едва ли и могли понять, и того положения, которое занял Вильгельм, утвердившись на новом престоле, и склонны были видеть в нем лишь феодального сюзерена, и его отношение к ним как к подданным, обязанным безусловно ему повиноваться и наравне с ими же завоеванными англо-саксами нести все общегосударственные повинности в качестве всего лишь членов тяглого, военнослужилого сословия государства, могло представляться им как самое незаконное нарушение их законнейших прав и привилегий. А, между тем, то, что они считали (и вполне искренно) своими законнейшими правами и привилегиями (например, право частной войны, право чеканить собственную монету, право строить укрепленные замки и т. п.), являлось прямым посягательством на права и привилегии как государства, так и общества, как их понимали англо-саксы. Это обстоятельство надолго определило взаимные отношения короля, народа (англо-саксонской массы) и примыкавшей к нему церкви и новой, нормандско-французской, аристократии. Притязания этой аристократии были враждебны как интересам короля, так и интересам народа, а также и церкви. Народ скоро это понял и в столкновениях короля с баронами до времени Иоанна Безземельного неизменно становился, поддерживаемый церковью, на сторону короля, видя в обладателе сильной государственной власти надежный оплот против феодального произвола, рано убедившись, что если его интересы и не всегда совпадают с интересами короля, то враги у них во всяком случае общие. Борьба английского государства и народа с феодалами составляет основной интерес политической истории Англии после Нормандского завоевания. Для того чтобы вполне конкретно представить себе эту борьбу и познакомиться с борющимися сторонами и с постепенной эволюцией в их взаимных отношениях, обусловившей собою в значительной мере эволюцию политических форм английского государства, необходимо сделать хотя бы краткий очерк истории этой борьбы, ее главных моментов: ведь история этой борьбы и есть история политического развития английского народа в течение первых веков после Нормандского завоевания.

Борьба эта началась еще при жизни Завоевателя. Центробежные тенденции, присущие феодализационному процессу, сделали настолько серьезные успехи и в англо-саксонской Англии, что накануне Завоевания она была уже на границе полного распадения на три или четыре почти самостоятельных княжества, наследственно управляемые могущественными княжескими родами. Сравнительная легкость, с какой Англия была завоевана нормандским герцогом, в значительной мере и объясняется, помимо несомненного превосходства его войска в отношении дисциплины, организации и военного искусства над плохо дисциплинированным и отсталым в военном отношении ополчением англо-саксов, разрозненностью сил англо-саксов, которые уже не представляли со-

бою единого политического целого, но уже находились под властью преследовавших далеко не тождественные интересы и враждовавших между собою потентатов Нортумбрии, Мерсии, Уэссекса и Восточной Англии (East Anglia). Вильгельм, повидимому, вначале не имел намерения совершенно упразднять эти графства (earldoms или earlormanries в отличие от shires, шайров, обыкновенных графств, входивших в состав их). Он только назначил управлять ими своих сподвижников, за исключением Уэссекса, взятого им в королевскую руку, причем только во главе Восточной Англии он поставил одного эрла, Мерсию же, а также и Нортумбрию передал, каждое из этих графств, в руки пятерым эрлам. И вот из среды этих эрлов и вышел первый серьезный протест против созданного завоеванием политического режима.

В 1075 г. Ральф Гадер (Guader), эрл Восточной Англии (East Anglia), и Рожер де Бретейм (de Breteuil), эрл Герефордский (части Мерсии), подняли восстание против короля. Летописец влагает в уста инсургентов целую речь, рисующую определенными чертами их мотивы, цели и способы, какими они стремились осуществить свои намерения. Тот, кто называется королем, выродок, незаконнорожденный, говорили они. Богу не угодно—это ясно, как день,—чтобы он был во главе государства («Deo displicet, dum talis herus regno praesidet»). Он угнетал своих знатных людей в Нормандии, лишил владений графа Мортэна, отравил графов Бретонского и Вексенского. «И много других злодеяний совершил Вильгельм над своими родственниками и не перестал совершать подобные же деяния и над нами». Своих помощников, благодаря которым он стал выше всего своего рода, он не вознаградил, как следовало («non ut decuisset honoravit»), но ко многим, проливавшим за него кровь, оказался неблагодарным («ingratus exstitit») и по пустым поводам казнил смертью, как врагов. «Покрытым ранами победителям дал бесплодные и опустошенные земли, а когда они опять были приведены в прежнее состояние, отнял их или совсем, или частями, побуждаемый корыстолюбием... Бóльшая часть войска находится за морем и не имеет отдыха и терпит всякие лишения, занятая постоянными войнами»[1].

Смысл этих ламентаций достаточно ясен. Любопытны средства, с помощью которых заговорщики думали осуществить свои феодальные идеалы. Восставшие хотели привлечь на свою сторону англо-саксонский народ и выставили себя борцами за народное дело, защитниками его попранных прав. «Вильгельм,—заявляли они,—незаконно сделал нашествие на благородное королевство Англию, несправедливо умертвил или изгнал в жестокое изгнание прирожденных наследников этой страны (nobile regnum Angliae temere invasit, genuinos heredes injuste trucidavit, vel in exilium crudeliter pepulit)». «Англы только и делают, что обрабатывают свои поля, предаются пирушкам и пьянству и не думают о битвах,

[1] Ord. Vitt. IV, p. 14 (*Stubbs*, Const. Hist., I, p. 317, n. 1).

но по всему видно, что они более всего жаждут мщения за смерть своих родных»[1]. Заговорщики обратились к Вальтеофу (Waltheof), сыну одного из трех эрлов, фактических владык Англии при Эдуарде Исповеднике [Siward'а Нортумбрийского; остальные два: Леофрик (Leofric) Мерсийский и Годвин (Godwine) Уэссексский, отец Гарольда, ставшего королем после смерти Эдуарда], обещая ему третью часть королевства, если он присоединится к ним; в случае удачи вся Англия будет разделена между ними тремя, причем один из них будет королем, а остальные два—герцогами. В Англии будет восстановлено все, как было при Эдуарде Исповеднике [2].

Ни Вальтеоф, ни народ англо-саксонский не пошли за заговорщиками. Народ охотно откликнулся на зов королевских слуг, собиравших силы против мятежных эрлов и их наемных чужеземных отрядов, и дело эрлов было проиграно. Так же неудачна была попытка, сделанная крупнейшими феодалами в 1078 г. Робертом де Белэм (de Belesme), Гильомом де Брейтейль (de Breteuil), Рожером де Бьенфен (de Bienfaite) и Робертом Мобрэ (Mowbray), когда старший сын Вильгельма Роберт потребовал у отца передать ему еще при своей жизни герцогство Нормандию. Получив отказ, Роберт решил добыть Нормандию вооруженной рукою; на его сторону стали названные магнаты, надеясь осуществить при этом свои феодальные мечты. Но и они потерпели неудачу.

Борьба королевской власти с феодалами проходит красною нитью через царствование ближайших преемников Завоевателя, его сыновей Вильгельма II Рыжего (1087—1100 гг.) и Генриха I (1100—1135 гг.). Царствования эти так ярко освещают положение и удельный вес каждой из основных общественных и политических сил, делавших тогда историю Англии, их взаимоотношения и их возможности, что мы считаем необходимым остановиться на главнейших, по крайней мере, моментах политической истории этого времени.

Желанием умиравшего Завоевателя было, чтобы старший сын его Роберт стал герцогом Нормандии, а английскую корону получил второй сын Вильгельм. Младшему сыну Генриху отец не оставлял вовсе никакого удела, а лишь денежное наследство в пять тысяч фунтов стерлингов, «уверенный, что, в конце концов, ему достанется все». Но если железная рука победителя при Гастингсе могла заставить беспрекословно исполнять его желания самых непокорных из его вассалов, то теперь, когда грозный победитель сам был сражен смертью, воля его уже ни для кого из них не могла быть законом, и немедленно же началось движение среди феодалов. Большинство их стояло за Роберта Нормандского, желая, чтобы королем Англии был он, человек слабой воли, легко могший стать игрушкой в их руках, а не Виль-

---

[1] Ord. Vitti. IV, p. 14 (*Stubbs*, Const. Hist., I, p. 17, п. 1).
[2] Ibidem.

гельм, от которого они могли ожидать для себя мало хорошего. За Вильгельма был главный сподвижник его отца, много помогший Завоевателю в устроении церковной жизни его нового королевства, примас Англии и глава уитенагемота, архиепископ кентербэрийский Ланфранк. Вильгельм Рыжий дал ему клятвенное обещание, что, сделавшись королем Англии, будет во всем королевстве охранять правосудие и справедливость и проявлять милосердие, будет защищать мир против всех людей, свободу и безопасность церквей и во всем будет испрашивать наставления и совета Ланфранка. На таких условиях Ланфранк согласился короновать Вильгельма, и во время коронации новый король в торжественной клятве повторил свои обещания.

Приверженцы Роберта начали военные действия. Во главе этих враждебных королю баронов стояли братья Завоевателя—епископ Bayeux'ский Одон, освобожденный теперь из заключения, куда его заточил, подозревая в измене, покойный король, и Роберт Mortain'ский и еще трое других могущественных феодалов—Gosfrid Coutances'ский, Роберт Mowbray и Рожер Montgomery. Король созвал англо-саксов, объявил им об измене нормандцев и просил помощи; если они помогут ему и будут верны ему в нужде, он даст им лучшие законы, каких только они потребуют; он обещал уничтожить всякие несправедливые взимания и отказался от всяких прав на их леса[1]. Обещания эти достигли своей цели. Англо-саксы оказали королю поддержку («Angli tamen fideliter eum juvabant»)[2] и отразили феодалов. Король скоро забыл о своих обещаниях («sed quidquid promisit parvo tempore custodivit»)[3], и все его царствование представляет непрерывное нарушение всех законов, божеских и человеческих. «Разве есть такой человек, который может исполнить все, что обещал?»—отвечал Вильгельм Ланфранку, когда тот напомнил ему об его обещаниях. В 1093 г. Вильгельм заболел и, боясь смерти, формально объявил о своем желании раскаяться. Была составлена прокламация за королевской печатью. Все заключенные должны быть выпущены на свободу—таково было желание короля; все долги должны быть прощены, все преступления прощены и забыты. Всему народу были обещаны хорошие и святые законы, ненарушимое охранение права, грозное расследование несправедливых деяний, которое устрашит всех. Опасения короля оказались напрасными: он выздоровел. Не менее тщетными оказались и надежды, вызванные его торжественными обещаниями; тирания короля стала еще безграничнее. И, тем не менее, англо-саксонский народ в критическую

---

[1] «Rex fecit convocare Anglos et ostendit eis traditionem Normannorum et rogavit ut sibi auxilio essent, eo tenore ut, si in hac necessitate sibi fideles existerent, meliorem legem quam vellent eligere eis concederet, et omnem injustum scottum interdixit et concessit omnibus silvas suas et venationem» (*Simeon of Durham, Stubbs*, Const. Hist., I, p. 322).

[2] Ibidem.

[3] Ibidem.

для короля минуту опять стал на его сторону. Через семь лет после войны короля с феодальной партией бароны сделали попытку посадить на английский престол некоего графа Стефана Омальского, родственника Вильгельма Завоевателя, устранив, таким образом, прямых потомков и наследников Завоевателя. Благодаря поддержке англо-саксов, полученной королем, попытка кончилась для баронов огромными штрафами и конфискациями.

Тирания рыжего короля проявлялась в трех направлениях, причем целью ее во всех случаях было обогащение, и ввиду этой цели он пользовался всеми поводами, какие представляло ему феодальное право и государственное право англо-саксов, и извлекал наибольшие выгоды из своего двойственного положения феодального сюзерена своих непосредственных держателей (tenentes in capite), светских и духовных вассалов, и англо-саксонского короля: в отношении к феодалам, в отношении к церкви и в отношении к народу. Сыновьям и наследникам своих вассалов он позволял вступать во владение отцовскими ленами только после уплаты ему совершенно произвольно определявшегося им рельефа (бывали случаи, что сумма рельефа равнялась стоимости самого лена), да и то нередко по истечении большого срока после смерти прежнего держателя, в течение которого король держал лен в своих руках, выжимая из него все соки; на завещание умершего вассала не обращалось никакого внимания, и семейство покойного часто оставлялось королем без всяких средств. Право сюзерена контролировать выдачу замуж дочерей вассалов Вильгельм истолковывал в смысле права требовать денег за согласие на брак; если речь шла о наследнице лена или о вдове, король отдавал ее руку тому, кто дороже всех давал за нее, не спрашивая при этом согласия невесты или ее родственников. Правом опеки король злоупотреблял без всяких ограничений. Конфискация ленов практиковалась им в самых широких размерах.

Феодальную точку зрения, доведенную до самых крайних ее последствий, Вильгельм перенес и на церковь. К церковным ленам неприменимы были некоторые из прав, которые король осуществлял в отношении к светским ленам: церковные лены не передавались по наследству и поэтому не представляли случаев для получения рельефов, для опеки, для контроля браков, не представляли случаев поступления в руки короля выморочных ленов, случаев конфискаций. Тем не менее Вильгельм Рыжий нашел возможным почти все эти права применить и к церкви, желая, по словам хроники, быть наследником всех как светских лиц, так и духовных. Лишь только умирал епископ или аббат, король немедленно брал в свои руки земельные владения епископской кафедры или аббатства и посылал управлять этими поместьями своих чиновников, которые и доставляли ему все доходы с этих имений. Мало того. Король нередко отдавал церковную землю в аренду, а иногда даже в виде ленов раздавал своим рыцарям

и допускал избрание нового епископа или аббата не прежде, чем этот последний давал свое согласие на эти феодальные пожалования. В интересах короля было, конечно, как можно дольше оставлять епископскую кафедру или место аббата вакантными, а когда, наконец, избиралось новое лицо для замещения вакансии, то прежде чем вступить во владение земельной собственностью, принадлежавшей данной епископской кафедре или аббатству, оно должно было внести королю большую сумму денег, так что получалась полная симония.

Угнетая феодалов, угнетая церковь, король не щадил и народной массы, тех самых англо-саксов, которые являлись истинной опорой его власти и так доверчиво выручали его из затруднений. Само собою разумеется, что все то, что король требовал от своих вассалов, эти последние взимали со своих держателей тоже в виде разных рельефов, брачных выкупов и т. п. Но Вильгельм накладывал свою загребущую руку и непосредственно на народ. Он требовал с народа ненавистных датских денег (Danegeld), созывал народ в ополчение, вовсе не думая выступать в поход, но лишь с единственной целью взыскать штрафы с неявившихся, а иногда и с еще более удивительными целями. Современный летописец рассказывает такой, например, случай. Для войны на континенте Вильгельм приказал созвать двадцать тысяч ополченцев. Они собрались в Гастингсе, чтобы отправляться за море. И вот, вместо того чтобы садиться им на корабли и плыть в Нормандию, главный сановник и правая рука Вильгельма, епископ Ранульф Фламбард, велел отобрать у ополченцев деньги, которыми снабдили их пославшие их графства (по 10 шилл. на человека), а самих их распустил по домам. Судебной организацией страны Вильгельм воспользовался для тех же фискальных целей и для этого необычно часто приказывал созывать собрания сотен и графств, чтобы штрафовать неявившихся, а у явившихся вынуждать согласие на произвольные взимания. Один из хроникеров обвиняет Ранульфа Фламбарда в том, что он уменьшил единицу обложения и тем увеличил тяжесть налогов, падавших на всех землевладельцев. Бедного не спасала его бедность, богатого—его изобилие («non pauperem tenuitas, non opulentum copia tuebatur»)[1]. Строгость лесного права (Вильгельм Завоеватель объявил много лесов заповедными королевскими лесами и оградил свое исключительное право на них страшно суровыми законами) дошла до того, что за убийство оленя грозила смертная казнь.

В 1100 г., во время охоты, неизвестная стрела избавила Англию от ставшего уже невыносимым правительственного гнета. «Только слабости и разъединенности тех, кого он угнетал, следует приписать то, что он бременил трон и народ целых двенадцать долгих несчастных лет», так заканчивает Стэббс свою энергичную ха-

---

[1] *W. Malmesb*, Gesta Regum, lib. IV, 319 (Select Charters, p. 92).

рактеристику рыжего короля[1]. И нельзя не согласиться с этими словами знаменитого историка, но нельзя забывать и того, что царствование этого едва ли не самого худшего из английских королей сыграло, тем не менее, не вполне ничтожную роль в развитии политического сознания английского народа. Вспомним торжественные клятвенные обещания, которые король неоднократно давал народу, желая заручиться его поддержкой в борьбе с феодалами. Король определенно и ясно напоминал народу о его правах и немедленно же нарушал эти права и этим положительным, и этим отрицательным способом развивал в народе сознание своих прав. Тот факт, что народ шел на удочку широких обещаний и оказывал Вильгельму поддержку в борьбе его с феодалами, свидетельствует о том, что народ склонен был верить и даже сочувствовать клятвопреступному королю, который, если чему не изменял, так это своей грабительской политике в отношении к феодалам. А в глазах народа это мог быть своего рода демократизм. Неизвестная одинокая стрела прекратила тиранию Вильгельма II, но не общественное сопротивление. Власть короля пустила такие прочные корни в народной массе, что ее не могла сломить и даже обуздать соединенная сила самых могущественных феодалов. Противоположность интересов этой массы, с одной стороны, и феодалов—с другой, вот та сила, на которой прежде всего зиждилось могущество этой власти, несокрушимой пока даже и тогда, когда она забывала свои государственные задачи и превращалась в тиранию в самом узком и вовсе не классическом значении этого слова. Царствование Вильгельма Рыжего показало, во что могла превратиться и какими возможностями располагала та королевская власть, которую создало в Англии Нормандское завоевание, соединив в руках короля все то, что только могло дать ему положение феодального сюзерена, со всем тем, чем только мог обладать неограниченный глава централизованного государства.

III

Царствование Генриха I—не менее красноречивая иллюстрация к общему положению вещей в английском королевстве в первое столетие после Завоевания, не говоря уже о тех серьезных шагах, которые были сделаны политическим развитием английского общества в правление этого короля.

По договору, заключенному между Вильгельмом Рыжим и Робертом Нормандским в 1091 г., наследником английского престола был объявлен Роберт, которому и принесли при этом феодальную присягу Генрих и крупные бароны королевства. В момент внезапной смерти Вильгельма Роберт возвращался из Святой земли. Лишь только весть о катастрофе (2 августа) дошла до Генриха, он быстро направился к Уинчестеру, и небольшая группа баронов, находившаяся у тела Вильгельма, избрала его в короли

[1] *Stubbs*, Const. Hist., p. 328.

Англии. Захватив королевскую казну, хранившуюся в уинчестерском замке, новый король поспешил в Лондон. Здесь он нашел нескольких прелатов и представителей знати, которые «после споров и колебаний» (aliquantis tamen ante controversiis inter proceres agitatis atque sopitis»)[1] решили признать его королем, и 5 августа Генрих уже был коронован в Уэстминстере и принес торжественную присягу своих англо-саксонских предшественников, обещая всеми силами охранять мир церкви и всего христианского народа, никому не позволять грабить и чинить всякие неправды и во всех судебных приговорах соблюдать справедливость и милосердие. В тот же день он издал Хартию вольностей, которая восстановляла законный порядок, установленный Завоевателем и повергнутый в прах Вильгельмом Рыжим: церкви возвращала свободу, феодалам—их феодальную конституцию, а народу—«законы Эдуарда Исповедника» с теми улучшениями, какие, по совету баронов своих, сделал в них Вильгельм Завоеватель. Епископ Ранульф Фламбард, орудие тирании рыжего короля, вскоре после этого был заключен в Тауэр. Преемнику Ланфранка, архиепископу кентербэрийскому Ансельму, оставившему Англию при Вильгельме II, борьба с которым оказалась для него невозможной, Генрих отправил в Лион, где тот теперь находился, очень ласковое и почтительное письмо, прося его вернуться к оставленной им пастве и помогать ему своими советами. В конце того же 1100 г. Генрих женился на дочери шотландского короля Эдгите, родственнице англо-саксонских королей, чем очень тронул сердца англо-саксов и вызвал неудовольствие у нормандских феодалов, которые очень хорошо понимали все политическое значение этого брака и свое раздражение проявили насмешливым наименованием Генриха Годриком, а его жены Годгивой («omnes... palam contumeliis dominum inurere, Godricum eum et comparem Godgivam appellantes»)[2].

Результаты этой энергичной и ловкой политики короля не замедлили сказаться. В начале 1101 г. вернулся из Святой земли Роберт и потребовал захваченную Генрихом корону. Бароны немедленно же стали на его сторону. Но церковь и англо-саксонский народ остались верны своему избранному королю («indissolubiliter regi suo adhaerebant»[3]. До битвы дело, однако, не дошло. Был заключен мир. Роберт признал Генриха английским королем и освободил его от клятвы верности, принесенной им ему в 1091 г. Приверженцы Роберта дорого заплатили за поддержку, оказанную ими претенденту: обширные конфискации обогатили короля и сделали его еще сильнее. Самый могущественный из феодалов Роберт де Белэм (Belesme), владевший несколькими графствами в Англии и на континенте, в ответ на приглашение короля явиться к суду укрепил свои замки вдоль уэлзской границы и поднял

[1] *W. Malmesb*, G. R., V, 393 (*Stubbs*, Const. Hist., I, p. 329, n. 4).
[2] *W. Malmesb*, G. R., V, 394 (Select Charters, p. 96).
[3] Ord. Vit., X, 18 (*Stubbs*, Const. Hist., I, p. 332, n. 10).

против него часть туземцев Уэлза. Генрих двинул против него свое войско. Бывшие с королем бароны сделали было попытку мирно уладить дело; но англо-саксы советовали королю «не верить этим изменникам», хорошо понимая тайную мысль заступников принципиального врага короля и народа[1]. Белэм был разбит. Победитель пощадил его жизнь, но конфисковал его английские владения, и грозный феодал удалился в свои французские графства. «Радуйся, король Генрих, и возблагодари господа бога, потому что ты стал свободно царствовать с того дня, как победил и изгнал из пределов твоего королевства Роберта де Белэма», так, по словам летописца, приветствовало короля его англо-саксонское войско (Gaude, rex Henrice, Dominoque Deo gratias age, quia tu libere coepisti regnare ex quo Rodbertum de Belismo vicisti et de finibus regni tui expulisti»)[2].

Хартия вольностей, изданная Генрихом I в день своей коронации[3], является весьма важным моментом в истории политического развития английского народа. Но прежде чем выяснить значение этого момента, ознакомимся с содержанием Хартии. Король доводит до сведения всех своих верных подданных (omnibus fidelibus) о своей коронации, совершившейся по милосердию божьему и с общего согласия баронов всего королевства Англии. Так как королевство было отягчено несправедливыми взиманиями («oppressum erat injustis exactionibus»), то из почтения к богу и из любви к своим подданным король прежде всего делает свободной святую божью церковь («sanctam Dei ecclesiam imprimis liberam facio»), так что впредь не будет ничего ни продавать из церковных имений, ни отдавать в аренду и в случае смерти архиепископа или епископа, или аббата не будет ничего брать из этих имений или от людей, живущих в них, в промежуток, пока не избран и не вступил во владение ими преемник умершего («ita quod non vendam nec ad firmam ponam, nec mortuo archiepiscopo sive episcopo sive abbate aliquid accipiam de dominico ecclesiae vel de hominibus ejus donec successor in eam ingrediatur»). В этом же § 1 Хартии король обещает уничтожить худые обычаи, которыми несправедливо было утеснено королевство Англии («et omnes malas consuetudines quibus regnum Angliae injuste opprimebatur inde aufero»), и затем в следующих нескольких параграфах идет описание этих худых обычаев.

---

[1] «Consules autem et primores regni una convenerunt... dicebant enim, «Si rex magnificum comitem violenter subegerit nimiaque pertinacia, ut conatur, eum exhereditaverit, omnes nos ut imbelles ancillas amodo conculcabit...» Pacem igitur inter eos obnixe seramus ut hero comparique nostro legitime proficiamus, et sic utrumque perturbationes sedando debitorem nobis faciamus... Tunc in quodam proximo colle tria milla pagensium militum stabant et optimatum molimina satis intelligentes ad regem vociferando clamabant, «Domine rex Henrice noli proditoribus istis credere». Ord. Vit., XI, 3 (*Stubbs*, Const. Hist., I, p. 337, n. 2).

[2] Ibidem (*Stubbs*, Select Charters, p. 98).

[3] Select Charters p. 100—102 (текст Хартии).

После смерти барона, графа или другого какого непосредственного держателя короля, гласит § 2, его наследник не будет выкупать своей земли, как это делалось при Вильгельме II, но только будет вносить справедливый и законный рельеф («heres suus non redimet terram suam sicut faciebat tempore fratris mei sed justa et legitima relevatione relevabit eam»). Тем же принципом должны руководиться и сами бароны в отношении к собственным держателям («similiter et homines baronum meorum justa et legitima relevatione relevabunt terras suas de dominis suis»). При выдаче замуж бароном или другим непосредственным держателем короля дочери, сестры или внучки (neptim) или родственницы (cognatam), читаем в § 3, он должен посоветоваться предварительно с королем («mecum inde loquatur»), но король ничего не будет брать за даваемое им разрешение и не будет запрещать выдавать ее замуж за кого бы то ни было, лишь бы жених не был врагом короля («sed neque ego aliquid de suo pro hac licentia accipiam neque defendam ei quin eam det, excepto si eam vellet jungere inimico meo»). Дочь—наследницу умершего барона или другого непосредственного держателя—король будет выдавать замуж, посоветовавшись с баронами («illam dabo consilio baronum meorum cum terra sua»). Бездетная вдова королевского держателя будет получать свою вдовью часть и приданое, и король не будет выдавать ее замуж против ее желания. И в § 4 идет речь о вдовах королевских держателей. Вдова королевского держателя, имеющая детей, будет иметь право на свою вдовью часть и на свое приданое, только пока будет соблюдать телесную чистоту («dotem quidem et maritationem habebit, dum corpus suum legitime servaverit»), и король не будет выдавать ее замуж против ее желания; она же будет опекуном земли и детей, или вместо нее кто-нибудь из родственников, который будет иметь на это больше прав («sive alius propinquorum qui justius esse debeat»). Таким же образом должны поступать и бароны королевские в отношении к сыновьям и дочерям и женам своих держателей («et praecipio quod barones mei similiter se contineant erga filios et filias vel uxores hominum suorum»). В § 7 король обещает уважать завещания, делаемые его баронами или другими его держателями; если барон или другой королевский держатель вследствие похода или болезни не успеет распорядиться своими деньгами, то ими будет распоряжаться в интересах его души жена его, или дети, или родственники (parentes), или люди, имеющие на это право («et legitimi homines ejus»). § 8 гласит, что барон или другой королевский держатель, совершивший правонарушение («si... forisfecerit»), не будет давать денежного залога, назначенного королем произвольно («non dabit vadium in misericordia pecuniae suae»), как это делалось при отце и брате короля («sicut faciebat tempore patris mei vel fratris mei»), но будет платить штраф сообразно с родом правонарушения, как это делалось до времени отца короля, при других его предшественниках («sed secundum modum forisfacti,

ita emendabit sicut emendasset retro a tempore patris mei, in tempore aliorum antecessorum meorum»).

В § 11 король постановляет, что повинности, следуемые с рыцарского держания, ограничиваются военной службой королю для защиты королевства; от всяких других натуральных повинностей и от денежных платежей рыцарь освобождается («Militibus qui per loricas terras suas defendunt, terras dominicarum carrucarum suarum quietas ab omnibus gildis, et omni opere, proprio dono meo concedo, ut sicut tam magno allevamine alleviati sint, ita se equis et armis bene instruant ad servitium meum et ad defensionem regni mei»). Народу король возвращает (§ 13) законы короля Эдуарда с теми улучшениями, какие были сделаны в них Вильгельмом Завоевателем по совету его баронов («Lagam Edwardi regis vobis reddo cum illis emendationibus quibus pater meus eam emendavit consilio baronum suorum»). В § 9 король прощает тайные убийства (murdra), совершенные до его коронации; что же касается этого рода убийств, которые будут совершены после коронации, то король объявляет, что они «повлекут за собою штрафы по законам короля Эдуарда (juste emendantur secundum lagam regis Edwardi)». В § 5 король грозит справедливой карой закона лицам, у которых будет найдена фальшивая монета, и отменяет плату с монетчиков, взимавшуюся по городам и графствам, которой не было при короле Эдуарде («quod non fuit tempore regis Edwardi»).

Мы изложили содержание самых важных и характерных параграфов Хартии. Реальный смысл их настолько ясен после всего, что нам приходилось уже говорить об отношениях, созданных Нормандским завоеванием, что они едва ли нуждаются в особых комментариях, и мы можем ограничиться лишь немногими замечаниями.

Издавая Хартию вольностей, Генрих имел в виду привлечь на свою сторону основные силы английского общества—феодалов, церковь и англо-саксонскую массу,—чтобы таким путем упрочить за собою незаконно захваченную власть. И свобода церкви, и феодальная конституция, т. е. обычно правовые нормы, регулировавшие феодальные отношения, права и обязанности сюзеренов и вассалов, начиная с верховного сюзерена короля и его непосредственных держателей (tenentes in capite), его баронов, и законы короля Эдуарда Исповедника (Laga Edwardi regis) были торжественно признаны и санкционированы верховной властью, а нарушение их Вильгельмом Рыжим и Вильгельмом Завоевателем торжественно и всенародно было признано королем за беззаконие, и этим были указаны юридические границы, за которые не должна была выходить верховная власть, до сих пор имевшая фактическую возможность не знать никаких границ своему всемогуществу, и тем самым за феодалами, церковью и народом признавалось право требовать от короля восстановления своих прав в случае их нарушения им или его агентами. Борьба между феодалами и королем, до сих пор носившая едва ли не стихийный характер,

превратилась в борьбу за право, вернее сказать,—могла становиться борьбой за право в тех случаях, когда феодалы сами не выходили за пределы того, что давала им феодальная конституция, мирились с положением высшего военно-служилого сословия в государстве и не выступали с требованиями, несовместимыми с интересами централизованного государства.

Отметим, как очень характерную черту чисто феодальной стороны Хартии, находящуюся в полной гармонии с общей постановкой феодализма в Англии после Нормандского завоевания, то, что обязательства, взятые на себя королем в отношении к своим непосредственным держателям (tenentes in capite), король распространяет (см. § 2 и 4) и на этих последних в отношении к их собственным держателям, ограждая таким образом от феодального произвола магнатов интересы подвассалов, землевладельческой массы, т. е. в сущности всех landsittende men the ahtes waeron ofer eall Engleland, принесших на Солсбэрийской равнине клятву верности Завоевателю против всех других людей и тем непосредственно связавших свои интересы с интересами короля как главы государства, короля, которому прежде всего они должны служить, защищая его королевство, как выражается приведенный нами выше § 11 Хартии, окончательно определяющий характер всякого военного, рыцарского держания, как держания, обязывающего своего держателя нести лишь одну военную повинность и притом исключительно в пользу короля («ad servitium meum et ad defensionem regni mei»), а не своего ближайшего сюзерена. Такое широкое проведение общегосударственной точки зрения в феодальные отношения сближает феодальную сторону Хартии с другой ее стороной, имеющей в виду интересы англо-саксонского народа в собственном смысле, обеспечивающей неприкосновенность его национального права и учреждений, «законов короля Эдуарда»: и там, и здесь ограждаются интересы народной массы; разница лишь в том, что в первом случае масса берется в ее феодальном облике, в ее отношениях к «частной» власти сеньеров и сюзеренов, а во втором—как англо-саксонский народ с его национальными формами политической жизни в противоположность завоевателям-пришельцам. Параграфы, трактовавшие о laga Edwardi regis, лишь расширяли смысл феодальных параграфов, ограничивавших произвол королевских вассалов (tenentes in capite), и ласкали национальное чувство англо-саксов, представляя времена короля Эдуарда царством правды, которая теперь опять возвращалась на землю после царивших при брате Генриха и его отце беззакониях (см. § 8 и 5). Понятна та неизменная верность, с какою народ поддерживал Генриха во всех столкновениях его с феодалами и дал ему возможность восстановить правильную деятельность местных учреждений и организовать центральную администрацию, обеспечить мир и известный порядок в стране, потрясенной в предшествующее царствование.

Генриху пришлось столкнуться не с одними феодалами. Тео-

кратические тенденции папства, обнаружившиеся с особой силой в деятельности Григория VII Гильдебранда, отразились и на Англии в форме принципиального столкновения между архиепископом кентерберийским Ансельмом и Генрихом I по вопросу об инвеституре. На Латеранском соборе в 1099 г. было постановлено подвергнуть отлучению от церкви всех, кто будет передавать или получать церковные земли путем феодальной инвеституры, т. е. с соблюдением обряда передачи епископу или аббату посоха из рук короля или иного представителя светской власти и принесения ими феодальной присяги этому последнему. Папство стремилось таким путем поставить католическую церковь вне феодальных рамок данного общества и государства и создать из нее совершенно самостоятельное государство, зависимое всецело от римского престола, живущее по своему собственному, совершенно не феодальному праву. На соборе присутствовал и Ансельм, удалившийся, как мы знаем, от деспотизма Вильгельма Рыжего на континент. Вернувшись по приглашению Генриха в Англию, он отказался принести королю феодальную присягу, вступая во владение землями, принадлежавшими кентерберийской кафедре и захваченными Вильгельмом II, так как это было бы прямым нарушением постановления Латеранского собора. Согласиться на то, чтобы обширные владения английской церкви с сидевшим на них подвластным ей населением оказались за пределами прямой власти английского короля, Генрих, конечно, не мог. Но архиепископ твердо стоял на своем и даже отказался посвящать епископов, которые согласились на инвеституру. Борьба эта между церковью и государством велась на чисто принципиальной почве, не осложняясь личным раздражением сторон. По требованию короля и магнатов Ансельм отправился в Рим в надежде, что папа решит дело в пользу короля, с которым он вовсе не хотел вступать в дурные отношения. Но папа (Пасхалис II) решил дело не так, как хотелось королю и знати. Тогда король взял архиепископство в свои руки, и Ансельм остался на материке.

Только в 1107 г. между папой и королем состоялось соглашение, которое и было санкционировано Великим советом, собравшимся в Лондоне. Король отказался от инвеституры, но папа признал за ним право брать с прелатов феодальную присягу (homage). Король, таким образом, поступился только формой, сущность же права окончательно была утверждена за ним. За капитулами кафедральных церквей было признано право избирать епископов, но выборы должны были происходить в королевском дворце и, конечно, не без влияния короны. Избранное лицо прежде, чем быть посвященным в сан архиепископом и епископами данной провинции (Кентерберийской или Иоркской), получало из рук короля феодальные права на церковные владения, принадлежавшие кафедре, принося ему при этом феодальную присягу, но посоха и кольца не получая. Во всем остальном отношения между церковью и государством регулировались нормами, установлен-

ными при Вильгельме Завоевателе, которые, предоставляя церкви известную свободу организованной внуренней деятельности и даже допуская возможность юрисдикционного воздействия на английскую церковь со стороны римского престола, тем не менее ставили церковь под сильную власть короля, одинаково обязательную для всех без различия элементов английского общества, не терпевшую рядом с собой никакой независимой власти, не совместимую с существованием государства в государстве. Компромисс 1107 г. на 14 лет предвосхитил принцип, который лег в основание Вормского конкордата, заключенного в 1122 г. между папой Каллик-стом II и императором Генрихом V.

W. Stubbs, Constitutional History of England, v. I.
F. W. Maitland, Domesday Book and Beyond.
P. Vinogradoff, English Society in the Eleventh Century.
П. Виноградов, Средневековое поместье в Англии.
П. Виноградов, Исследования по социальной истории Англии в средние века.
G. B. Adams, The Origin of the English Constitution-Enlarged edition MDCCCCXX.
G. B. Adams, The History of England from the Norman Conquest to the Death of John, 1905 (из серии The Political History of England, v. II).
F. M. Stenton, The first century of English Feodalism 1066—1116, Oxford 1932.
W. Stubbs, Select Charters and other illustrations of English Constitutional History, Eigth edition, Oxford MDCCCCV.
Д. М. Петрушевский, акад., Памятники истории Англии XI—XIII вв., 1936.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СМУТНОЕ ВРЕМЯ В АНГЛИЙСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ И РЕФОРМЫ ГЕНРИХА II ПЛАНТАГЕНЕТА

I

После смерти Генриха I в политической истории Англии наступает момент, когда история эта выходит из тех рамок, в какие она была поставлена всем ходом предшествовавшего развития, и поворачивает как раз в противоположную сторону, на тот путь, по которому шла тогда политическая жизнь обществ континентальной Европы. Произошло временное разложение факторов, двигавших исторический процесс в Англии в известном уже нам направлении, произошло временное ослабление сил, до тех пор сдерживавших центробежные тенденции в английском обществе; та комбинация общественных сил, которая делала Англию государством с сильной центральной властью, распалась, и в течение целых девятнадцати лет (1135—1154 гг.) английский народ был жертвой усобиц и феодальной анархии, и этот жестокий исторический опыт мог окончательно и бесповоротно убедить его в том, что только сильная центральная власть, что только широкая государственная организация могут служить для него оплотом против всех зол, которыми грозило ему торжество политических стремлений феодалов. Этим в исторический процесс внесена была немалая доля сознательности, сообщавшая бо́льшую устойчивость тем фактическим соотношениям, которые определяли направление его до этого смутного времени английской истории; поэтому и само историческое движение получило возможность твердо и неуклонно держаться этого направления с меньшими шансами подвергаться впредь серьезным колебаниям.

После смерти Генриха I явилось два претендента на английскую корону: дочь Генриха—Матильда, вдова императора Генриха V, вышедшая замуж за Жоффруа Плантагенета, графа Анжу, и имевшая от него сына Генриха, и племянник Генриха, сын его сестры Адели, Стефан, граф Блуасский. Лишь только умер Генрих, Стефан поспешил в Англию, чтобы завладеть престолом. В сопровождении очень незначительного отряда он явился в Лон-

дон, где он пользовался большой популярностью, и жители города с радостью приняли его, даже вышли к нему навстречу. Собралась сходка горожан, и на ней было решено избрать Стефана английским королем. Такой же прием встретил Стефан и в Уинчестере, куда он явился захватить королевскую казну, здесь хранившуюся. Отсюда он вернулся в Лондон для формального избрания и коронации, которая и совершилась в присутствии двух епископов, весьма немногих представителей знати («paucissimis optimatibus») и толпы лондонских горожан. Новый король издал небольшую хартию[1], которой «утверждал за всеми баронами и своими английскими вассалами (hominibus) все вольности и добрые законы (omnes libertates et bonas leges), которые дал им и уступил (dedit et concessit) дядя его, английский король Генрих, а также жаловал им все добрые законы и добрые обычаи, которые они имели во время короля Эдуарда (et omnes bonas leges et bonas consuetudines eis concedo quas habuerunt tempore Regis Edwardi)».

Быстрота и решительность действий Стефана произвели впечатление. Глава феодалов Роберт Глостерский явился в Англию и принес новому королю феодальную присягу. Недели через две после коронации Стефана происходила церемония похорон умершего короля. На церемонию съехались бароны, и здесь между ними и Стефаном состоялось соглашение: они признали его королем, а он дал им целый ряд обещаний, сущность которых, повидимому, заключалась в более или менее серьезных уступках интересам феодалов. Была ли издана в этом смысле какая-либо хартия, неизвестно; во всяком случае до нас не дошла такая хартия. Но до нас дошла другая хартия Стефана, *Carta Stephani Regis de libertatibus Ecclesiae Anglicanae et regni*, изданная им в этот же первый год его царствования[2].

В грамоте этой (Стэббс называет ее «второй из наших великих хартий вольностей», первой считая хартию Генриха I) Стефан, «Божью милостью с согласия клира и народа в короли англов избранный и Вильгельмом, архиепископом кентерберийским и святой римской церкви легатом, посвященный и Иннокентием, святого римского престола первосвященником, утвержденный (Stephanus Dei gratia assensu cleri et populi in regem Anglorum electus, et a Willelmo Cantuariensi archiepiscopo et sanctae Romanae ecclesiae legato consecratus, et ab Innocentio Sanctae Romanae sedis pontifice confirmatus), из почтения и любви к богу объявляет свободной святую церковь и подтверждает должное к ней уважение (sanctam ecclesiam liberam esse concedo et debitam reverentiam illi confirmo), и почти весь текст грамоты посвящен конкретному развитию этой мысли. Симония воспрещается. Суд и власть над церковниками и распределение церковных почестей оставляются королем в руках епископов. Все древние права и обычаи церквей подтвер-

[1] *Stubbs*, Select Charters, p. 119.
[2] Ibid., p. 120, 121.

ждаются. Утверждаются за церковью и все владения и держания (possessiones et tenuras), которые находились в ее руках в день смерти Вильгельма Завоевателя («quas die illa habuerunt qua Willelmus rex avus meus fuit vivus et mortuus»). Король обещает охранять мир и справедливость внутри церкви и устраняет всякое вмешательство королевской власти в завещательные распоряжения духовенства. Вакантные епископские кафедры вместе с принадлежащими им владениями будут поступать под опеку клириков (in manu et custodia clericorum) или достойных доверия мирян той же церкви (vel proborum hominum ejusdem ecclesiae), пока не будет, согласно с каноническими правилами, избран новый пастырь. В остальных статьях хартии король возвращает церкви и королевству (ecclesiis et regno) леса, ставшие королевскими лесами по воле Генриха I, оставляя за собою королевские леса от времен Вильгельма I и II, обещает «окончательно искоренить» («funditus exstirpo») все поборы и неправды, и несправедливые судебные взимания, введенные шерифами или кем-либо другим («omnes exactiones et injustitias et meschenningas, sive per vicecomites vel per alios quoslibet male inductas»); и обещает, и предписывает охранять добрые законы и древние и справедливые обычаи как в уголовных делах, так и в гражданских тяжбах и в других случаях («bonas leges et antiquas et justas consuetudines, in murdris et placitis et aliis causis, observabo, et observare praecipio, et constituo»).

При таких обстоятельствах и на таких условиях вступил на английский престол Стефан Блуасский. Обстоятельства эти и эти условия весьма напоминают те, какими сопровождалось воцарение Генриха I. И тот, и другой становились королями не по феодальному праву наследования, которое оба они нарушили, а по выбору народа. Феодалы, церковь и народ в собственном смысле,— вот те три элемента, из которых состояло английское общество изучаемой нами эпохи. Чтобы упрочить свое положение, каждый из этих избранных королей должен был дать удовлетворение интересам каждого из этих общественных элементов. Феодальная конституция, «свобода церкви» и «законы короля Эдуарда»—вот три основных пункта тех требований, которые и в первом и во втором случае должно было предъявить избранному им королю английское общество, и раз он искал опоры в каждом из его элементов, он не мог не признать этих требований. Таков смысл *Хартии вольностей* Генриха I, таков же в общем смысл и характе ир обеих хартий Стефана (к тому же первая из них прямо и повтдерждает Хартию Генриха), что не устраняет и индивидуальных особенностей второй из этих двух хартий, к каким принадлежит прежде всего исключительное внимание ее к интересам церкви. Своими хартиями Стефан привлек на свою сторону народ, приобрел особенное расположение церкви и добился признания со стороны феодалов.

Насколько будут прочны отношения, установившиеся этим путем между королем и каждым из элементов английского общества, это не в малой мере зависело от того, насколько новый английский король обладал политическим тактом и вообще способностями, соответствовавшими тому трудному положению, которое он занимал, насколько ясно понимал он соотношение общественных сил в том государстве, во главе которого он стал. Как раз всех этих качеств и не было у Стефана. Это был человек, совершенно лишенный свойств, необходимых для политического деятеля вообще и для роли английского короля XII в., для продолжателя дела Вильгельма Завоевателя в особенности. Широкого, ясного взгляда на вещи, способности ставить определенные цели и находить для достижения их вполне подходящие средства в материале окружающей английской политической действительности, знания и понимания этой действительности,—ничего этого не было у Стефана. Этот набожный, храбрый и великодушный рыцарь не был способен руководиться в своих действиях холодным расчетом. Для этого у него не было выдержки, уменья терпеливо и последовательно вести одну определенную линию, не уклоняясь в сторону под влиянием порывов чувства. Эмоциональная сторона, игра настроений заслоняла в Стефане другие стороны душевной деятельности. Он совершенно искренно забывал о своих обязательствах, подкрепленных торжественнейшей клятвой. Его политические идеи не выходили за пределы чисто феодального миросозерцания. Легко понять, как мало такой человек соответствовал той роли, какую он взял на себя. И события не замедлили показать это самым ясным образом.

По словам летописца, английские магнаты потому и согласились на избрание Стефана, что не желали повиноваться чужеземцам, которые не замедлили бы наводнить Англию, если бы корона досталась Матильде, жене графа Анжуйского (которой Генрих I предназначил английский престол, заставив баронов принести ему клятву в этом смысле). Чужеземцев не любили в одинаковой мере как англо-саксы, так и нормандские бароны, являлись ли эти чужеземцы в роли королевских любимцев или в виде наемных отрядов на службе у короля. Между тем Стефан окружил себя армией наемных фламандцев и, по словам хроники, на них главным образом и опирался. Это произвело на баронов крайне неблагоприятное впечатление, и они начали оставлять его. Чтобы обеспечить себе верность тех баронов, которые еще оставались на его стороне, король позволял им укреплять свои дома и строить замки, в которых они пользовались всеми привилегиями необузданных феодалов французского типа. Некоторым из них он жаловал графские титулы и раздавал для поддержания нового их достоинства коронные земли и пенсии из государственной казны, чем совершенно расстраивал правительственные средства, которых едва хватало теперь на самые необходимые издержки

по администрации. В 1138 г. на юге и на западе Англии уже вспыхнуло восстание баронов под предводительством Роберта Глостерского. Чисто военные действия Стефана были очень успешны, и возможно, что ему удалось бы справиться с восставшими. Но Стефан сделал шаг, роковой для него, обнаруживший в нем полнейшее отсутствие политического смысла и такта.

Высшая финансовая и судебная администрация английского королевства уже тридцать лет находилась в искусных и опытных руках Рожера, епископа солсбэрийского, и его рода. Сам епископ Рожер «был юстициарием всей Англии и вторым после короля» (вроде первого министра), сын его Рожер был канцлером королевства, а племянник Нигель, епископ илийский, был казначеем королевства; был у Рожера еще и другой племянник, Александр, занимавший линкольнскую кафедру. Окруженные со всех сторон феодалами, строившими замки и собиравшими отряды вооруженных людей, епископ Рожер и его племянники выстроили и укрепили несколько сильных крепостей и в своих диоцезах. И вот в июне (1139 г.), в разгар войны с феодалами, король внезапно арестовал в Оксфорде епископа Рожера, сына его (канцлера) и племянника (епископа линкольнского) и заставил их выдать ему их замки. Трудно сказать, какие собственно мотивы руководили при этом Стефаном: заподозрил ли он верность Рожера, его сына и племянника, действовал ли он под влиянием ревнивого нерасположения короля к слишком могущественному подданному или против Рожера его настроили бывшие на его стороне бароны, с завистливой враждой взиравшие на богатство, роскошь и власть юстициария и его рода. Арест епископов возбудил против короля всю английскую церковь. Напрасно синод, собравшийся в Уинчестере, обратился к королю с энергичным укором и с просьбой исправить ошибку. По обыкновению, король давал обещания и не исполнял их. В конце года умер в тюрьме епископ солсбэрийский, епископ илийский был изгнан. Английская церковь, главная опора власти Стефана, отвернулась от него в негодовании. В то же время заключение в тюрьму юстициария и канцлера и изгнание казначея королевства остановило и расстроило всю административную машину в государстве: финансы, суд, высшая администрация в собственном смысле подверглись полному разгрому. Наступила полная анархия. И в этот самый момент на английский берег высадилась Матильда, чтобы оспаривать трон у Стефана. Англия разделилась. Началась междоусобная война.

Война велась с переменным счастьем. Король был то победителем, то пленником. Матильда была избрана в Уинчестере (2 февраля 1141 г.) «госпожею Англии и Нормандии» («in Angliae Normanniaeque dominam eligimus»), издавала хартии, раздавала земли и титулы, но не в силах была вполне завладеть короной. Бароны мало заботились как об одной, так и о другой борющейся стороне; они попеременно предлагали свои услуги то Стефану,

то Матильде, ценою, временной поддержки покупая новые титулы и привилегии. Истинный смысл борьбы был ясен современникам. Однажды войска Стефана и Генриха, сына Матильды (будущего Генриха II), рассказывает в своей *Historia Anglorum* архидиакон гэнтингдонский Генрих, стояли лицом к лицу, готовые вступить в битву. «Тогда встали бароны, вернее изменники Англии, и стали устраивать соглашение, хотя ничего они не любили больше несогласия; но они не имели охоты вступать в сражение, потому что не хотели возвышения ни той, ни другой стороны, боясь, чтобы в случае поражения одной стороны другая не стала свободно, без ограничения править ими: они знали, что, пока один из противников боялся другого, он не мог осуществлять над ними королевской власти»[1]. Наступила анархия, неслыханная в Англии. Современные хроники не находят достаточно сильных красок, чтобы нарисовать картину бедствий, обрушившихся на народ.

«Написано об одном периоде в истории древнего народа: «В эти дни не было царя во Израиле, но каждый делал то, что было правом в собственных его глазах». Но еще хуже было в Англии в дни короля Стефана. Ибо, так как король был тогда бессилен, а закон был слаб вследствие бессилия короля, то некоторые действительно делали то, что было правом в их собственных глазах; но тем с большей охотой многие делали то, о чем по естественному разуму они знали, что это несправедливость; так что страх перед законом и королем исчез совершенно. Вначале казалось, что королевство разорвалось надвое, и одни склонились на сторону короля, другие на сторону императрицы. Ни король, ни императрица не имели действительной власти над своею частью каждый... Ни он, ни она не могли ввести в ряды своих сторонников дисциплины, но каждый позволял им всякого рода произвол из страха потерять их. Стороны долгое время сражались с переменным счастьем. С течением времени, утомленные неверностью счастья, они стали сражаться с меньшей энергией. Но от этого Англии не стало лучше. Ибо в то время, когда они устали от продолжительной борьбы и стали действовать более вяло, в провинции раздоры знати продолжали свирепствовать («provinciales discordantium procerum motus efferbuere»). В каждой провинции стараниями партий (studio partium) возникло множество замков, и в Англии было столько королей, вернее тиранов, сколько было владельцев замков, и каждый имел право чеканить собственную монету и, подобно королю, творить суд над подданными («erantque in Anglia quodammodo tot reges vel potius tyranni, quot domini castellorum, habentes singuli percussuram proprii numismatis, et potestatem subditis regio more dicendi juris»). А так как каждый стремился к такому преобладанию, что некоторые не могли допускать существования кого-либо выше себя, другие— даже равных себе, то они сражались со смертельной ненавистью,

[1] *Stubbs*, Const. Hist., I, p. 359.

огнем и мечом разоряли прекраснейшие области, и в стране, которая некогда была самой плодородной, они истребили почти весь хлеб»[1].

«Все сделались клятвопреступниками и нарушили свою верность королю,—жалуется другой хроникер,— ибо каждый богатый человек построил себе замки и укрепил их против короля, и земля наполнилась замками. Они сильно притесняли несчастный народ, заставляя его работать при сооружении этих замков, а когда постройка их была окончена, они наполнили их дьяволами и лихими людьми. Тогда они хватали тех, у кого подозревали какое-нибудь имущество, ночью и днем, мужчин и женщин, и заключали их в тюрьмы ради их золота и серебра и мучили их муками несказанными. Они вешали людей за ноги и коптили их в смрадном дыму. Некоторых они вешали за большие пальцы, других за голову и жгли им ноги, поджигая подвязанные к ногам тряпки. Они обвертывали головы людей узловатыми веревками и закручивали их до тех пор, пока, не вылезал мозг. Они сажали людей в темницы, где кишели жабы и змеи, и там подолгу мучили их. Некоторых они клали в короткие, узкие и неглубокие ящики, на дне усыпанные острыми камнями, и так всовывали туда людей, что они переламывали себе кости. Во многих замках находились отвратительные и ужасные цепи, именуемые л и с о й, такие тяжелые, что поднять их можно было только вдвоем или втроем. Эти цепи прикреплялись к бревну и своей острой стороной окружали шею человека, так что он не мог ни сидеть, ни лежать, ни спать, и в такую-то тяжелую лису заковывали одного человека. Многие тысячи людей они уморили голодом... И это положение вещей продолжалось девятнадцать лет, пока Стефан был королем, и все становилось хуже и хуже. Они постоянно взымали подать с городов, которую они называли tenserie, и когда несчастные жители ничего больше не имели, что бы могли дать им, они грабили и жгли все города, так что можно было пройти целый день и не встретить ни одного человека, поселенного в городе, ни возделанных земель»[2]. Один летописец сравнивает Англию этой поры с Иерусалимом, когда его держал в осаде Тит. Современникам казалось, что Христос и его святые заснули.

Английская церковь в лице своих епископов несколько раз выступала посредником между воевавшими сторонами, но ее попытки примирить враждовавших, не имели успеха, и только в 1153 г. архиепископу кентерберийскому Теобальду и брату короля, епископу уинчестерскому Генриху удалось, заручившись поддержкой папы, достигнуть серьезных в этом отношении результатов. В ноябре этого года между Стефаном и Матильдой был заключен в Уоллингфорде мирный договор. Матильда и ее партия признали Стефана английским королем. С своей стороны

---

[1] *Will.* Newb., Hist. Angl., I, 22 (Select Charters, p. 116—117).
[2] *Chron.* Sax. A. D., 1137 (ed. Giles) (*Stubbs*, Const. Hist., I, p. 355).

Стефан и его приверженцы согласились признать наследником престола сына Матильды, Генриха Плантагенета, теперь уже герцога нормандского. Король должен был произвести целый ряд реформ, которые устранили бы причины и последствия смуты. Тут же в Уоллингфорде (Wallingford) был выработан и план этих реформ. Сущность его (о нем мы узнаем лишь из летописных источников) сводилась к следующему. Короне должны быть возвращены узурпированные баронами королевские права. «Незаконнорожденные» замки (т. е. незаконно сооруженные) (castella aduterina), кем бы то ни было воздвигнутые в настоящее царствование, числом до 1 115, должны быть разрушены. Отряды вооруженных людей должны быть распущены, а наемные фламандцы отправлены на родину. Имения, незаконно захваченные кем бы то ни было, должны быть возвращены их законным владельцам, в руках которых они находились при короле Генрихе I. Юрисдикция шерифов должна быть восстановлена, и места шерифов должны быть заняты людьми, которые будут добросовестно исполнять свои обязанности. Разбойники и воры будут на виселице. Духовенству должен быть дарован его мир, и его не будут угнетать незаконными взиманиями. Должна быть обеспечена общая безопасность и выбита одна общая для всего государства монета.

В октябре следующего (1154) года умер Стефан, и дело реставрации разрушенного здания английской государственности перешло в руки Генриха II Плантагенета.

II

1

Царствование Генриха II Плантагенета (1154—1189 гг.) занимает чрезвычайно видное место в истории политического развития средневековой Англии. Генрих явился истинным восстановителем пошатнувшегося было английского государственного порядка. Но этим значение его царствования далеко не исчерпывается: оно имело гораздо более глубокое значение. Правительство Генриха II имело очень определенную, широкую, охватывавшую все стороны политической жизни Англии программу и проводило ее неуклонно, невзирая ни на какие препятствия, которые ему приходилось встречать на своем пути. Препятствия эти, как подчас они ни были грозны, в конце концов, были побеждены благодаря превосходству сил короля, благодаря тому, что в своей реформаторской деятельности Генрих имел на своей стороне народ, в противоположность феодалам, с которыми он боролся. Программа Генриха II шла гораздо дальше уоллингфордской программы, которая послужила для нее лишь исходным пунктом. Уоллингфордская программа носит характер чисто отрицательный: устранение причин и последствий смуты, самое большее—восстановление порядка в том виде, как он существовал в начале царствования

Стефана,—вот та цель, которую она себе намечает. Генрих II шел гораздо дальше. Он объявил решительную войну всему тому, что заявляло притязания на самостоятельную политическую власть, независимую от высшей власти внутри государства. Основная нить, проходящая через всю деятельность правительства Генриха II, это дальнейшее развитие того государственного порядка, основы которого были заложены Вильгельмом Завоевателем. Это основное течение политики Генриха и его сподвижников, и ему должны были давать дорогу все противодействовавшие ему тенденции сложной общественной действительности. Развитие центральной власти в судебном и фискальном отношении, восстановление англо-саксонского общенародного ополчения, оживление местной самостоятельности в пределах самоуправляющихся областных групп, построенных на всесословной, общегосударственной, дофеодальной, а следовательно, и антифеодальной основе, сближение центра и местности на поприще общегосударственных задач,—вот основные пункты политической программы правительства Генриха II. Как ни тяжело ложилась подчас рука Генриха II на народную массу, но масса, наученная горьким девятнадцатилетним опытом смутного времени, видела в осуществлении его программы прочный залог своей безопасности и неизменно служила ему твердой опорой в борьбе его с антигосударственными течениями. Дело Генриха было выиграно, и политическое, а с ним вместе и общественное развитие английского народа получило сильный и плодотворный импульс в направлении к правовому порядку и самоуправлению, хотя ближайшим непосредственным результатом реформаторской деятельности Генриха II было чрезвычайное усиление королевской власти и правительственной централизации, неведомое ни одному из государств тогдашней Европы.

В день своей коронации Генрих II, по примеру своих предшественников, издал Хартию вольностей (*Carta Regis Henrici Secundi*), которою он доводил до сведения всех графов, баронов и всех верных своих франков и англов (Francis et Anglicis), что в честь бога и святой церкви и для общего улучшения всего своего королевства («et pro communi emendatione totius regni mei») он уступает и возвращает и настоящей грамотой своей утверждает богу и святой церкви и всем графам и баронам и всем своим вассалам («et omnibus hominibus meis») все уступки и пожалования, и вольности, и свободные обычаи («omnes concessiones et donationes et libertates et liberas consuetudines»), которые дал им и уступил дед его Генрих («quas rex Henricus avus meus eis dedit et concessit»), а все худые обычаи («omnes malas consuetudines»), которые тот уничтожил и прекратил («delevit et remisit)», и он прекращает и уничтожает («ego remitto et deleri concedo pro me et haeredibus meis»). Имя Стефана ни разу не упоминается в хартии; его царствование как бы официально признается сплошным нарушением всякого права и закона, который, по словам одной хроники, «при короле Стефане, казалось, умер и был погребен», и как бы вычерки-

вается из истории. Генрих II восстановляет право и закон в том виде, как они существовали при его деде Генрихе I.

Первый год царствования Генриха II был посвящен выполнению Уоллингфордской программы, восстановлению порядка и устранению всего, что мешало этому. Был издан приказ об изгнании наемных отрядов и о срытии «незаконнорожденных» замков, и немедленно же было приступлено к исполнению этого приказа. Королевские домэны, каким бы то ни было путем перешедшие при Стефане в частные руки (вспомним, например, неограниченные раздачи их королем новопожалованным графам), были возвращены короне. Деятельность высших учреждений в стране, а также провинциальной администрации была восстановлена.

Феодалы нелегко расстались с вольностями, к которым они уже привыкли во время смуты. Приказ короля выдать замки встретил сопротивление со стороны самых могущественных из них, но с помощью своей военной силы Генрих привел их к покорности. Порядок в стране был восстановлен. Генрих мог приступить к своим реформам.

Рассмотрению деятельности Генриха II по преобразованию английского политического строя необходимо предпослать очерк центральных учреждений английского королевства, как они успели сложиться к этому времени, чтобы дополнить наши сведения о политической организации Англии этой поры (областная организация нам уже знакома, равно как и характер отношений, установившихся между церковью и государством и в нормандской Англии) и иметь конкретное представление об отправных пунктах этой деятельности.

2

Власть английского короля в это время фактически была неограниченной. Правда, король издавал законы, взимал налоги и решал важнейшие дела в государстве по совету и с согласия своего *Великого совета* (*Magnum Consilium*), как его англо-саксонские предшественники—по совету и с согласия уитенагемота. Великий совет тот же уитенагемот; только феодальные элементы, уже очень ясно выраженные и в уитенагемоте (как это мы видели в своем месте), здесь получили полное преобладание, и уитенагемот очень приблизился (если не прямо отождествился) к феодальной курии из непосредственных вассалов короля, которые заседали в этом высшем учреждении страны не столько в качестве «мудрых», сколько в силу своего положения tenentes in capite; и это нужно сказать не только о светских баронах, но и об архиепископах и епископах и аббатах, призывавшихся в Великий совет; и они заседали в этом совете в качестве держателей земельных владений, принадлежавших их кафедрам, по меньшей мере, столько же, сколько и в качестве «мудрых» земли. Хотя по феодальной теории в феодальной курии короля (Curia Regis) должны были присутствовать

все непосредственные держатели короля, но фактически в *Magnum Consilium*, как именовалась еще Curia Regis, приглашались только светские и духовные магнаты. Едва ли будет преувеличением, если мы скажем, что при королях нормандской династии (да и долго потом) роль Великого совета фактически ограничивалась необязательным советом королю и выслушиванием обязательного решения, принятого королем согласно с его монаршей волей. Великий совет обыкновенно созывался три раза в год: на рождестве, пасхе и в троицын день, в эти дни король публично надевал корону; это были торжественные собрания, и в города, где они происходили, съезжалось много народа.

Само собою разумеется, что такие собрания не могли ставить себе задачи быть органом текущей администрации, как не ставили ее себе и уинтенагемоты. Для этого должен был существовать иной, постоянно функционирующий орган, не столь неуклюжий и громоздкий, более приспособленный к все умножавшимся и осложнявшимся задачам управления. Таким органом был более тесный круг королевских советников, его малая курия, в которую входили высшие придворные сановники и те из баронов, которые могли находиться в свите короля или присутствовать во дворце по той или иной причине, а также особо назначавшиеся королем и от него вполне зависевшие лица; эти последние собственно и были его настоящими помощниками в трудном и сложном деле управления государством, потому что должности высших придворных сановников в Англии (как это было и во Франции и Германии) скоро стали наследственными почетными должностями, перешедшими в руки нескольких знатных родов, и с действительным управлением государством имели очень мало общего (мы разумеем должности великого констабля, маршала, камергера, сенешала). Эти ближайшие советники короны, среди которых наряду с вассалами короля могли находиться и лица не из баронской среды, представляли собою высшее судебное учреждение в стране и, вместе с тем, высшее финансовое учреждение, в первом случае являясь в виде *Королевской курии* (*Curia Regis*) в тесном и узком смысле слова, во втором—в виде *Палаты шахматной доски* (*Curia Regis ad Scaccarium*, Court of the Exhequer или просто Exhequer).

Во главе Королевской курии и Палаты шахматной доски стоял юстициарий (justiciarius, чаще в соединении с прилагательным summus или capitalis, верховный или главный). Юстициарий был главным помощником короля. Вначале это был заместитель короля на время отсутствия этого последнего из Англии. Так было при Вильгельме Завоевателе, который учредил эту должность. При Вильгельме Рыжем функции юстициария значительно расширились, должность эта стала постоянной, и в руках юстициария сосредоточилось верховное заведывание всем судебным и финансовым делом в стране. Ближе всего к нему стояли два других высших сановника в государстве, так же как

и он, назначавшиеся королем и вполне от него зависевшие, *канцлер* и *казначей* королевства. Канцлер (обыкновенно духовная особа) сначала был частным секретарем короля, изготовлявшим королевские приказы и другие документы и прикладывавшим к ним королевскую печать, но постепенно превратился в государственного секретаря и приобрел очень видное положение в высшем управлении. Казначей королевства заведывал королевской казной, хранившейся в Уинчестере. Оба они были видными членами Королевской курии и Палаты шахматной доски.

Система центрального управления более или менее ясными чертами вырисовывается только при Генрихе I, при котором и была организована Королевская курия и Палата шахматной доски. Подобно своему председателю, члены Королевской курии также назывались юстициариями. В курии решались три категории судебных дел: a) дела, в которых были затронуты интересы короны, b) дела, поступавшие в курию апелляционным порядком от местных судебных инстанций, c) споры между непосредственными держателями короля, его баронами, благодаря своему могуществу не желавшими подчиняться суду сотни или графства. В виде своей особой милости король иногда позволял и обыкновенным тяжущимся переносить дело прямо в свою курию, минуя местные суды, для чего из курии он посылал указ (breve, writ) шерифу соответствующего графства произвести на месте расследование об оспариваемых правах (о правах на землю, например, о законности наследников и т. п.), и дело решалось без соблюдения тех процессуальных формальностей, которые и составляли самую сущность народного суда сотни и графства. Об этом, впрочем, мы будем говорить подробно в другой связи. Королевской курии принадлежала как гражданская юрисдикция, так и уголовная. Королевская курия являлась также контролирующим органом в отношении к местной юстиции и администрации. Эту последнюю функцию Королевская курия отправляла в форме разъездов ее членов по стране. Эти разъезды членов курии весьма напоминают разъезды так называемых *missi dominici* (государевых посланцев) каролингской монархии. Начались они с Герниха I и заменили собою личные разъезды англо-саксонских королей. Для встречи этих *разъездных судей* (*justiciae* или *iusticiarii errantes judices* или *iusticiarii itinerántes*) шериф созывал полное собрание графства.

Главные из тех лиц, которые входили в состав Королевской курии, были также и членами высшего финансового учреждения в стране, *Палаты шахматной доски*, и в этом качестве носили звание *баронов Палаты шахматной доски* (barones scaccarii). Организация этой палаты приняла более определенный вид при Генрихе I. Можно сказать без преувеличения, что Палата шахматной доски была едва ли не самым главным органом государства в эпоху так называемых нормандских королей (от Вильгельма

Завоевателя до Стефана включительно). Не говоря уже о том значении, какое вообще имеют для государства материальные средства, следует заметить, что государственность так называемого нормандского периода английской истории носила весьма резко выраженный фискальный характер, что правительство нормандских королей слишком сильно подчеркивало фискальную сторону королевской власти как источника дохода, увеличения правительственных средств, и ничего даром не делало, так что каждый шаг к расширению сферы вмешательства государства в сферу общественных отношений имел в виду прежде всего интересы фиска. Конечно, это не есть исключительная особенность англо-нормандской государственности. Это черта, свойственная вообще государственности на известной ступени ее развития, так называемой варварской государственности, характеризующейся трактованием государственной власти ее носителями с частноправовой и частнохозяйственной точки зрения[1]. В Англии названной эпохи она только очень уж бросается в глаза. С фискальной точки зрения смотрел король и на деятельность своей курии (Curia Regis). Понятна связь курии с Палатой шахматной доски: ведь право юрисдикции и было прежде всего фискальным правом в средние века, как это мы уже видели при рассмотрении англо-саксонских отношений.

Два раза в год, на пасхе и в день архангела Михаила, в Уэстминстере происходили полные сессии Палаты шахматной доски. Заседание происходило в обоих отделениях палаты, в верхнем (в так называемой *Отчетной палате*, Exhequer of account) и в нижнем (в так называемой Приемной палате, Exhequer of receipt). Сюда являлись два раза в год шерифы всех графств английского королевства, получившие после Нормандского завоевания еще большее значение и власть в своих округах, чем это было в англо-саксонскую эпоху, и за покрытыми клетчатым сукном столами отдавали отчет в израсходованных ими на покрытие местных нужд их графства суммах и вносили чистый доход с графств, оставшийся за покрытием этих издержек. Эта картина приема отчета и сумм напоминала игру в шахматы, и это дало повод назвать государственное казначейство Палатой шахматной доски. Доходы, следуемые королю с каждого графства, обнимали все разнообразие поступлений, на которые имел право король: тут были и доходы с королевских домэнов, находившихся в данном графстве, и так называемые «фирмы»—взносы натурой, которые поступали с населения еще англо-саксонским королям, и судебные доходы короля с сотенных судов и с судов графства, и датские деньги, ставшие при нормандских королях обыкновенным налогом, и притом очень тяжелым, и так называемый

---

[1] О варварской государственности более подробно в моих «Очерках из истории средневекового общества и государства», 5-е изд., 1922 г., стр. 218—224.

auxilium burgorum, падавший, главным образом, на города, и разного рода феодальные доходы (в виде рельефов, феодальных auxilia и т. п.). Часть этих поступлений доставлялась в виде продуктов земледелия и скотоводства, охотничьих собак и ловчих птиц, только оцененных на деньги. Доходы с королевских поместий и «фирмы» и доходы с судов сотни и графства входили в состав так называемой «фирмы графства» (firma comitatus), откупной суммы, раз навсегда фиксированной, за которую отвечал шериф, которому эта часть доходов графства сдавалась на откуп к большой для него выгоде.

Теперь мы можем перейти к тем изменениям в государственном строе Англии, какие вызваны были реформаторской деятельностью правительства Генриха II.

3

Начнем с церкви.

Мы видели, какую роль играла английская церковь при избрании Стефана. Помним мы и о тех вольностях, какие она получила во второй хартии этого короля. Если мы обратим еще внимание на тот факт, что в период последовавшей затем смуты церковь оставалась единственной правильно функционировавшей организацией, то нас не удивит то расширение церковного влияния и притязаний церкви, которое бросается в глаза, когда от времени компромисса 1107 г. мы переходим к началу царствования Генриха Плантагенета. Здесь мы видим повторение более общего явления— развития власти католической церкви с папой во главе в эпоху разложения государственной власти на западе Европы, когда в противовес феодальной анархии церковь могла выставить весьма тонко развитую, прочную и могущественную организацию, унаследованную от Римской империи.

Факт этот не есть, впрочем, продукт чисто местного развития. Он стоит также в тесной связи с общеевропейским фактом: с развитием папских притязаний и канонического права. Каноническое право вырастало медленно и постепенно из канонов, издававшихся синодами, и папских посланий, декреталий (подлинных и подложных). К половине XII в. все эти постановления были систематизированы монахом из Болоньи (где в начале этого XII в. возникла юридическая школа, возродившая римское право и распространившая науку римского права по всей Европе) Грацианом, и появился, таким образом, первый кодекс канонического права, так называемый *Decretum Gratiani*. Число папских декреталий все увеличивалось; издавались все новые и новые сборники их; каноническое право быстро развивалось; развивались и его изучение и дальнейшая обработка. Рядом с *Corpus Juris Civilis*, с римским правом, постепенно возник *Corpus Juris Canonici*, заимствовавший у первого и юридическую форму, и дух, и не малую долю содержания; не удивительно поэтому, что римское

и каноническое право очень часто изучались одними и теми же лицами, что «цивилист» или «легист» был в то же время и «канонистом» или «декреталистом», совмещая оба эти звания в ученом титуле «доктора обоих прав», «doctor utriusque juris».

Возрождение римского права и развитие канонического права не замедлило отозваться и в Англии. В эпоху смуты, как раз в тот момент, когда церковь оставалась единственной широко организованной силой среди развалин государственного здания, архиепископ Теобальд вывез из Италии некоего Вакария (Vacarius), ломбардского юриста, и он стал читать лекции римского права в Оксфорде. Вакарию недолго пришлось профессорствовать в Англии. Король Стефан очень скоро изгнал его из ее пределов. Но семя было брошено, и скоро Оксфорд стал славен своей школой римского и канонического права. Английская церковь получила свой особый кодекс права и судопроизводства, который окончательно вытеснил из церковных судов английское обычное право (превратившееся мало-помалу в о б щ е е право, common law, страны) и традиции древней английской, национальной церкви, не знавшей резкого разделения мирского и церковного. Таким образом, в царствование Стефана церковная юрисдикция совершенно обособилась от светской. Имея в своем распоряжении очень выработанную систему права и процесса, церковь всегда могла рассчитывать на победу в столкновениях, происходивших между ее юрисдикцией и юрисдикцией светских судов, руководствовавшихся еще весьма несовершенным национальным правом, научное изучение которого и разработка еще только что начинались при помощи приемов, усвоенных из римского права, и национальным процессом, еще пребывавшим всецело на стадии первобытного сакрального формализма. Границы церковной юрисдикции все расширялись на счет юрисдикции светских судов. А границы эти и без того были широки.

В самом деле, церковным судам были подсудны не только представители духовного сословия, клирики, но они ведали также весьма обширною областью чисто мирских отношений; они одни могли налагать на мирян духовные наказания, они одни ведали дела, связанные с клятвами, обещаниями, все те случаи, когда гарантией являлось данное слово; они одни могли решать дела о собственности лиц, умерших без завещания, во всех случаях наследования решать вопросы о законности наследника, разбирать дела о завещаниях, о браке. Таким образом, в ведении церкви находилась весьма значительная часть гражданских отношений, которые в настоящее время регулируются нормами общего гражданского права и подведомственны светским, гражданским судам, и с постепенным развитием экономической жизни и гражданского оборота власть церкви все увеличивалась и увеличивалось ее богатство, умножались ее судебные доходы: по словам Генриха II, архидиаконские суды (т. е. церковные, епископские суды, в которых обыкновенно председательствовали архидиаконы, за-

мещавшие епископов в их юрисдикционных и других функциях) ежегодно получали в виде штрафов сумму, превышавшую весь годовой доход короны.

Наказания, которые налагали церковные суды, отличались большой мягкостью сравнительно с приговорами светских судов; состояли они в церковных карах (церковном покаянии и т. п.), в штрафах, в тюремном заключении и, самое большее, в лишении духовного сана. Такая мягкость могла привлекать к этим судам народные симпатии, которые могли еще укрепляться вследствие тех преимуществ, которыми отличалось их судопроизводство, разбиравшее дело при помощи сравнительно весьма совершенных приемов и притом по существу, в противоположность судам народным с чисто формальным характером их процедуры, мало гарантировавшим правосудие и уже не удовлетворявшим тяжущихся. Мягкость наказаний влекла и к весьма серьезным последствиям отрицательного свойства: в восемь лет царствования Генриха II клириками было совершено до ста тяжких преступлений, преступники отделывались легкими штрафами и тюрьмою, и король горько жаловался, что церковный чтец или простой служитель может убить человека, хотя бы самого знатного, и отделается одним лишь лишением звания клирика.

В начале царствования Генриха II сильно увеличилось количество апелляций к римской курии. Вопросы, совершенно ничего общего не имевшие с верой и нравственностью, в большинстве связанные с собственностью, поступали на решение иноземного трибунала. Большие монастыри были изъяты из-под контроля епископов и поставлены прямо под власть папы. Английская церковь, в противоположность прежним временам, англосаксонской эпохе, когда она стояла совершенно в стороне от Рима, все больше и больше подчинялась римскому влиянию. Английское духовенство все больше и больше отделялось от своих светских сограждан и свой верховный трибунал видело не в королевской курии, но в курии римской и фактически было изъято из-под действия общего права страны.

Если мы припомним теперь то, что было сказано нами об общем характере политической программы правительства Генриха II, то нам станет вполне понятной точка зрения, на которую стал этот король в своем отношении к английской церкви. Положение, занятое английской церковью в государстве, нами только что очерченное, в его глазах могло представляться прямым посягательством на законнейшие права государства. Если церковная реформа Вильгельма Завоевателя, отделившего церковные суды от светских, должна была оставаться неприкосновенной, так как созданный ею порядок успел уже пустить слишком глубокие корни в жизни, то нужно было принять меры к тому, чтобы от этого не страдал государственный интерес, нужно было поставить церковную юрисдикцию в определенные границы; а для этого нужно было восстановить, действительно, тот порядок, который

был установлен Завоевателем, но с течением времени был извращен в направлении, грозившем целости и независимости государства. Необходимо было, следовательно, искоренить злоупотребления, которыми изобиловала практика церковных судов, оставлявших почти безнаказанными самые гнусные злодеяния, раз они были совершены клириками, а также порвать или по меньшей мере, возможно более ослабить ту тесную, прямо-таки политическую связь, которая, вопреки строгим предписаниям Вильгельма Завоевателя, подтвержденным Генрихом I, установилась между английской церковью и римским престолом. Поставить церковной юрисдикции определенные границы и вернуть церковь под власть государства—вот в двух словах смысл церковной политики Генриха II. Король в данном случае стоял на почве обычая и закона и никаких новшеств вводить не собирался. Но то, что было обычаем и законом для церкви эпохи завоевания, теперь далеко уже не охватывало фактической действительности, которая ушла далеко вперед, и восстановление старых норм представлялось церкви нарушением всех ее прав и привилегий, которыми она теперь владела. Генрих встретил в лице архиепископа кентерберийского Фомы Бекета борца за английскую церковь в ее новом виде, церковь романизованную, ничем не желавшую поступаться в интересах государства, считавшую себя властью, не подчиненною государству, а равною ему и даже высшею.

Поводом к борьбе послужил один из многих случаев злоупотреблений, практиковавшихся в церковных судах. Некто Филипп де Брок (de Broc), клирик, бедфордский каноник, был обвинен в убийстве рыцаря. Церковный суд, перед которым он очистился клятвой, отпустил его на свободу. Королевский юстициарий издал приказ представить его в светский королевский суд. Клирик отказался подчиниться приказанию юстициария и даже нанес приглашавшему его в суд чиновнику целый ряд словесных оскорблений. Отказ Филиппа де Брок и его поведение с королевским чиновником послужили юстициарию законным поводом для вторичного привлечения его к светскому суду за пренебрежительное отношение к королевской власти. В дело вмешался архиепископ и потребовал, чтобы и за это преступление клирика судил церковный суд, так как, по его мнению, миряне не могут быть судьями клириков. Церковный суд отказался рассматривать прежнее дело об убийстве и осудил де Брока только за второе его деяние и осудил притом очень строго. Генриха не удовлетворил такой исход дела, и он решил раз навсегда покончить с порядком вещей, делавшим возможными такие случаи.

В октябре 1163 г. был созван в Уэстминстере Великий совет. Король предложил своим советникам прекратить ненормальное, по его мнению, положение вещей. Клирики, обвиняемые в преступлениях, должны быть привлекаемы к светскому суду; в случае если обвинение окажется справедливым, епископы должны лишать их духовного сана и звания и передавать для наказания пред-

ставителям светской власти. Это было вполне согласно с постановлением Вильгельма Завоевателя, чтобы представители светской администрации приводили в исполнение приговоры церковных судов. Бекет воспротивился такому предложению короля. Он находил, что преступный клирик должен подлежать исключительно церковному суду, что совершенно достаточным наказанием для него является лишение сана, и что если после этого он совершит новое преступление, то, конечно, будет отвечать за него перед светским судом, так как лишение сана сделало его мирянином, подведомственным светскому суду. Король предложил собравшимся епископам дать обещание, что они будут держаться обычаев, регулировавших церковные суды и вообще церковную жизнь и отношения церкви к государству со времени деда его, короля Генриха I. Король горько жаловался при этом на вымогательства, практиковавшиеся церковными судами. Но то, что в глазах короля было возвращением к старым обычаям, архиепископу казалось нарушением не менее древних правил и прав церкви и означало порабощение и унижение церкви, обычаи которой имели, по его мнению, гораздо больший авторитет, чем обычаи государства, опираясь на мнения святых отцов и постановления соборов. Бекет соглашался признавать обычаи государства лишь до тех пор, пока они не нарушают интересов церкви («salvo ordine suo»). К такому взгляду он склонил и епископов.

В январе следующего (1164) года король созвал в Кларендоне всех епископов и баронов своего королевства. Опять предложил он Бекету принять обычаи, бывшие при Генрихе I, и опять Бекет отказался делать в этом направлении что-нибудь безусловно. Тогда король приказал записать эти обычаи, предварительно произведя расследование о них. В роли сведущих людей выступали «архиепископы, епископы, графы, бароны и самые знатные и пожилые люди королевства», которые и записали эти обычаи, и таким образом возникли так называемые *Кларендонские постановления* (или Кларендонские конституции, Constitutions of Clarendon). Эта запись обычного права, регулировавшего или, по крайней мере, долженствовавшего регулировать жизнь церкви в ее отношении к государству, являлась в глазах Бекета просто актом грубого самодержавного произвола, хитрой уловкой тирании, и он прямо отрицал за Кларендонскими постановлениями характер кодификации существовавших обычаев и утверждал, что документ этот просто-напросто составлен юстициарием Ричардом де Люси (de Lucy) и французским юристом Жослэном де Байлель (de Baileul). Впрочем, если бы он и признал Кларендонские конституции записью действительно существовавших обычаев страны, то это обстоятельство едва ли бы сообщило им в его глазах больший авторитет. «Бог никогда не говорил: я—обычай, но я есмь истина». Так говорил один из приверженцев Бекета, и эти слова достаточно ясно рисуют нам точку зрения архиепископа, противопоставлявшего временному, изменчивому человеческому обычаю веле-

ния вечной божественной правды, коренящемуся в земных интересах государству—преследующую высшие цели спасения церковь.

Что же заключалось в Кларендонских постановлениях? Ознакомимся с их содержанием, по крайней мере, с главными пунктами его[1]. Почти все 16 статей Кларендонских конституций посвящены вопросу о церковной юрисдикции. Центральное место следует отвести статье третьей, трактующей вопрос, из-за которого возникла борьба между королем и архиепископом. Гласит она следующее: «Клирик, обвиняемый в каком-либо преступлении (clerici rectati et accusati de quacunque re), должен, по приглашению королевского судьи, явиться в курию короля (т. е. к светскому суду), чтобы дать здесь ответ в том, в чем курии угодно будет потребовать от него ответа, а также в курию церковную, если найдут нужным, чтобы он здесь дал ответ, и в таком случае (т. е. когда клирик будет отвечать в церковном суде) королевский судья пошлет в курию святой церкви (своего человека), чтобы наблюдать за тем, как будет там разбираться дело (ad videndum qua ratione res ibi tractabitur). И если клирик будет изобличен в преступлении, или сам сознается в нем (et si clericus convictus vel confessus fuerit), церковь лишает его своего покровительства (non debet de cetero eum ecclesia tueri)», т. е. он поступает в полное распоряжение светской власти и подвергается за свое преступление каре светского закона.

Статья эта едва ли нуждается в особых комментариях. Смысл ее ясен. Постулируемый ею порядок такой. Подозреваемый в преступлении клирик привлекается к светскому суду светской властью, и здесь против него выставляется обвинение, которое он, раз он не сознается в нем, должен опровергать здесь с помощью предписываемых судебным обычаем средств; если ему удастся с помощью этих средств доказать свою невиновность, дело этим и кончается; если же не удастся, он передается церковному суду, который и разбирает это дело в присутствии королевского чиновника, наблюдающего за тем, чтобы обвиняемому не удалось ускользнуть из рук правосудия, т. е. чтобы церковный суд добросовестно отнесся к делу и не обелил клирика без достаточного основания; если результат этого разбирательства окажется неблагоприятным для обвиняемого, обвиняемый лишается духовного сана и опять передается светскому суду, который и произносит над ним приговор за его преступление, присуждая его к смерти или к изуродованию.

Статьи 1, 9 и 15 возвращают светскому королевскому суду решение споров о церковном патронате и о праве представлять кандидатов на приходы, возникавших между светскими лицами и клириками, о том, к какой категории держаний принадлежит данная земля, к разряду светских держаний или к разряду церковных («utrum tenementum sit pertinens ad eleemosinam sive ad

[1] *Stubbs*, Select Charters, p. 137—140.

laicum feudum), и исков о долгах, скрепленных клятвой и не скрепленных. Статьи 8 и 4 направлены против апелляций к римской курии. «Если возникают случаи апелляции,—гласит первая из этих двух статей,—то эти апелляции должны итти от архидиакона к епископу, от епископа к архиепископу. И если архиепископ не будет в состоянии оказать справедливость (defecerit in justitia exhibenda), то в последней инстанции следует обращаться к королю (ad dominum regem perveniendum est postremo), чтобы по его повелению спор был окончательно решен в курии архиепископа (ut praecepto ipsius in curia archiepiscopi controversia terminetur), так что итти дальше без согласия государя короля не должно (ita quod non debet ulterius procedere absque assensu domini regis)». Ст. 4 прямо об апелляциях к римской курии, правда, не говорит. Она запрещает архиепископам, епископам и имеющим бенефиции клирикам (personis regni) выезжать из королевства без разрешения короля и, в случае разрешения, требует от них представления ручательства, что, находясь за пределами королевства, они не будут искать средств причинить зло или ущерб королю и королевству («assecurabunt, quod nec in eundo, nec in moram faciendo, nec in redeundo, perquirent malum vel damnum regi vel regno»). Едва ли можно сомневаться, что здесь разумеются прежде всего апелляции к римскому двору. Ст. 7 представляет собою дальнейшее развитие постановления Вильгельма Завоевателя об отлучении от церкви баронов короля и его служащих. Она также запрещает отлучать от церкви непосредственных держателей короля («qui de rege tenent in capite») и его служащих («nec aliquis dominicorum ministrorum ejus»), а земли их подвергать интердикту, не известив об этом заранее короля или его юстициария; извещенный заблаговременно король или его юстициарий сам рассмотрит сначала дело, из-за которого данное лицо хотели подвергнуть названной церковной каре, и то, что относится к королевской курии, будет в ней и решено, а что относится к компетенции церковного суда, будет отправлено для решения в этот последний (et ita ut quod pertinebit ad curiam regiam ibidem terminetur, et de eo quod spectabit ad ecclesiasticam curiam, ad eandem mittatur ut ibidem tractetur»). Ст. 11 настаивает на том, что архиепископы, епископы и все другие имеющие светские держания духовные лица («et universae personae regni»), непосредственно держащие от короля, держат свои владения в качестве бароний («habent possessiones suas de domino rege sic ut baroniam») и несут все связанные с этими держаниями повинности короля и, как и прочие бароны, должны присутствовать вместе с баронами при разборе дел в курии короля до тех пор, пока дело не дойдет до присуждения к изуродованию или смерти («et, sicut barones ceteri debent interesse judiciis curiae domini regis cum baronibus, usque dum perveniatur in judicio ad diminutionem membrorum vel mortem»). Ст. 12 трактует совершенно в духе компромисса 1107 г. о церковных выборах для замещения архиепископских и епископских кафедр

и мест аббатов и приоров монастырей, находившихся на королевских домэнах. «Когда делается вакантной архиепископская кафедра или епископская или освобождается место аббата или приора на королевском домэне (de dominio regis), они должны поступать в руки короля, и он будет получать (с них) все доходы и поступления как свои собственные (et inde percipiet omnes reditus et exitus sicut dominicos). И когда придет время позаботиться о церкви (et cum ventum fuerit ad consulendum ecclesiae), государь король должен сделать распоряжение высшим церковным сановникам (mandare potiores personas ecclesiae), и в капелле самого государя короля должно произойти избрание с согласия государя короля и по совету духовных особ (assensu domini regis et consilio personarum regni), которых он пригласил для этого. И избранный здесь же принесет феодальную присягу и клятву верности (homagium et fidelitatem) государю королю, как своему сюзерену (sicut ligio domino), о жизни своей и о членах и о чести своей земной, но без ущерба для своего духовного звания (de vita sua et de membris et de honore suo terreno, salvo ordine suo), прежде, чем будет посвящен в сан (priusquam sit consecratus»).

Весьма интересна и последняя, 16-я, статья Кларендонских постановлений: «Сыновья вилланов не должны посвящаться в духовное звание без согласия сеньера, на чьей земле они признаются родившимися (filii rusticorum non debent ordinatri absque assensu domini de cujus terra nati dignoscuntur)». Статья эта имела в виду оградить от церковных захватов интересы светского землевладения, едва ли в малой мере страдавшие от ухода крестьян, на крепостном труде которых зиждилось все благосостояние высшего класса общества, в ряды привилегированных клириков.

Архиепископ отказался признать обязательными для английской церкви главные пункты Кларендонских конституций. Между ним и королем произошла известная борьба, тянувшаяся несколько лет и окончившаяся, как известно, насильственной смертью Бекета (29 декабря 1170 г.). Генрих отказался от конституций, и вопрос о границах церковной юрисдикции остался нерешенным.

4

Попытка Генриха II поставить границы юрисдикции церковных судов является только частью программы задуманной им и его советниками общей судебной реформы. Выполнение этой программы дает царствованию Генриха II главное право на то место, которое оно занимает в истории политического развития Англии. В дальнейшем изложении мы увидим, до какой степени судебная реформа Генриха II тесно связана с политическим преобразованием английского общества, с развитием центральных учреждений на счет феодализма.

Английское судоустройство нам в общем уже знакомо. Остается лишь сказать несколько слов о феодальных судах.

Для разбора гражданских, земельных прежде всего, тяжб между сеньером и его вассалами и между самими вассалами существовали феодальные курии в собственном смысле, из вассалов данного сеньера, который и являлся председателем курии. Судебным местом для зависимого крестьянского населения феодального поместья являлась манориальная курия, галимот, в котором председательствовал сенешал лорда манора (по-английски стьюард), а членами были сами крестьяне манора. Многие сеньеры, кроме того, обладали некоторой долей уголовной и полицейской юрисдикции, которая, как общее правило, принадлежала сотне и графству, и осуществляли ее в так называемых courts leet; в частности они имели право проверять дважды в год десятки свободного поручительства (frank pledge), в которые было организовано все сельское население в интересах обеспечения общественной безопасности, и все штрафы, взимавшиеся при этом, шли в их пользу. Эта проверка носила название visus franci plegii, и производилась она в тех манорах, лорды которых не были наделены правом уголовной и полицейской юрисдикции, шерифом графства, который для этого и для разбора уголовных дел дважды в год совершал объезд своего графства (turnus vicecomitis, sheriff's tourn).

Прежде, чем вести речь о судебной реформе Генриха II, нам нужно по возможности ясно представить себе судопроизводство, те средства и пути, с помощью которых судебные учреждения Англии поры, непосредственно предшествовавшей реформе, восстановляли нарушенное право, тем более, что реформа коснулась именно этих средств и путей.

Английское судопроизводство этой поры недалеко ушло от судебных порядков первобытной эпохи. Оно совсем непохоже на то, что мы понимаем под судопроизводством в настоящее время. Напрасно мы стали бы искать здесь таких подробностей, как рассмотрение по существу доводов сторон, свидетельских показаний, вещественных доказательств и иных данных, имеющих целью раскрыть истину. Такого разбирательства дела по существу этот суд не знал. Судоговорение этой эпохи имело характер драматического представления со строго педантически разученными ролями действующих лиц, не допускающими никаких купюр и изменений в тексте пьесы, установленном веками развивавшимся обычаем. Малейшее изменение в словах или в порядке слов формулы, малейшая неточность в обрядовом действии роковым образом отражались на произносившем формулу и на совершавшем действие, делая неизбежным неблагоприятный исход его дела. В произнесении ряда формул и в совершении ряда действий обрядового характера и состояло то, что можно назвать судопроизводством первобытной эпохи. Таким оно было и в Англии XII в. Роль суда сводилась в сущности к регулированию всей этой процедуры и к произнесению приговора применительно к тому результату, который получался после выполнения всех обрядов. Клятвы

и ордалии были здесь единственным видом судебных доказательств.

Как истец, так и ответчик являлись в суд вместе со своими соприсяжниками (coniuratores), которые должны были своей клятвой очищать того, кто их привел с собой в суд (они были его compurgatores); каждый из соприсяжников клялся именем божьим, «что клятва его (т. е. истца или ответчика) чиста и истинна», та клятва, которую как истец, так и ответчик приносил перед судом в доказательство своей правоты. В роли соприсяжников являлись в более ранние времена родственники сторон или члены одной с ними искусственной группы (гильды или сельской общины). Вопрос о том, сколько соприсяжников необходимо для того, чтобы они могли сделать «чистой и истинной» клятву данного лица, решался судьями, т. е. всеми присутствовавшими в судебном собрании графства, сотни или в курии частного владельца людьми, которые знали обычное право, знали, сколько соприсяжников необходимо для представителей каждого общественного класса.

Клятва, которую давали стороны и их соприсяжники, была вовсе не таким легким делом, как это может показаться в настоящее время. Это был очень трудный обряд: малейшая обмолвка, самое ничтожное отступление от текста и порядка слов формулы, которую должен был произнести клявшийся, считались бесспорными свидетельствами неправоты или виновности того, кого хотели очистить этой клятвой. Такое отношение к клятве стоит в тесной связи с той религиозной почвой, на которой стоит суд этой эпохи. Ведь вся судебная процедура, весь процесс этой поры имеет характер сакральный, совершается в невидимом, но близком присутствии божества, которое каждый момент может вмешаться в дело и открыть истину, и эта истина может открыться людям только чрез посредство тех действий, слов и словосочетаний, из которых состоит процесс этой эпохи. Ответчик или его соприсяжник сделал ошибку в формуле клятвы; значит он не мог поступить иначе, значит, он не мог произнести утверждения, не соответствовавшего действительности, значит, божество не допустило такой неправоты и этим отрицательным способом открыло истину. Понимать и истолковывать откровение могут лишь люди, посвященные в таинства правового обычая.

Клятва не всегда оказывалась средством, при помощи которого божество открывает истину судьям. Тогда судьи прибегали к другим способам узнать мысль божества, к другим средствам *гадания*. Такими средствами были ордалии, носящие название суда божьего по преимуществу. Если клятва была обязательна и для истца, и для ответчика, то этого нельзя сказать об ордалии: ордалия являлась *дополнительным* ресурсом для сторон, который предоставлял им *суд после того*, как той или иной из них не удалось путем клятвы доказать свою правоту. Как и клятвы, ордалии тоже языческого происхождения и так же, как и они, были усвоены и освящены христианскою церковью.

Испытание водой, испытание раскаленным железом и судебный поединок—вот обычные формы ордалии. Как вода, так и железо, посредством которых производили испытание, подвергались предварительно торжественному обряду освящения. Испытание водою состояло в том, что испытуемого бросали в воду, и если он начинал тонуть, это было доказательством его невиновности: чистая стихия, освященная вода не отвергала его; если же он выплывал и держался на воде, виновность его не подлежала сомнению: значит, вода не принимала его, как нечистого. Подвергавшийся испытанию железом должен был поднять голыми руками кусок раскаленного докрасна железа в один фунт весом и пройти с ним три шага; немедленно после этого руку, державшую железо, завязывали куском полотна; через три дня руку развязывали и по внешнему виду обожженного места не совсем ясным для нас способом определяли, виновен ли человек или невиновен. Констатировать знамение более всего были компетентны лица, находившиеся в более непосредственных отношениях с божеством, представители религии. Судебный поединок, происходивший также с соблюдением разных формальностей, тоже представлял собою одну из форм вопрошания божества в языческие времена бога войны. Судебный поединок был чужд англо-саксонскому праву; он появился в Англии после Нормандского завоевания.

Рядом с только что описанным типом процесса, по мере развития королевской власти, возникает у германских племен другой его тип, рядом с процессом сакрально-формалистическим, обрядовым, возникает *процесс инквизиционный*. Франкские короли, не без влияния форм унаследованной ими в известной мере римской гражданственности, довольно скоро поставили себя вне сферы этой древней формальной и сакральной процедуры. Когда шел спор об их имущественных правах, они посылали своих чиновников для расследования дела на месте. Чиновники собирали самых лучших и самых старых людей местности и заставляли их под присягой давать показания о фактах, о которых шел спор. Эти представители местности давали ответы на вопросы о том, принадлежит ли этот участок земли королю или не принадлежит, какими землями вообще владеет король в данной местности и т. д.; они же в случае надобности должны были под присягой сообщать сведения о своих соседях, сообщать имена всех лиц, подозреваемых в убийстве или грабеже, чтобы этих подозрительных людей можно было отправить затем в суд, к испытанию водой или раскаленным железом. Эту свою привилегию расследовать дела через присяжных король мог в виде особой милости жаловать и другим—своим любимым церквам и монастырям, а также отдельным лицам, и тогда, если подвергалось, например, спору их право на данную землю, то вместо того, чтобы подвергать его еще всем случайностям неуклюжей процедуры общих, народных судов сотни и графства, они защищали его более простым и достигающим цели средством: королевский чиновник созывал

соседей, и они, эти сведующие люди, под присягой показывали истину.

С разложением империи Каролингов эта королевская привилегия постепенно замирает, как и другие прерогативы верховной власти; но в Нормандии, где, как было указано, центральная власть была очень сильна, она остается в силе и с Завоеванием переходит в Англию, где и получает очень широкое развитие и является зародышем учреждения, ставшего достоянием всех культурных народов. Английские короли нормандской династии широко пользовались этой своей привилегией как в вопросах фискальных, так и в вопросах чисто юридических. Книга страшного суда (Domesday Book) была, как известно, составлена из показаний, данных под присягой людьми разных сотен и деревень Англии в ответ на ряд вопросов, предложенных им королевскими комиссарами. С этих пор расследование через присяжных заняло видное место в деятельности правительственного механизма; к нему прибегали, имея в виду самые разнообразные цели, каждый раз, когда правительству нужны были сведения по тем или иным вопросам. Король мог пользоваться им в своих собственных тяжбах и мог предоставлять его к услугам других тяжебщиков, которые были достаточно счастливы или достаточно богаты, чтобы получить от него эту милость.

Насколько этот инквизиционный процесс был выше древнего, обрядового, формального и сакрального процесса, очевидно для всякого. Судебный приговор был отнят у божества, открывавшего свою волю через посредство нелегко поддающихся истолкованию знамений, и передан людям, строившим судебное решение на фактах, сообщаемых людьми сведущими, соседями, на глазах которых в эту эпоху сравнительно очень несложных общественных отношений совершались все гражданские акты, соседями, знавшими всех своих односельчан, нрав каждого из них, его способность или неспособность совершить тот или иной поступок. Гаданию было противопоставлено исследование, расследование дела по существу, и тем гарантирована была несравненно большая возможность восстановить в каждом данном случае нарушенное право или устранить грозившую ему опасность. В свое время обрядовой формализм процесса сам являлся крупным шагом вперед, поставив весьма действительную преграду бесправию и естественной, чисто животной борьбе первобытной эпохи; но общественная жизнь переходила к высшим формам, и обрядовой формализм должен был уступить место другим приемам, удовлетворявшим более развитым понятиям о праве и справедливости. Дело правосудия выигрывало, следовательно, и общество, ибо за ним обеспечивалась большая сравнительно с прежним возможность мирного развития культуры и цивилизации. Являясь полной противоположностью старого народного суда, этот новый, королевский суд, тем не менее, вовсе не был судом бюрократическим: и это был суд народный, а с течением времени он стал и еще более народным, чем

был суд старый с обрядовым, сакральным процессом. Этот новый суд не был судом канцелярским, бумажным, совершенно оторванным от народной жизни. Как и суд старый, он производился в собрании народа, в собрании графства, и основывался на показаниях представителей народа, дававшихся под присягой всенародно. Королевский комиссар, член Королевской курии, являлся в собрание графства, специально для этого созванное шерифом графства, и председательствовал в нем, превращая этим его в собрание Королевской курии, как бы в выездную сессию ее.

В виде королевской привилегии, которая в виде особой королевской милости жаловалась иногда церквам, монастырям и частным лицам, инквизиционный суд с присяжными существовал в Англии до царствования Генриха II. *Генрих II превратил этот суд из своей королевской привилегии в достояние всех и каждого из подданных своего королевства*, и к концу XII в. расследование через присяжных стало неотъемлемой частью процесса, как гражданского, так и уголовного. Этим король неизмеримо расширил пределы юрисдикции своей Королевской курии насчет юрисдикции судов сотни и графства, а также, как сейчас увидим, и, что особенно важно отметить, насчет юрисдикции частных владельцев, баронов, феодалов, а также церковных, епископских судов, увеличивая этим доходы, силу и власть центрального правительства, не говоря уже о том, что, вводя в общее употребление инквизиционный процесс с присяжными, он производил весьма существенное улучшение в организации правосудия и тем обеспечивал одно из важнейших условий культурного развития страны. Следует только прибавить что эта новая форма судебного процесса не была обязательной, и всякий свободный человек королевства Англии имел право свободного выбора между новой формой и старой; за право воспользоваться новой формой он должен был платить, внося в королевское казначейство определенную сумму за приказ (breve, writ) короля произвести расследование его дела через присяжных, и если у него не было требуемой суммы или он не хотел входить в расход, он обращался к старой процедуре сакрально-формалистического характера.

Судебная реформа была произведена Генрихом не сразу, не путем издания одного общего закона, но постепенно, по частям, путем целого ряда указов, так называемых «ассиз» (assisa), из которых некоторые не дошли до нас. «Ассизой» называлось и само расследование гражданского иска через присяжных, а также и самый иск. Насколько можно судить по данным источников, Генрих II широко открыл двери своей Королевской курии прежде всего для лиц, ведших гражданские тяжбы, так что расследование через присяжных стало прежде всего применяться в гражданском судопроизводстве. *Великая ассиза* (Magna Assisa, Grand или Great Assize), *ассиза о смерти предшественника* (Assisa de Morte Antecessoris, Assize of Mort d'ancester, *ассиза о новом захвате* (Assisa de Nova Dissaisina, Assize of Novel disseisin), *Ассиза о последнем*

представлении на приход (Assisa de ultima praesentatione, Assize of Darrein Presentment) и так называемая *ассиза utrum*,—вот типические случаи расследования через присяжных гражданских исков.

Во всех этих случаях спор идет о земле, это—земельные иски, причем только в первом случае поднимается спор о собственности на землю, во всех же остальных речь идет исключительно о владении, о держании и притом о держании исключительно свободном, о фриголде (freehold); иски о держании несвободном, о вилланском держании не были подсудны королевскому суду: они не выходили за пределы манориальной курии лорда, галимота.

Процесс в случаях *великой ассизы* имел такие формы. Владелец фриголда, о котором возникал спор, вместо того чтобы подвергаться случайностям судебного поединка, процессуального средства старого суда, обращался в Королевскую курию с просьбой приостановить ход дела, уже начавшегося в местном суде, до тех пор пока не будет произведено расследование о правах истца. В ответ на эту просьбу Королевская курия отправляла в этом смысле приказ (breve, writ) шерифу данного графства. Это называлось: ответчик «положил себя на ассизу (se in assiasam posuit)». После этого истец со своей стороны обращался в Королевскую курию с просьбой выдать приказ, который дал бы право четырем полноправным рыцарям из графства, и притом из местностей, соседних с той, где находится спорная земля (quatuor legales milites de comitatu et de visineto), избрать двенадцать полноправных рыцарей из того же округа (duodecim milites legales de eodem visineto), чтобы они под присягой показали, кто из двух тяжущихся имеет большее право на спорную землю. Королевская курия посылала тогда шерифу приказ, чтобы он пригласил четырех рыцарей в Уэстминстер (в Королевскую курию) для избрания двенадцати. Четыре рыцаря являлись и под присягой называли двенадцать, и эти последние получали приглашение явиться перед королем или его судьями, чтобы под присягой дать свои показания о спорном вопросе. В назначенный день они являлись, клялись, «что не будут говорить лжи и умышленно скрывать истину», и затем давали свои показания на основании знания обстоятельств дела, знания, приобретенного или при посредстве собственного зрения и слуха или на основании слов отцов своих, или на основании таких слов, «которым они обязаны верить, как собственным (quibus fidem teneantur habere ut propriis)». Если все двенадцать вполне были знакомы с обстоятельствами дела и были единодушны в своих показаниях, то разбирательство этим и кончалось, и суд постановлял приговор. Если же или все двенадцать рыцарей, или же некоторые из них оказывались незнакомыми с делом, или если между рыцарями не оказывалось согласия в показаниях, то на их место вызывали новых, пока не получалось всех требуемых условий[1]. Процедура в других асси-

[1] *Glanvill*, De Legibus Angliae, lib. 11, c. 10, 12, 14, 16, 17 (Select Charters p. 161—162).

зах отличалась от процедуры в великой ассизе только тем, что двенадцать присяжных здесь просто назначались шерифом, без посредства четырех рыцарей—избирателей.

Ассиза о смерти предшественника впервые встречается в *Нортгэмтонской ассизе* 1176 г., имеющей форму инструкции, данной королем разъездным судьям. В четвертой статье этой инструкции мы читаем: «И если владелец феода (dominus feodi) отказывает наследникам умершего (свободного держателя, francus tenens) в держании этого же умершего, которое они требуют, судьи государя короля пусть распорядятся произвести расследование через посредство двенадцати полноправных людей (per duodecim legales homines) о том, чем владел умерший в тот день, когда он был жив и мертв (die qua fuit vivus et mortuus), и, что даст расследование, сообразно с этим пусть они (судьи) восстановят права наследников его»[1]. В той же инструкции находим мы и *ассизу о новом захвате*. «Также судьи государя короля,—читаем мы в пятой статье этой инструкции,—пусть распорядятся произвести расследование о захватах, произведенных super Assisam со времени, когда государь король явился в Англию непосредственно после заключения мира между ним и королем, сыном его (Генрихом, коронованным при жизни отца)[2]. *Об ассизе* utrum читаем в *Кларендонских постановлениях*, в статье девятой: «Если возникнет спор между клириком и светским лицом или между светским лицом и клириком о каком-либо держании, которое клирик хочет признать принадлежащим к разряду церковных держаний (ad eleemosinam velit attrahere), а светское лицо к категории светских ленов (ad laicum feodum), то вопрос о том, принадлежит ли держание к разряду церковных держаний или к категории светских ленов (utrum tenementum sit pertinens ad eleemosinam sive ad laicum feodum), будет решаться путем расследования через посредство двенадцати полноправных людей под наблюдением главного судьи короля (per capitalis Justitiae regis considerationem) перед самим судьею королевским (coram ipso Justitia regis)»[3]. *Ассиза о последнем представлении на приход* представляет собою форму иска о праве землевладельца представлять своих кандидатов на место священника в приходской церкви села, находившегося под его частной властью. Уже в первой статье Кларендонских постановлений читаем: «Если возникает спор о церковном патронате и о праве представлять кандидатов на приходы (de advocatione et ptaesentatione eccleasiarum) между светскими лицами, или между светскими лицами и клириками, или между клириками, то спор этот разбирается и решается в курии государя короля»[4].

Великая ассиза, ассиза о смерти предшественника и ассиза о новом захвате являются дальнейшим развитием принадлежавшего

---

[1] *Stubbs*, Select Charters, p. 151.
[2] Ibid., p. 152.
[3] Ibid, p. 139.
[4] Ibid., p. 138.

королю с эпохи Нормандского завоевания права вторжения в юрисдикционные права феодальных сеньеров. Вторжение это совершалось спорадически, но имело вполне определенную правовую форму *приказа о праве* (breve de recto, a writ of right) и приказа, именуемого *Praecipe quod reddat*. В обоих случаях дело шло о земле, о свободном держании, о фриголде. Тяжущимися являлись сеньер и его вассал. Вассал предъявлял свои права на данное держание. Сеньер отрицал эти права и оставлял это держание в своих руках, не обнаруживая при этом желания созывать для разбора этого дела свою феодальную курию из своих вассалов. Истец обращался тогда к королю и получал от него *приказ о праве* или приказ *Praecipe quod reddat*. В первом случае сеньеру истца предписывалось рассмотреть дело истца в своей феодальной курии, в противном случае оно будет рассмотрено и решено шерифом («quod nisi feceris vicecomes meus faciet»), т. е. будет передано в собрание графства и здесь решено в силу королевского приказа (per breve domini regis), превращавшего шерифа в специального уполномоченного короля, а собрание графства, в котором он председательствовал, в заседание Королевской курии. Во втором случае феодальному сеньеру истца просто предписывалось через шерифа передать истцу держание, на которое тот предъявляет права, а в случае отказа—явиться к королю или к его судье в определенное время и в определенное место и представить объяснение, почему он не исполнил повеление короля, что было равносильно изъятию дела из компетенции феодальной курии и перенесению его в Курию короля. В обоих случаях король выступал не в роли верховного феодального сюзерена, а в качестве верховного охранителя права и справедливости в стране, не связанного никакими феодальными ограничениями, обязанного гарантировать неприкосновенность прав всех и каждого из своих подданных, не только восполняя и исправляя, но подчас и заменяя феодальную юстицию своей собственной с помощью находившегося в его распоряжении нефеодального правительственного аппарата. Едва ли нужно после всего, что было раньше сказано нами о постановке феодализма в Англии после Нормандского завоевания, прибавлять, в какой степени гармонировало с этой его постановкой это вторжение королевской власти в феодальную юстицию, равно как и его дальнейшее развитие.

Если мы сравним суд присяжных в гражданском процессе в том виде, в каком он существовал при Генрихе II, с современным нам судом присяжных, то увидим между ними существенную разницу, как между зародышем и вполне развившейся формой. Присяжные времени Генриха II прежде всего вовсе не судьи, какими являются наши присяжные. Это просто сведущие люди, дающие под присягой показания о правах своих тяжущихся соседей. В XII в., когда население Англии далеко еще не отличалось густотой, знали о своих соседях гораздо больше,

чем в настоящее время мы можем знать о своих. Знание это в весьма значительной мере облегчалось тем, что при простоте и несложности тогдашней жизни все действия, имевшие юридические последствия, носили совершенно публичный характер, совершались на глазах у всех, на сельском сходе, собиравшемся каждые три недели, и человек, тайно без ведома соседей купивший, например, лошадь, подвергался большому риску быть заподозренным в краже ее. *Присяжные времени Генриха II были или свидетелями, очевидцами факта, или имели о нем вполне достоверные сведения от лиц, которые сами были свидетелями его.*

Дальнейшее развитие института присяжных относится к последующему времени, и состояло оно в следующем. По мере усложнения отношений между людьми двенадцать человек, которых шериф призывал давать под присягой показания о юридических фактах, совершавшихся среди их соседей, все более и более теряли возможность исполнять свою обязанность свидетелей и сведущих людей. И вот, для того чтобы помочь делу, со времени царствования Эдуарда I в подкрепление двенадцати присяжным стали приглашать лиц, действительно знакомых с обстоятельствами дела. Мало-помалу между двенадцатью и дополнительными лицами была проведена резкая черта, *и к дополнительным лицам перешла функция, принадлежавшая в эпоху Генриха II двенадцати присяжным, а сами двенадцать присяжных превратились в судей, составлявших приговор, вердикт, на основании данных, доставлявшихся дополнительными свидетелями и сведущими людьми, из свидетелей факта сделались судьями факта.*

Принцип расследования через присяжных был применен Генрихом и к уголовным делам, и реформа, произведенная им этим путем в уголовном процессе, едва ли уступает в историческом значении реформе гражданского судопроизводства. Если она и не расширила сферы так называемых *placita coronae* (т. е. дел, специально подсудных королевскому суду в собственном смысле, Королевской курии, в отличие от судов сотни, графства и манориальных судов, какими являлись особенно тяжкие преступления), как это сделала реформа гражданского процесса, присоединив к разряду placita coronae все дела о свободных держаниях, до тех пор находившиеся в ведении феодальных судов, т. е. курий феодальных сеньеров, разбиравших эти дела, когда они возникали среди их вассалов и свободных держателей, а также споры между мирянами и клириками о характере того или иного держания, о принадлежности его к церковным держаниям или к светским ленам и споры о церковном патронате и о праве представления кандидатов на приход, на которые стремились наложить свою руку церковные, епископские суды,—то зато она привлекала к делу ограждения общества от тяжких преступлений, подсудных короне, само общество, его исконные местные организации и тем вдохнула новую жизнь в эти организации, подготовляя через них обще-

ство к новым формам политической жизни, к парламентскому, конституционному режиму; в то же время она серьезно улучшила процессуальные средства старого сакрально-формалистического суда, а также и с своей стороны, что заслуживает особенного внимания, и прямо, и не прямо сильно сузила границы феодальной независимости крупных землевладельцев, можно сказать, нанесла ей очень тяжелый удар.

Зародыши института обвинительных присяжных (*grandjury*, по современной терминологии) можно констатировать уже в англосаксонскую эпоху. На ранних ступенях общественного развития преступление есть прежде всего частное дело, частный ущерб, причиненный одним членом общества другому, и инициатива возмещения ущерба принадлежит потерпевшему или его родственникам, которые сами начинают дело перед судом, а не ждут вмешательства общественной власти. С течением времени наряду с частным обвинением (appellum) появляется обвинение, исходящее от самого общества (то, что называется теперь *indictment*). В законе короля Этелреда (978—1016 гг.) читаем: «И пусть собрание собирается в каждом wapentake (то же, что hundred, сотня), и пусть выступают XII старших тэнов и с ними рив и пусть клянутся на реликвиях, которые будут даны им в руки, что никого не обвинят невинного и не укроют никакого преступника»[1]. Повидимому, только закон этот имел в виду одну лишь датскую полосу английской территории. Не знаем мы также, применялся ли этот закон после Нормандского завоевания. Впервые на обвинительных присяжных мы получаем вполне определенное указание в *Кларендонских конституциях*, а так как Кларендонские конституции должны были представлять собою лишь запись части регулировавших церковные отношения обычаев, то мы как будто имеем право заключить, что обвинение через присяжных не выходило из судебной практики и после Нормандского завоевания. Мы имеем в виду шестую статью конституций, трактующую о епископском суде и гласящую, что в тех случаях, когда «такие преступники найдутся, что никто не захочет или не осмелится их обвинить, тогда шериф по требованию епископа заставит двенадцать полноправных людей из соседей или из деревни (duodecim legales homines de vicineto, seu de villa) дать клятву перед епископом в том, что они обнаружат истину согласно со своей совестью»[2].

Как бы то ни было, только через два года после этого институт обвинительных присяжных является перед нами в виде вполне определенного и правильно функционирующего учреждения. В этом (1166) году была издана королем «с согласия архиепископов, епископов, аббатов, графов и баронов всей Англии» *Кларендонская ассиза* (assisa de Clarenduna, Assize of Clarendon)[3]

---

[1] *Stubbs*, Select Charters, p. 72.
[2] Ibid., p. 138, 139.
[3] Ibid., p. 143—146.

в форме инструкции разъездным судьям, и в ней мы находим самые конкретные данные, характеризующие институт обвинительных присяжных в той широкой постановке, какая была дана ему Генрихом II и его советниками. Данные эти дополняет изданная им через десять лет (в 1176 г.) уже отчасти знакомая нам *Нортгэмптонская ассиза* (Assize of Northampton)[1]. «Для охраны мира и поддержания справедливости,—читаем в первой статье *Кларендонской ассизы*,—в каждом графстве и в каждой сотне должно производиться расследование через посредство двенадцати полноправных людей от каждой сотни (per XII legaliores homines de hundredo) и четырех полноправных людей от каждой деревни (et per IV legaliores homines de qualibet villata), которые дадут клятву, что будут говорить правду (per sacramentum quod illi verum dicent) о том, есть ли в их сотне или в их деревне какой-либо человек, которого обвиняют на основании фактических данных или только на основании слухов как разбойника или как тайного убийцу, или грабителя, или как укрывателя разбойников, или тайных убийц, или грабителей после того, как государь король стал королем (qui sit rettatus vel publicatus quod ipse sit robator vel murdrator vel latro vel aliquis qui sit receptor robatorum vel murdratorum vel latronum, postquam dominus rex fuit rex). И расследование об этом королевские судьи пусть производят в своем присутствии, а шериф в своем (et hoc inquirant Justitiae coram se, et vicecomites coram se)»[2]. *По Нортгэмптонской ассизе* (статья первая)[3] расследование производится под присягою двенадцатью рыцарями сотни, а за недостатком рыцарей двенадцатью свободными полноправными людьми сотни и четырьмя человеками от каждой деревни сотни («per sacramentum duodecim militum de hundredo, et si milites non adfuerint, per sacramentum duodecim liberorum legalium hominum et per sacramentum quatuor hominum de unaquaque villa hundredi»), и притом не только о тайных убийцах-грабителях, разбойниках и их укрывателях но и о фальшивых монетчиках и фальсификаторах документов и о поджигателях; свое представление присяжные делают только перед разъездными судьями («coram justitiatriis domini regis»)[4].

---

[1] *Stubbs*, Select Charters, p. 150—153.
[2] Ibid., p. 143.
[3] Ibid., p. 150, 151.
[4] В инструкции, данной разъездным судьям в 1194 г. при Ричарде Львиное сердце, установлен такой порядок выбора присяжных (grand jury). В собрании графства (в полном его составе) избирались четыре рыцаря от всего графства («eligendi sunt quatuor milites de toto comitatu»), которые под присягой выбирают по два рыцаря от каждой сотни («qui per sacramentum suum eligant duos legales milites de quolibet Hundredo vel Wapentacco»), а эти два рыцаря от каждой сотни избирают под присягой (per sacramentum suum) по десяти рыцарей от каждой сотни, а если рыцарей недостанет, то вполне правоспособных свободных людей (legales et liberos homines), и все двенадцать от каждой сотни и дают показания по самым разнообразным делам как судебным, так и фискальным.

Обязанность присяжных должны нести все полноправные люди графства, не исключая и феодальных сеньеров. «Государь король желает также», гласит ст. 8 Кларендонской Ассизы, «чтобы все являлись в собрания графств для принесения этой клятвы, так, чтобы никто не оставался дома в силу какой-нибудь привилегии или в силу того, что он сам имеет свою собственную курию или соку (vult etiam dominus rex quod omnes veniant ad comitatus ad hoc sacramentum faciendum, ita quod nullus remaneat pro libertate aliqua quam habeat, vel curia vel soca, quam habuerit, quin veniant ad hoc sacramentum faciendum)»[1]. Лица, указанные присяжными, немедленно арестуются (ст. 2 Кларенд. Асс.)[2]. При этом шерифы имеют право для ареста таких лиц переступать границы иммунитетов, и владельцы иммунитетов не только не должны препятствовать им в этом («vetent vicecomites intrare in terram suam, vel socam suam»), но должны помогать им в арестовании их («juvent illos ad capiendum eos») (ст. 11 Кларендонской Ассизы)[3].

Суд над лицами, арестованными по представлению присяжных, принадлежит лишь одному королю и происходит в Королевской курии перед его судьями (разумеется, судебное собрание графства под председательством членов Королевской курии), и вся движимость этих лиц достается исключительно королю («et de illis qui capti fuerint per praedictum sacramentum hujus Assisae, nullus habeat curiam vel justitiam nec catalla, nisi dominus rex in curia sua coram Justitiam ejus, et dominus rex habebit omnia catalla eorum») (ст. 5)[4].

На суде, происходящем в полном собрании графства под председательством разъездных судей, что превращало судебное собрание графства в заседание Королевской курии, арестованные подвергаются испытанию водой («eat ad juisam aquae»,—гласит вторая статья Кларендонской ассизы,—et juret quod ipse non fuit robator vel murdrator vel latro vel receptor eorum postquam dominus rex fuit rex»)[5]. Но решение суда божьего уже оказывается не окончательным, как было в прежнее время. «Такова воля короля»,—читаем мы в ст. 14 Кларендонской ассизы,—чтобы те, которые подвергнутся ордалии (qui facient legem suam) и выйдут из испытания чистыми (et mundi erunt per legem), но в то же время пользуются самой дурной славой (si ipsi fuerint de pessimo testimonio) и по свидетельству многих и полноправных людей считаются способными на самые предосудительные поступки (et publice et turpiter diffamati testimonio multorum et legalium hominum), чтобы они оставили пределы королевских земель (foras

---

[1] *Stubbs*, Select Charters, p. 144.
[2] Ibid., p. 143.
[3] Ibid., p. 144.
[4] Ibid., p. 143, 144.
[5] Ibid., p. 143.

jurent terras regis), так, чтобы в течение восьми дней переплыли море, если не будут задержаны неблагоприятным ветром; а после этой задержки они должны уехать за море с первым же благоприятным ветром, и вернуться в Англию они могут только по особой милости государя короля; если же они вернутся без разрешения короля, то будут объявлены находящимися вне закона (utlagati) и в качестве таковых будут арестованы»[1].

Эта последняя статья ассизы красноречиво свидетельствует о том, до какой степени уже отжила свой век старая, сакральная процедура. Ясное и неподлежавшее никакому сомнению с точки зрения древних верований решение суда божьего оказывается теперь уже неубедительным. От божества теперь уже апеллируют к людям, к людскому мнению, к мнению соседей, жителей данной деревни, данной сотни, и это последнее мнение является окончательным вердиктом. Расследование через присяжных не вытесняет, как видим, ордалий, но оно сводит их в сущности на ничто, на формальность, не имеющую уже значения в тех случаях, когда решение суда божьего противоречит приговору сведущих людей. Недалеко уже было то время, когда к суду божьему можно было вовсе не прибегать, и человеку, о котором присяжные сделали представление перед королевскими судьями, как о преступнике или человеке по меньшей мере подозрительном, стали предоставлять право вместо того, чтобы подвергаться ордалии, требовать пересмотра обвинения с помощью новых присяжных. Появление этого института *petty jury* относится ко времени до 1215 г., но окончательно развился он уже в более позднее время.

Развитие при Генрихе II института присяжных как в уголовном, так и в гражданском процессе шло, как мы видели, параллельно развитию института *разъездных* или *странствующих судей* (judices itinerantes, justitiae errantes). Этот последний институт, как мы видели раньше, возник еще при Генрихе I: уже этот король посылал членов Королевской курии (Curia Regis) в областные деления английского королевства для фискальных целей и тесно связанных с ними судебных расследований. При Стефане институт этот разделял участь других центральных учреждений: он бездействовал. Генрих II возродил его, как и все остальные, и дал ему широкое развитие. Этим он создал орган, приводивший в живейшую и теснейшую связь области с центром и устанавливавший между ними живое взаимодействие, столь необходимое для того, чтобы государственный механизм мог правильно функционировать и в возможно большей мере удовлетворять интересы общественного целого. Орган этот не в малой мере послужил и делу объединения и укрепления этого целого, способствуя выработке из пестрого многообразия обычно-правовых норм, своеобразных чуть ли не в каждой отдельной местности, общего для всей страны права, common law, перерабатывая с помощью заимствованных из

[1] Ibid., p. 144, 145.

римской юриспруденции приемов пестрый материал обычного права в общие для всей страны нормы как формального, так и материального права. Эта чисто юридическая сфера была далеко не единственной областью, в которой институт разъездных судей делал свою объединительную работу. Областей этих было столько, сколько было сторон в широком деле управления страной, находившемся в руках могущественной, во все проникавшей королевской власти какой была власть Генриха II Плантагенета.

5

Принцип расследования через присяжных был применен Генрихом II и в такой области, в какой он до тех пор едва ли применялся. Мы разумеем военное дело. Военная сила английского короля после Нормандского завоевания была организована, как мы видели, на двух началах—дофеодальном и феодальном, являясь как народное ополчение их всех свободных, англо-саксонский *fyrd*, и как феодальное ополчение их всех державших землю на военном праве—и непосредственно от короля, и от его держателей. Феодальное ополчение никогда в сущности не могло удовлетворять военных потребностей более или менее крупного политического соединения с сравнительно широкими и сложными внешними отношениями. Английский король, ведший частые и продолжительные войны на континенте, где он являлся государем целого ряда герцогств и графств, находившихся в весьма сложных отношениях с соседними государствами, не мог довольствоваться в своих войнах сорока днями службы своих баронов и тех рыцарей, которых они обязаны были приводить с собой как своих держателей. Да к тому же и рыцарей этих в общем было сравнительно очень немного (при Вильгельме Завоевателе их едва ли было более 5 тыс.) и едва ли достаточно для обширной экспедиции. Неудивительно, что короли рано пришли к мысли заменять натуральную военную повинность рыцарей денежным эквивалентом и на полученные этим путем деньги нанимать отряды вооруженных людей, нередко тех же рыцарей, и, таким образом, иметь в своем свободном распоряжении военное средство, более соответствующее сложным потребностям государства. Так возник институт так называемых *щитовых денег* (*scutagium*, *scutage*, *escuage*), налог на рыцарские лены, заменявший натуральную военную повинность их держателей (не забудем, что в Англии после Нормандского завоевания всякий держатель военного держания, рыцарского лена, от кого бы ни держал он, отбывал военную повинность исключительно королю: здесь servitium militare является лишь как regale servitium). Впервые мы встречаемся со *щитовыми деньгами* при Генрихе II, который, повидимому, если не впервые ввел их в жизнь, то во всяком случае систематизировал это дело, как и все, к чему прикасалась его организаторская рука.

В связи с этим находится предпринятая и совершенная им реформа народного ополчения. Раз феодальное ополчение отошло на второй план, естественно было обратить внимание на серьезную постановку народного ополчения, тем более, что выдвинуть на первый план это последнее в ущерб первому вполне гармонировало с общими антифеодальными тенденциями его реформаторской деятельности: это значило обезоружить, вернее—разоружить феодалов и вооружить народ, который неизменно служил ему верной опорой в борьбе его с феодалами: они не раз поднимали против него восстания, не желая мириться с той скромной политической ролью, какую отводили им его реформы. И вот в 1181 г. Генрих издал *ассизу о вооружении* (*Assisa de Armis habendis in Anglia, the Assize of Arms*)[1], обязавшую все свободное население Англии, *tota communa liberorum hominum*, обзавестись оружием сообразно средствам каждого.

Каждый владалец рыцарского лена (quicunque habet feodum unius militis) обязан был иметь панцырь и шлем, щит и копье (ст. 1). Такое же вооружение обязан был иметь и каждый свободный человек светского звания с доходом в 16 марок («quicunque vero liber laicus habuerit in catallo vel in redditu ad valentiam de XVI marcis»); если же его доход равнялся 10 маркам, он должен был иметь кольчугу, шишак и копье (ст. 2). Всем горожанам и всей общине свободных людей (omnes burgenses et tota communa liberorum hominum) предписывалось иметь фуфайку (wambais), шишак и копье каждому (ст. 3). Люди всех названных категорий должны были дать клятву, что приобретут обязательное для каждого из них вооружение не позже праздника св. Гилярия (13 января) и принесут клятву верности королю и всегда будут хранить при себе свое вооружение, не имея права отчуждать его ни путем продажи, ни путем заклада, ни иным каким способом; не может отчуждать его и сеньер (dominus) такого человека («nec dominus suus ea aliquo modo ab homine suo alienet»), (ст. 4). После смерти владельца вооружения оно переходит к наследнику его; если наследник малолетен и находится под опекой, вооружение переходит под охрану опекуна, и опекун обязан найти человека, который бы в этом вооружении нес военную повинность королю до совершеннолетия наследника (ст. 5). Горожанину (burgensis) запрещалось иметь больше оружия, чем ему полагалось; излишек должен был быть им продан, подарен или иным каким способом отчужден человеку, который бы употреблял его на службе королю Англии (ст. 6). Евреям запрещалось иметь у себя панцырь или кольчугу (ст. 7). Запрещалось вывозить вооружение за пределы Англии иначе, как по повелению короля, а также продавать его тем, кто вывезет его (ст. 8). Об имущественном положении свободных людей с целью определить род вооружения каждого из них должны производить расследование разъездные судьи через при-

[1] *Stubbs*, Select Charters, p. 154—156.

сяжных («Justitiae faciant jurare per legales milites vel alios liberos et legales homines de hundredis et de burgis quot viderint expedire») (ст. 9). В заключение король напоминал, что ассиза имеет в виду только свободных людей («quod nullus reciperetur ad sacramentum armorum nisi liber homo»), (ст. 12).

W. Stubbs, Constitutional History of England, v. I.
G. B. Adams, The Origin of the English Constitution.
G. B. Adams, The History of England (Pol. Hist. of Engl., v. II).
F. Pollock and *F. W. Maitland*, The History of English Law before the time of Edward I. Second edition, vol. I, Cambridge 1898.
F. W. Maitland, The Constitutional History of England, Cambridge 1911.
W. Stubbs, Select Charters.
Д. М. Петрушевский, акад., Памятники истории Англии XI—XIII вв., 1936 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ

I

Политический кризис, разразившийся при Иоанне Безземельном (1199—1216 гг.), вступившем на английский престол после смерти своего брата, коронованного странствующего рыцаря Ричарда I Львиное сердце (1189—1199 гг.), занимает, бесспорно, центральное место в истории политического развития средневековой Англии после Нормандского завоевания. Это был, можно сказать, поворотный момент в этой истории, коренным образом изменивший ту комбинацию общественных сил, которая до тех пор определяла направление политической эволюции Англии. Противоположность интересов высшего феодального строя английского общества и всех остальных его элементов (объединяющихся под рубриками «церковь» и «народ») создала королю чрезвычайно прочную позицию во главе этого общества, обеспечив ему поддержку церкви и народа и поставив его власть на широкую основу, на которой она могла ставить и разрешать целый ряд государственных задач, далеко выходивших за пределы феодального кругозора тогдашней Европы и делавших из Англии централизованное государство с развитыми, правильно и энергично функционировавшими центральными и местными учреждениями. Как ни благодетельно могло быть это развитие для английского народа в конечном итоге, как ни спасительны могли быть выработанные им политические формы и непосредственно как гарантия против феодального произвола, тем не менее им нехватало одного условия, и притом весьма существенного,—общественного контроля, который бы не давал административным и судебным органам государства превратиться в любой момент в орудия произвола и вымогательств в руках правительственной власти, если бы она стала игнорировать интересы общества и преследовать лишь собственные интересы ее носителей.

Королевская власть государей нормандской и анжуйской (с Генриха II Плантагенета, графа Анжуйского) династий легко могла превратиться в самый необузданный деспотизм, безудержно

попиравший все божеские и человеческие законы. Царствование Вильгельма II Рыжего скоро это показало; и если народная масса все-таки продолжала служить опорой для его власти, то причиною этому был еще слишком острый антагонизм между народом и французско-нормандскими феодалами, пытавшимися ограничить короля в свою исключительную пользу и тем прочнее обеспечить свою власть над народом. Время шло, объединительная работа правительства все развивалась и делала все большие и большие успехи, сближая социальные группы на почве совместной деятельности в общегосударственных учреждениях и еще более на почве общих повинностей и платежей в пользу и по требованию государства и тем создавая мало-помалу условия и для их взаимного понимания, по крайней мере, для понимания того, что всех их гнетет общая сила, и что сила эта не знает никаких преград. Реформаторская деятельность Генриха II и его сподвижников в особенности много сделала в этом направлении. Она же и усилила королевскую власть до крайних пределов и создала почву для совершенно безграничного произвола Иоанна Безземельного. Но в то время как деспотизм Вильгельма Рыжего не вызвал общественного отпора и был прекращен одинокой стрелой, пущенной неизвестной рукою, против Иоанна соединились под главенством баронов все основные элементы английского общества и с оружием в руках потребовали от него гарантий против королевского деспотизма. Если до сих пор обычной и естественной комбинацией общественных сил был союз короля с народом и церковью против феодалов, то теперь комбинация эта навсегда была разрушена и уступила место соединению всех общественных элементов для защиты и для гарантии своих прав против правительственного произвола.

Эта новая комбинация не отличалась прочностью; входившие в состав ее элементы были слишком разнородны для того, чтобы всегда действовать солидарно, и, тем не менее, прежняя комбинация была уже совершенно невозможна; королевская власть уже не могла опираться на народную массу, интересы которой уже разошлись с ее интересами и стали национальными интересами, объединявшими в той или иной мере интересы всех слоев английского общества. Если до сих пор борьба с королевской властью преследовала антигосударственные интересы, интересы одного лишь класса общества в ущерб интересам всех остальных его классов, то теперь борьба эта приобретала национальный характер, являясь борьбою за права и вольности английского народа, как единого политического целого, борьбою английского народа за свое политическое самоопределение. Если новая комбинация общественных сил, вызванная к жизни деспотизмом Иоанна Безземельного, и не отличалась прочностью и нередко расстраивалась и перестраивалась, зато ей удалось ознаменовать момент своего возникновения блестящей *победой над королевской властью* и закрепить эту победу *договором*, который раз навсегда *связал королевскую власть в отношении к обществу и долго служил знаменем, объединяв-*

шим всех свободных людей английского королевства в борьбе за политическую свободу.

До тех пор блага цивилизованной гражданственности, которыми пользовалось английское общество, были главным образом, если не исключительно, делом государственной власти, стоявшей высоко над обществом, в лице Вильгельма Завоевателя, победившей общество и трактовавшей его, как свое поместье, приносящее тем больший доход, чем больше в нем хозяйственного благоустройства и порядка; теперь же блага эти превратились в общественное достояние, после того, как общество в лице «воинства божья и святой церкви» в 1215 г. одержало победу над королевской властью и утвердило свое п р а в о на эти блага и наложило на короля *обязательство* не нарушать этого права *под страхом правомерного вооруженного отпора со стороны общины всей земли* (communa totius terrae). В этом главное политическое значение Великой хартии вольностей, в этой новой *общей* постановке ею власти и права в английском обществе, в этом коренном изменении отношений между обществом и государством, как они сложились в Англии с момента Нормандского завоевания. Это был настоящий перелом в политической жизни Англии, завершение одного периода и начало нового, и недаром современный англичанин считает 15 июня 1215 г. первым днем многовековой свободы своей страны, а Великую хартию вольностей—ее краеугольным камнем.

Обстоятельства, вызвавшие в английском обществе движение, которое окончилось приобретением Великой хартии, более или менее общеизвестны, и мы остановимся лишь на главных моментах. Начали движение бароны, увидев, что иного пути положить какой-нибудь предел вымогательствам Иоанна и совершенно безграничному попиранию им их прав не могло быть. Почвой для этих вымогательств была война его с французским королем Филиппом II Августом, в результате которой Иоанн лишился Нормандии, Мэна, Анжу и Турени, отошедших к Франции (в 1204 г.). Во время этой войны король беспрестанно брал с баронов, как и с других классов английского общества, крупные суммы денег под тем или иным наименованием, выходя далеко за пределы каких бы то ни было обычных норм; не довольствуясь законными предлогами для этого, он нередко действовал и совершенно беззаконно, даже как бы издеваясь над законом, далеко превосходя Вильгельма II Рыжего в этом отношении и напоминая его. Так, в 1201 г. он собрал баронов в Портсмуте, чтобы отправиться с ними на континент, но вместо этого он отобрал у них деньги, взятые им для военных издержек, а самих их распустил по домам. В 1202 и 1203 гг. бароны отправились с ним в Нормандию и увидели, что король вовсе не намерен вступать в сражение с неприятелем, в сильнейшем негодовании они вернулись домой, а король наложил на них за это огромный штраф в виде седьмой части их движимости. В 1205 г. с большим войском король отплыл во Францию, но скоро повернул назад и, вернувшись домой, взял с графов, баронов, ры-

царей и духовенства огромную сумму денег (pecuniam infinitam) под тем предлогом, будто бы они не захотели отправляться с ним за море добывать утраченное наследие. Со стороны короля это было, конечно, совершенно несправедливое обвинение, хотя, несомненно, сердце его английских вассалов вовсе не лежало к делу, которое он отстаивал на континенте в качестве государя своих фамильных владений, составлявших значительную часть теперешней Франции, и у многих из них возникал настоятельный вопрос, обязаны ли они отправляться защищать эти владения. Иоанн не хотел знать таких вопросов, и требования его не знали границ.

А между тем, настроение баронов уже с самого начала царствования Иоанна было далеко не спокойно, и уже в 1201 г. в ответ на требование отправляться с ним в Нормандию графы и бароны собрались на совещание («ad colloquium inter se habitum») в Лестере и здесь решили заявить королю, что не пойдут с ним в поход, если он не вернет им их прав («nisi ille reddiderit eis jura sua»). Тогда король потребовал их замки и сыновей в качестве заложников. Протесты слышал Иоанн и от представителей церкви, которая страдала от его вымогательств и захватов не меньше мирян. Так, когда в 1207 г. он потребовал $^1/_{13}$ часть движимости со всей страны, то архиепископ йоркский запротестовал, а духовенство как йоркской, так и кентерберийской митрополии отказалось платить этот налог, единодушно заявляя, что английская церковь никоим образом не может согласиться на такую от века неслыханную вещь («Anglicanam ecclesiam nullo modo sustinere posse quod ab omnibus saeculis fuit inauditum»). Тем не менее налог был взят, и архиепископ йоркский отправился в изгнание.

Как ни энергичны могли быть эти протесты, но они не были еще в состоянии поднять общее движение против короля, и он мог бы безнаказанно угнетать и разорять все без различия разряды и категории своих подданных, если бы не столкнулся с силой, которая сокрушала и не таких, как он, хотя по природе своей была и не от мира сего. Иоанн Безземельный не побоялся бросить перчатку величайшему главе католического мира, и это решило его участь. Хотя впоследствии Иннокентий III опять принял Иоанна в лоно церкви и взял его под свою защиту как своего вассала и направил свое духовное оружие на его врагов, но уже было поздно, ибо тот моральный и религиозный авторитет, которым обладал папа, да еще такой, как Иннокентий III, уже успел сделать свое дело, лишив Иоанна в глазах его подданных и вассалов и последних остатков того ореола, который все еще окружал его как их короля и сюзерена и связывал им руки чисто мистическим чувством лойяльности, не позволявшим им прямо взяться за меч и дать отпор тирану.

Столкновение между папой и английским королем произошло по поводу замещения кентерберийской кафедры после смерти (в 1205 г.) архиепископа Хьюберта Уолтера (Hubert Walter). И король, и духовенство кентерберийской митрополии выставили

каждый своего кандидата и отправили в Рим посланцев хлопотать об их утверждении. Но папа не утвердил ни того, ни другого кандидата и сделал архиепископом кентерберийским своего кардинала, англичанина Стефана Лэнгтона (в июне 1207 г.). Иоанн отказался принять нового примаса. Тогда папа подверг английское королевство интердикту (в марте 1208 г.), а затем (в 1209 г.) отлучил от церкви короля. В ответ на это Иоанн, в каком-то, по словам летописца, помрачении («miro modo turbatus»), повелел конфисковать во всем королевстве все владения церкви. Многие из епископов бежали на континент. В 1211 г. папа объявил королю через своего легата Пандульфа, что если он не подчинится, то он, папа, издаст буллу, освобождающую подданных короля от присяги, низложит его и поручит исполнение этого своего повеления французскому королю.

Раздражение в обществе все усиливалось, и среди баронов шла деятельная конспиративная работа. Король начинал чувствовать, что почва уходит из-под его ног. В 1212 г. он собрал большое войско, чтобы итти на Уэлз, князья которого, только что перед этим заключившие мир с Иоанном, после папской угрозы сочли себя свободными от всяких обязательств и возобновили войну; но вместо того, чтобы вести войско против неприятеля, король внезапно распустил его в паническом страхе перед вооруженной силой своих собственных подданных и заперся в Ноттингэмском замке: его предупредили о существовании против него заговора среди баронов. Только через две недели решился он выйти из добровольного заключения и принять меры для своей безопасности. Некоторые бароны, которых он считал способными вредить ему, были арестованы, а замки их были переданы в надежные руки. Это вызвало тревогу среди баронов, и вожди заговора бежали во Францию. Устрашив баронов, Иоанн сделал попытку привлечь на свою сторону народ и для этого простил штрафы, наложенные на многих во время незадолго пред тем производившейся ревизии королевских лесов, упразднил некоторые пошлины в портах и принял ряд мер для охранения мира в стране, а чтобы обелить в глазах народа свое поведение в отношении к церкви, заставил тех английских епископов, которые еще не ушли в изгнание от его насилий и произвола, сделать письменное заявление, что те денежные суммы, которые были уплачены ими по его требованиям за все время его царствования, они сами дали ему как свой добровольный дар.

Но все это не имело успеха. Король все более и более чувствовал свою изолированность в созданной им атмосфере ненависти и злобы. А между тем французский король собирал силы, чтобы по первому слову папы двинуться на Англию и низложить ее отлученного от церкви короля. А тут еще некто Петр из Уэкфилда предсказал Иоанну, что к празднику вознесения (был 1213 г.) он уже не будет королем. Иоанн упал духом и пошел на все уступки: покорился папе, принял Лэнгтона, обязался уплатить церкви деньги, взятые

у нее насильственным путем, и, не довольствуясь этим, отдал свое королевство папскому престолу и получил его обратно уже в качестве лена с обязательством платить папе ежегодно подать, причем принес папе клятву верности и обещал принести еще ему и ленную присягу. Произошло это примирение с папой 15 мая 1213 г. Через два месяца прибыл архиепископ Лэнгтон и снял с короля отлучение. Во время этой церемонии король повторил свою коронационную клятву, обещая любить и защищать святую церковь, восстановить добрые законы своих предшественников и в особенности законы короля Эдуарда и уничтожить несправедливые, а также судить своих людей праведным судом своей курии и возвратить всем их права.

Помирившись с церковью, король обратился к баронам с требованием, чтобы они отправились с ним во Францию дать отпор Филиппу II Августу, грозившему нашествием. С тем же требованием обращался он к ним еще пред снятием с него отлучения. Тогда они заявили ему, что не пойдут за королем, отлученным от церкви. Теперь такая отговорка была уже невозможна. Северные бароны ответили ему теперь, что их держания не обязывают их служить королю за пределами королевства, и решительно отказались исполнить его требование. Иоанн с большим войском быстро двинулся к северу, чтобы разгромить непослушных. В Нортгэмптоне его нагнал архиепископ кентерберийский и убедил его дать обещание предварительно произвести судебное расследование прежде, чем прибегать к крайним мерам. Король быстро двинулся к югу. 3 октября он принес в Лондоне феодальную присягу папскому легату Николаю.

Но уже ничто не могло остановить начавшегося движения, все глубже и шире захватывавшего общество и принимавшего все более и более определенные формы как в смысле организации, так и в смысле программы. К тому же в лице нового примаса Англии Стефана Лэнгтона оно приобрело руководителя, который мог очень усилить его своим авторитетом и дать отчетливую формулировку его идейному содержанию. Едва ли можно сомневаться, что и юстициарий королевства Джоффри Фиц-Питер также всецело был на стороне тех, кто хотел восстановить в Англии право и закон. Чтобы определить, какие суммы, взятые королем у церкви, подлежат возвращению ей, на 4 августа 1213 г. было созвано в Сэнт-Албанс собрание, на которое были приглашены не только епископы и бароны, но и представители от деревень на королевских домэнах в лице старосты и четырех полноправных людей (legales homines). Руководители собрания, и прежде всего юстициарий, далеко вышли за пределы поставленной собранию узкой и специальной задачи и превратили его в настоящее политическое совещание о важнейших вопросах государственной жизни, волновавших все общество. Юстициарий довел до сведения собравшихся данные королем во время снятия с него отлучения обещания, издал указ, воспрещавший королевским чиновникам незаконные взимания и требовавший

чтобы все в королевстве соблюдали законы Генриха, деда короля, и чтобы все неправедные законы были искоренены[1].

Недели через три (25 августа) в соборе св. Павла в Лондоне происходило другое, не менее знаменательное, собрание. На нем присутствовали архиепископ кентерберийский с епископами, аббатами, приорами и деканами и бароны королевства. На этом совещании (летописец называет его colloquium) архиепископ кентерберийский—так гласит предание («ut fama refert»)—подозвал к себе некоторых вельмож («quibusdam regni proceribus») и стал говорить им («affari eos secretius») следующее: «Вы слышали, как я снял с короля отлучение в Уинчестере и заставил его дать клятву (et ipsum jurare compulerim), что он уничтожит неправедные законы и восстановит добрые законы, т. е. законы Эдуарда, и заставит всех в королевстве соблюдать их. Вот теперь найдена некая хартия Генриха I, короля Англии, с помощью которой вы можете, если захотите, давно утраченные вольности восстановить в прежнем виде (inventa est quoque nunc carta quaedam Henrici primi, regis Angliae, per quam, si volueritis, libertates diu amissas poteritis ad statum pristinum revocare)»[2].

7 ноября король разослал всем шерифам Англии приказ, чтобы каждый из них пригласил к нему в Оксфорд всех рыцарей своего графства в вооружении и баронов безоружных, а также четырех доверенных людей от графства («quatuor discretos homines de comitatu») для обсуждения с королем государственных дел («ad loquendum nobiscum de negotiis regni nostri»)[3]. Состоялось ли это собрание и какие государственные дела на нем обсуждались, никаких сведений об этом источники нам не сообщают. Надо думать, что собрание это должно было решать очень важные вопросы, теснейшим образом связанные с развивавшимся все более и более политическим кризисом, если судить по необычному составу этого Великого совета, по тому, что сюда были приглашены и представители от графств—это был первый шаг к представительному парламенту, уже намечавшемуся всем строем и ходом политической жизни Англии. Так прошел 1213 г.

В начале следующего (1214) года король отправился на континент и оставался там до октября, ведя войну с Францией. Война кончилась поражением Иоанна и его союзников при Бувине (во Фландрии), и, вернувшись домой, он немедленно послал северным баронам грозный запрос, почему они не сопровождали его на поле военных действий, и потребовал от них щитовых денег в небывалом размере (по три марки, т. е. больше 40 шилл. с каждого рыцарского лена). 4 ноября происходило совещание короля с баронами в Эдмондсбэри, не приведшее ни к каким результатам. Король немедленно уехал. Но бароны под предлогом богомолья остались в Эдмондсбэри. Тут у них произошло тайное совещание, на которое была принесена

[1] Matt. Paris, p. 239 (Select Charters, p. 276, 277).
[2] Ibid., p. 240 (Select Charters, p. 277).
[3] Select Charters, p. 287.

«хартия некая короля Генриха I, которую бароны эти получили от Стефана, архиепископа кентерберийского... в городе Лондоне». Собравшись в церкви св. Эдмонда, все они, начиная со старших («incipientibus majoribus»), поклялись над большим алтарем, что если король откажется дать им указанные в названной Хартии законы и вольности, то они пойдут на него войной и освободят себя от верности ему, пока он не утвердит грамотой за своей королевской печатью всего, что они от него потребуют. Решено было после рождественских праздников всем вместе отправиться к королю и предъявить ему свои требования, а пока запасаться лошадьми и оружием[1].

Движение все разрасталось. У короля, для которого не было тайной, о чем говорили и к какому решению пришли бароны в Эдмондсбэри, явилась мысль разъединить противников, и с этой целью 21 ноября он издал хартию о свободе церковных выборов (*Carta Iohannis Regis ut liberae sint electiones totius Angliae*)[2]. Хотя право выборов на церковные должности давно было гарантировано английской церкви предшественниками Иоанна, но фактически церковь давно уже не пользовалась этим правом, и, восстановляя его, Иоанн надеялся этим привлечь на свою сторону церковь в борьбе, которая принимала все более и более открытый характер междоусобной войны. Но расчеты его оказались неверными. Было уже поздно.

Рождественские праздники наступили и прошли. Согласно своему уговору бароны немедленно же прислали к королю своих депутатов, 6 января 1215 г. король принимал их в Темпле. Депутаты явились, по словам хроникёра, в блестящих воинских доспехах и потребовали, чтобы король «подтвердил некоторые вольности и законы короля Эдуарда вместе с другими вольностями, данными им и королевству Англии и английской церкви, как они написаны в Хартии короля Генриха I и в вышеназванных законах («petierunt quasdam libertates et leges regis Eadwardi cum aliis libertatibus sibi et regno Angliae et ecclesiae Anglicanae concessis confirmari, prout in carta regis Henrici primi et legibus praedictis asscriptae continentur»)[3]. Король потребовал перемирия («postulabat inducias») до конца пасхи, и это время употребил на попытки произвести несогласие в рядах своих врагов. Он вторично издал хартию о свободе церкви, издал указ о том, чтобы ему была принесена по всей Англии присяга на верность и потребовал от своих непосредственных держателей возобновления их ленной присяги. Чтобы еще более обезопасить себя, он принял обет крестоносца, рассчитывая, что таким образом он свяжет руки баронам, которые не решатся, как он думал, на святотатство и не тронут его, как находящегося под особым покровительством религии.

---

[1] Matt. Paris., p. 249, 252, 253 (Select Charters, p. 278).
[2] Select Charters, p. 288, 289.
[3] Matt. Paris., p. 253 (Select Charters, p. 278).

Бароны остались непоколебимы. На святой они собрали в Стэмфорде войско (в нем было, по словам хроники, 2 тыс. одних рыцарей, не считая оруженосцев и пехоты) и, как только окончилось заключенное ими с королем перемирие, двинулись к Брэкли в Нортгэмптоншире. Король был в Оксфорде. Узнав о начале военных действий, он отправил к баронам архиепископа кентерберийского и Уильяма Маршалла, графа Пемброка, чтобы узнать подробно, каковы их требования, каких это законов и вольностей они требуют. Бароны вручили посланным список этих требований, или, как выражается автор хроники, «цидулу, которая заключала в большей своей части древние законы и обычаи королевства («shedulam porrexerunt quae ex parte maxima leges antiquas et regni cousuetudines continebat»)[1], и требовали, чтобы король немедленно же скрепил их своей печатью, в противном случае грозя силой заставить его сделать это—путем захвата его крепостей, земель и других его владений. С этим документом вернулись посланные к королю, и архиепископ прочел его Иоанну («capitula singula coram ipso memoriter recitavit»)[2]. Негодованию и ярости короля не было границ. «Почему же вместе с этими несправедливыми требованиями бароны не требуют и моего королевства?»—спросил он, назвав пустыми и бессмысленными требования баронов («Vana sunt inquit, et superstitiosa quae petunt, nequo aliquo rationis titulo fulciuntur»), и поклялся, что никогда не согласится дать им такие вольности, которые его самого сделают рабом. Ни Лэнгтон, ни граф Пемброк не могли убедить короля дать согласие на требования баронов («regem ad consensum inducere nullatenus potuissent») и повезли баронам его решительный отказ.

Тогда бароны формально отреклись от вассальной верности (allegiance) королю, избрали Роберта Фиц-Уолтера своим предводителем, назвав его «маршалом воинства божьего и святой церкви», и, отвергнув все попытки короля к мирному соглашению, двинулись к Нортгэмптону, но, не имея с собой осадных орудий, не могли взять этой крепости и, простояв здесь две недели, направились к Бедфорду, который принял их с почестями. Здесь к баронам явились посланные от города Лондона и тайно сообщили им, чтобы они как можно скорее шли к столице, если желают иметь ее на своей стороне. 17 (по другим сведениям 24) мая они уже были в Лондоне, вступив в него на рассвете, когда горожане были у заутрени, без шума и тревоги («sine aliquo tumultu»).

Отсюда они разослали письма к тем графам, баронам и рыцарям, которые еще, казалось, держали сторону короля («regi, licet

---

[1] Matt. Paris., 253—255 (Select Charters, p. 278—280).

[2] Ibidem. Это были, может быть, еще не в окончательной редакции, так называемые Статьи баронов (Articles of the Barons). Текст их (латинский) напечатан Стэббсом в Select Charters стр. 290—296, а также в моей книге «Великая хартия вольностей» (изд. 2-е М. и С. Сабашниковых, 1918 г.), где дан и их русский перевод, а также в составленном мною сборнике «Памятники истории Англии XI—XIII вв.», 1936 г.

ficte, adhaetrere videbantur»), грозя поступить с ними, как с врагами. Большинство приглашенных явились немедленно в Лондон и присоединились к конфедеренции. По словам хроникера «прекратились все дела в Палате шахматной доски и у шерифов по всей Англии, так как не находилось никого, кто бы платил королю подать или в чем-либо оказывал ему повиновение». Король остался лишь с небольшой свитой. Начались переговоры. Был назначен день, когда король должен был явиться к баронам для окончательного соглашения. И вот 15 июня 1215 г. в долине Рэннимид, между Стэнсом и Уиндзором на Темзе, Иоанну были представлены баронами статьи их требований. Бароны опирались на большую военную силу; с королем была лишь небольшая группа магнатов. Король, «видя, что силы его неравны силам баронов («vires suas baronum viribus impares intelligens»), без сопротивления («sine difficultate»)[1] приложил свою печать к Статьям баронов, а затем и к Великой хартии вольностей.

II

Содержание шестидесяти трех параграфов, составляющих Великую хартию вольностей (Magna Carta Libertatum), весьма разнообразно, и нельзя сказать, чтобы в распределении их можно было заметить какую-нибудь систему. «Вся Хартия,—вполне справедливо говорит один английский историк,—носит на себе следы своего беспорядочного и поспешного составления; ее статьи, очевидно, вписывались в нее по мере того, как каждая из них в отдельности приходила на ум людям, договаривавшимся с королем, и вся она представляет собою скорее ряд протестов против конкретных зол, чем провозглашение абстрактного права». Замечание это нуждается только в небольшой оговорке: составители Хартии не были вполне предоставлены самим себе; у них, несомненно, была в распоряжении Хартия вольностей Генриха I, и она должна была послужить для них отправной точкой, хотя несколько облегчившей и упорядочившей их работу. Хартия Генриха I имела, впрочем, для них не одно только литературное, так сказать, значение: она отразилась на Великой хартии вольностей и своей принципиальной стороной, как мы это увидим при анализе Великой хартии. Мы и перейдем теперь к этому анализу, заранее предупреждая читателей, что рассмотрению нашему будут подлежать лишь те параграфы Хартии, которые существенно касаются изучаемых нами сторон политической эволюции Англии[2].

Если судить по вступительным словам Хартии, можно подумать, что единственным мотивом, вызвавшим ее к жизни, было

---

[1] Matt. Paris., p. 255 (Select Charters, p. 280).

[2] Латинский текст Великой хартии и сделанный нами ее русский перевод напечатаны в моей книге «Великая хартия вольностей» (изд. 2-е М. и С. Сабашниковых), а также в составленном мною сборнике «Памятники истории Англии XI—XIII вв.», 1936 г.

внутреннее побуждение, мистическим путем возникшее в душе короля. Так, по крайней мере, официально уверяет Иоанн Безземельный архиепископов, епископов, аббатов, графов, баронов, юстициариев, чинов лесного ведомства («forestariis»), шерифов и всех других своих слуг и верных, заявляя, что все нижеследующие вольности он пожаловал и настоящей Хартией своей подтвердил по внушению бога и в интересах спасения своей души, а также всех своих предшественников и наследников, в честь бога и для возвышения святой церкви, а также для улучшения своего королевства («intuitu Dei et pro salute animae nostrae et omnium antecessorum et haeredum nostrorum, ad honorem Dei et exaltationem sanctae ecclesiae, et emendationem regni nostri»), воспользовавшись для этого советами достопочтенных отцов (названы при этом архиепископы кентерберийский и дублинский, семь епископов, папский легат Пандульф и магистр ордена тамплиеров) и благородных мужей (названы граф Пемброк, еще три графа и еще двенадцать человек) и прочих своих верных («per consilium venerabilium patruum nostrorum... et nobilium virorum... et aliorum fidelium nostrorum»). Правда, впечатление это в значительной степени изменяется, когда мы сразу перейдем к последнему параграфу Хартии и прочтем там, между прочим, что «принесена была присяга как с нашей стороны, так и со стороны баронов, что все это вышеназванное будет соблюдаться добросовестно и без злого умысла (iuratum est autem tam ex parte nostra quam ex parte baronum, quod haec omnia supradicta bona fide et sine malo ingenio observabuntur»), и «при этом присутствовали названные выше свидетели и многие другие (testibus supradictis et multis aliis)». Но окончательно весь эвфемизм вступительных слов Хартии разлетается, как дым, когда мы обратимся к ее § 61. Тут уже король не скрывает, что все это, что он «пожаловал», помня бога и имея в виду улучшение своего королевства, «пожаловано им для того, чтобы лучше утишить раздор, возникший между ним и его баронами («ad melius sopiendam discordiam inter nos et barones nostros ortam»); тут же он дает гарантию баронам, обеспечивающую им ненарушимое и вечное пользование их вольностями («volentes ea integra et firma stabilitate gaudere in perpetuum facimus et concedimus eis securitatem subscriptam»).

Гарантия заключается в следующем. Бароны изберут из своей среды двадцать пять человек, и эти двадцать пять баронов будут всеми силами («pro totis viribus suis») охранять мир и вольности, пожалованные королем и утвержденные его грамотой. Охрана эта будет осуществляться ими в такой форме. Если король, его юстициарий или другой какой его чиновник нарушат какой-либо из параграфов этого мирного договора («si nos, vel justiciarius noster, vel ballivi nostri, vel aliquis de ministris nostris, in aliquo erga aliquem deliquerimus, vel aliquem articulorum pacis aut securitatis trangressi fuerimus»), об этом будет сообщено четырем из двадцати пяти выбранных баронов, и они обратятся к королю или к его юстициарию (в случае отсутствия короля из Англии) с пред-

ставлением об этом и с просьбой немедленно восстановить нарушенное право («illi quatuor barones accedant ad nos vel ad justiciarium nostrum si fuerimus extra regnum proponentes nobis excessum: petent ut excessum illumsine dilatione faciamus emendari»). Если в течение сорока дней после этого заявления король или его юстициарий не исполнит требуемого, в таком случае четыре барона сообщают об этом деле остальным, и тогда все двадцать пять баронов вместе с общиной всей земли всеми возможными средствами будут принуждать короля к этому («et illi viginti quinque barones cum communa totius terrae distringent et gravabunt nos modis omnibus guibus poterunt»), т. е. путем захвата замков, земель, владений и т. п., пока, по их мнению, не будет восстановлено королем правонарушение; неприкосновенной должна остаться при этом личность короля, королевы и детей («salva persona nostra et reginae nostrae et liberorum nostrorum»). Все обязаны принести двадцати пяти баронам присягу, что будут повиноваться им при этом, и король обязывается не только никому не препятствовать в этом, но публично и свободно дает всем разрешение на это («et quicunque voluerit de terra juret quod ad praedicta omnia exsequenda parebit mandatis praedictorum viginti quinque baronum et quod gravabit nos pro posse suo cum ipsis et nos poblice et libere damus licentiam jurandi cuilibet qui jurare voluerit, et nulli umquam jurare prohibebimus»). Мало того: король собственным приказом заставит всех, кто добровольно не захочет сделать это, принести присягу двадцати пяти баронам в том, что они будут принуждать и теснить короля вместе с ними («omnes autem illos de terra qui per se et sponte sua noluerint jurare viginti quinque baronibus de distringendo et gravando nos cum eis, faciemus jurare eosdem de mandato nostro, sicut praedictum est»). Решение в комитете двадцати пяти постановляется большинством присутствующих. Все двадцать пять баронов должны с своей стороны присягнуть, что будут добросовестно исполнять свои обязанности («et praedicti viginti quinque jurent quod omnia antedicta fideliter observabunt, et pro toto posse suo facient observari»).

§ 1 Великой хартии гарантирует свободу церкви, ее права и вольности («quod Anglicana ecclesia libera sit, et habeat jura sua integra, et libertates suas illaesas»), подтверждая уже дважды перед этим изданную королем хартию о свободе церковных выборов. Кончается параграф следующими словами: «Пожаловали мы также всем свободным людям королевства нашего (omnibus liberis hominibus regni nostri) за нас и за наследников наших на вечные времена (in perpetuum) все нижеписанные вольности, чтобы имели их и владели ими они и их наследники от нас и от наследников наших».

Следующие за этим непосредственно семь параграфов (§ 2—8) посвящены чисто феодальным вопросам. В случае смерти графа или барона или другого непосредственного держателя короля, держащего военное держание («per servitium militare»), совершеннолетний наследник его вступает в права наследства, уплачивая

старинный рельеф («habeat haereditatem suam per antiquum relevium»), который для наследника графа, державшего полную баронию графа (haeres vel haeredes comitis de baronia comitis integra), равняется ста фунтам, для наследника барона, державшего полную баронию («de baronia integra»), тем же ста фунтам, а для наследника держателя полного рыцарского лена («de feodo militis integro»)—не более ста шиллингам («per centum solidos ad plus»); «а кто меньше держит, и должен дать меньше сообразно древнему обычаю феодов» (§ 2). Несовершеннолетний и находящийся под опекой («in custodia») наследник умершего королевского держателя названных категорий не должен, достигнув совершеннолетия и вступая во владение своим леном, платить рельеф и пошлину («habeat haereditatem suam sine relevio et sine fine»), (§ 3). Опекун земли такого наследника («custos terrae hujusmodi haeredis») должен брать лишь умеренные платежи и повинности, следуемые с нее, не разоряя сидящих на земле людей и не производя опустошения в находящемся на ней имуществе («non capiat de terra haeredis nisi rationabiles exitus, et rationabiles consuetudines, et rationabilia servitia, et hoc sine destructione et vasto hominum vel rerum»). Если в таком разорении и опустошении окажется повинным шериф или кто-либо другой, кому король поручил опеку, то он должен будет возместить причиненный им земле урон («nos ab eo capiemus emendam»), земля будет поручена двум полноправным и достойным доверия людям, живущим в пределах этого лена, которые и будут давать королю или кому он назначит, отчет в ее доходах; так же будет поступлено с землей и в том случае, если в разорении и опустошении ее окажется виновным лицо, которому король продал или подарил опеку над нею (§ 4). Опекун обязан содержать в порядке дома, парки, рыбные садки, пруды, мельницы и другие принадлежности находящегося у него под опекой поместья на доходы с поместья, и когда наследник достигнет совершеннолетия, обязан передать ему всю его землю снабженной плугами и прочим соответствующим инвентарем («terram suam totam instauratam de carrucis et wainnagiis secundum quod tempus wainnagii exiget et exitus terrae rationabiliter poterunt sustinere») (§ 5). § 6 требует, чтобы наследницы держателей выходили замуж за равных (maritentur absque disparagatione) и с ведома своих кровных родственников. § 7 и 8 определяют положение вдовы держателя, предоставляя ей право немедленно после смерти мужа без всяких пошлин получить все следуемое ей по закону из имущества умершего мужа и в течение сорока дней жить в доме мужа, а также обеспечивая ей право не выходить опять замуж помимо своего желания и требуя, чтобы она испрашивала согласие на брак, если бы пожелала вступить в брак, у короля, если она оставалась королевской держательницей, или у другого кого, кто был ее сюзереном, если она держала не от короля.

Феодальными отношениями занято еще более двенадцати параграфов Хартии. § 16 запрещает требовать с держателя рыцар-

ского лена и с держателя просто свободного держания больше повинностей, чем с них следует. § 29 запрещает начальникам замков принуждать рыцаря к уплате денег вместо несения замковой службы (pro custodia castri), раз рыцарь желает нести эту службу лично или через другого достойного доверия человека; если такой рыцарь будет потребован королем на войну, он освобождается от замковой службы на столько времени, сколько он пробыл с королем в походе. Король обязывается (§ 32) не держать в своей королевской руке земель осужденных преступников дольше года и дня, после чего земли возвращаются их сеньерам. § 37 устраняет злоупотребления правом феодальной опеки, которые позволял себе король, вторгаясь при этом в права законных опекунов. § 43 гарантирует неизменяемость положения держателей баронии, ставшей выморочной и в силу этого переходящей в королевскую руку. § 46 обеспечивает баронам, основавшим аббатства, право феодальной опеки над ними. § 34 постановляет, что впредь королевская курия никому не будет выдавать приказов, носящих название *Praecipe*, для перенесения иска о собственности на то или иное держание из феодальной курии в королевскую, нанося таким образом ущерб владельцу курии («breve quod vocatur Praecipe de cetero non fiat alicui de aliquo tenemento unde liber homo amittere possit curiam suam»). Этот параграф Хартии заслуживает большого внимания, свидетельствуя о том, что поднявшие движение 1215 г. бароны не ограничивались протестом против грубого нарушения их феодальных прав Иоанном Безземельным, но и шли дальше, выступая против принадлежавшего, как мы видели раньше, королю права вторжения в юрисдикционные права феодалов, осуществлявшегося им с помощью приказа (breve) *Praecipe quod reddat и приказа о праве* (breve de recto).

§§ 12 и 14 носят также совершенно феодальный характер, имея в виду поставить границы королевскому произволу в обложении непосредственных держателей короля, его баронов, щитовыми деньгами (scutagia) и феодальными пособиями (auxilia). Первый из этих параграфов (§ 12) постановляет, что ни щитовые деньги, ни какое-либо другое вспомоществование (феодальное) не должны взиматься в английском королевстве иначе, как с согласия общего совета королевства («nullum scutagium vel auxilium ponatur in regno nostro, nisi per commune consilium regni nostri»); исключение делается лишь для трех случаев: когда нужно выкупить из плена короля, при возведении в рыцари старшего сына короля и при выдаче замуж первым браком его старшей дочери («nisi ad corpus nostrum redimendum, et primogenitum filium nostrum militem faciendum, et ad filiam nostram primogenitam semel maritandam»); и при этом пособие это должно быть не чрезмерно («et ad haec non fiat nisi rationabile auxilium»); такими же должны быть и пособия с города Лондона («simili modo fiat de auxiliis de civitate Londoniarum»). Что же должно было представлять собою это «commune consilium regni nostri»? Ответ на этот вопрос дает ст. 14 Хартии. «А для того—

гласит эта статья, — чтобы иметь этот общий совет королевства при обложении пособием в других случаях кроме трех вышеназванных, или для обложения щитовыми деньгами, мы повелим позвать архиепископов, епископов, аббатов, графов и старших баронов нашими письмами с печатью и, кроме того, повелим позвать огулом, через шерифов и бэйлифов наших, всех тех, которые держат от нас непосредственно (in capite); (позовем мы всех) к определенному дню, т. е. по меньшей мере за сорок дней до срока, и в определенное место; и во всех этих пригласительных письмах объясним причину созыва; и когда будут таким образом разосланы приглашения, в назначенный день будет приступлено к делу при участии и совете тех, которые окажутся налицо, хотя бы и не все приглашенные явились»[1].

Совершенно ошибочно прежние историки, вообще недостаточно подчеркивавшие феодальный характер Великой хартии, видели в 12-м ее параграфе ограничение короля в деле национального обложения. В действительности речь здесь идет лишь о чисто феодальных платежах, следуемых королю с его непосредственных держателей (tenentes in capite), его феодальных вассалов, его баронов, которые хотят положить конец безграничному произволу короля в этом отношении, ввести его фискальные требования в отношении к ним в рамки феодального обычного права. Правда, и сами они несколько выходят при этом за пределы этих рамок, как о том свидетельствует то, что они ставят на одну линию с феодальными вспомоществованиями (auxilia) и щитовые деньги (scutagia). А, между тем, щитовые деньги король был в праве требовать от своих военных держателй, своих баронов, как замену их натуральной военной повинности, не спрашивая их согласия на это, по своему личному усмотрению. Иоанн Безземельный слишком уже произвольно, часто и бесцеремонно пользовался этим своим правом, и было вполне естественным со стороны баронов и это его право поставить под контроль феодального сейма из непосредственных его вассалов и в зависимость от согласия этого последнего (§ 14), как и auxilia, выходившие за пределы трех «феодальных» случаев и также часто и произвольно взыскивавшиеся королем в ущерб законным интересам баронов. Может быть, следует отметить в этой связи и состав феодального съезда, который должен был разрешать или не разрешать королю взимание щитовых денег и экстренных auxilia, именно участие в нем всех непосредственных

[1] «14. Et ad habendum commune consilium regni, de auxilio assidendo, aliter quam in tribus casibus praedictis, vel de scutagio assidendo, summoneri faciemus archiepiscopos, episcopos, abbates, comites, et majores barones, sigillatim per litteras nostras; et praeterea faciemus summoneri in generali, per vicecomites et ballivos nostros, omnes illos qui de nobis tenent in capite; ad certum diem, scilicet ad terminum quadraginta dierum ad minus, et ad certum locum; et in omnibus litteris illius sommonitionis causam summonitionis exprimemus; et sic facta summonitione negotium ad diem assignatum procedat secundum consilium illorum qui praesentes fuerint, quamvis non omnes summoniti venerint».

вассалов короля, как его старших (maiores barones), так и его младших баронов. Обыкновенно король (и не только Иоанн Безземельный) приглашал на феодальные съезды (Большая курия, Великий совет) тех, кого хотел, с чьим мнением находил нужным считаться, не очень стесняясь и в этом отношении со строго феодальными требованиями, и в этом отношении являясь не столько верховным феодальным сюзереном, сколько верховным и всемогущим главою централизованного государства, видевшим в феодализме лишь одно из средств и орудий государственного устройства и управления. Бароны стали на чисто феодальную точку зрения в этом вопросе, к тому же имея в виду привлечь на свою сторону возможно более широкие круги непосредственных королевских держателей.

Среди этих непосредственных держателей короля очутился и город Лондон: и его феодальные вспомоществования королю (auxilia) поставлены под контроль commune consilium regni, феодального сейма, и он оказался сопричисленным к сонму непосредственных вассалов короля, его баронов. Объясняется это, с одной стороны, той ролью, можно сказать решающей, какую сыграл Лондон в движении 1215 г., и бароны считали себя обязанными гарантировать от самодержавного произвола и его интересы, а с другой—тем, что формально Лондон в качестве коммуны действительно мог иметь притязание на положение королевского вассала. По словам современных хроник, Иоанн Безземельный, замещавший как будто в этом случае брата своего короля Ричарда Львиное сердце, которого не было в то время в Англии, в 1191 году пожаловал горожанам Лондона права коммуны и вместе с епископами, графами и баронами королевства принес клятву, что будет охранять эти права. Под коммуной в технически-юридическом смысле разумели тогда, в частности, во Франции, город, имевший корпоративные права и высшую меру возможной в феодальном мире политической самостоятельности, т. е. положение феодальной сеньерии, в данном случае коллективного сеньера, являвшегося непосредственным вассалом короля и могшего иметь собственных индивидуальных и коллективных вассалов. Повидимому, это пожалование, сделанное Иоанном совместно с епископами, графами и баронами, не имело надлежащей юридической силы в глазах Ричарда, а потом и самого Иоанна, и жителям Лондона, принявшим такое деятельное участие в борьбе баронов с королем, важно было обеспечить за собою пожалованные им в 1191 г. права, и баронам оставалось лишь пойти им навстречу и трактовать город Лондон как непосредственного вассала короля.

Совершенно в духе Хартии Генриха I бароны обеспечивают своим держателям те же права в сфере феодальных отношений, что и себе в отношении к королю, как своему сюзерену. «Впредь мы никому не позволим,—говорит король в § 15,—брать с своих свободных людей (de liberis hominibus suis) пособие (auxilium), кроме как для выкупа его из плена, для возведения в рыцари его старшего сына и для выдачи в первый раз замуж его стар-

шей дочери, и пособие для этого должно брать только законных размеров (non fiat nisi rationabile auxilium). Мы уже приводили § 16, предписывающий требовать с держателя рыцарского лена и с держателя просто свободного держания только тех служб (servitium), какие с них следуют, но не бо̀льших; здесь имеются в виду все рыцари и свободные держатели, как королевские tenentes in capite, так и все остальные. Еще более обобщающее значение имеет § 60, гласящий, что «все эти вышесказанные обычаи и вольности, которые мы соблаговолили признать подлежащими соблюдению в нашем королевстве, насколько это касается нас в отношении к нашим вассалам, все в нашем королевстве, как клирики, так и миряне, обязаны соблюдать, насколько это касается их в отношении к их вассалам (omnes autem istas consuetudines praedictas et libertates quas nos concessimus in regno nostro tenendas quantum ad nos pertinet erga nostros, omnes de regno nostro, tam clerici quam laici, observent quantum ad se pertinent erga suos»).

Но на этом бароны не могли остановиться. Они должны были привлечь на свою сторону не только своих держателей, но и свободную массу английского народа, тот народ, который до сих пор обыкновенно шел с королем и от этого союза уже успел приобресть целый ряд прочных благ, прежде всего в виде тех судебных учреждений, какие были созданы реформами Генриха II. Нужно было гарантировать народу эти блага, только в таком случае можно было рассчитывать на его поддержку. И бароны широко поняли свою задачу и не оставили без внимания интересов ни одного общественного класса, снабдив известными гарантиями даже несвободную массу, вилланов.

§ 17 разрывает связь между отправлением правосудия и личностью короля, постановляя, что общие тяжбы будут разбираться и решаться в определенном раз навсегда месте (т. е. в Уэстминстере), а не будут следовать за королем («communia placita non sequantur curiam nostram sed teneantur in aliquo loco certo»). Такой порядок уже наметился более или менее определенно при Генрихе II, и уже тогда было положено начало так называемому Суду общих тяжб, мало-помалу выделившемуся из Curia Regis. § 18 и 19 трактуют о деятельности разъездных судей по разбору исков *о новом захвате, о смерти предшественника и о последнем представлении на приход*, трактуют, следовательно, об одной из важнейших реформ царствования Генриха II. Расследования по этим искам согласно § 18 будут производиться только в тех графствах, где лежат земли, о которых возникает спор (а не будут, значит, переноситься в другие графства, т. е. в собрания этих других графств). Для этого король или, за отсутствием его, его верховный юстициарий будет посылать четыре раза в год в каждое графство по двое судей, и они совместно с четырьмя рыцарями каждого графства, выбранными графством, и будут разбирать указанные выше дела в собрании графства в назначенный день и в назначенном

месте, причем (§ 19), если в назначенный день нельзя будет окончить всех дел, то нерешенные дела должны быть решены обязанными для этого остаться в достаточном числе рыцарями и простыми свободными держателями (libere tenentes). Уголовные дела, принадлежащие к компетенции исключительно коронного суда (так называемые placita coronae), не будут впредь решаться шерифами, констеблями, коронерами и другими чиновниками короля (§ 23), т. е., следовательно, решать их будут исключительно королевские судьи; таким образом, судебная власть отделяется от административной, как это мы уже видели при Генрихе II. Судьями, читаем в § 45, равно как и констеблями (заведующими королевскими замками), шерифами и бэйлифами король впредь будет назначать лишь людей, сведущих в праве и имеющих желание его применять («nos non faciemus justiciarios, constabularios, vicecomites, vel ballivos, nisi de talibus qui sciant legem regni et eam velint observare»).

При наложении штрафов за проступки король обещает руководствоваться известными принципами, а именно: «свободный человек (liber homo) будет штрафоваться за малый проступок не иначе, как сообразно роду проступка, а за большой проступок—сообразно важности проступка, причем его основной капитал останется неприкосновенным (salvo contenemento suo); таким же образом (будет штрафоваться) и купец, и у него не тронут при этом его товара (salva mercandisa sua); и виллан таким же образом будет штрафоваться, и у него останется неприкосновенным его инвентарь (et villanus eodem modo amercietur salvo wainnagio suo), если они подвергнутся штрафу с нашей стороны; и никакой из этих штрафов не будет налагаться иначе, как на основании клятвенных показаний уважаемых людей из соседей обвиняемых («et nulla praedictarum misericordiarum ponatur, nisi per sacramentum proborum hominum de visneto», § 20); «графы и бароны будут подвергаться штрафу только своими пэрами (т. е. по приговору этих последних) и только сообразно роду проступка (comites et barones non amercientur nisi per pares suos et non nisi secundum modum delicti, § 21)»; таким же образом (т. е. сообразно проступку), а не сообразно величине своей церковной бенефиции, будут штрафоваться и владеющие светскими держаниями клирики (§ 22). В § 36 король обещает, что впредь ничего не будут брать в его канцелярии за указ, предписывающий произвести расследование дела человека, арестованного по обвинению в уголовном преступлении, и не будут отказывать в просьбе выдать такой указ («nihil detur vel capiatur de cetero pro brevi inquisitionis de vita vel membris, sed gratis concedatur et non negetur»). Здесь речь идет о весьма важном процессуальном средстве (имеющем некоторое сходство с *Habeas Corpus*), обеспечивавшем заключенному в тюрьму человеку, иногда и совершенно невинному, сравнительно скорый разбор его дела и этим предотвращавшем грозившую ему опасность месяцы и годы ждать судебного приговора. § 38

запрещает королевским чиновникам привлекать кого бы то ни было к суду лишь по собственному усмотрению, не приводя достоверных свидетелей («nullus ballivus ponat de cetero aliquem ad legem simplici loquela sua, sine testibus fidelibus ad hoc inductis»).

Все эти параграфы, регулирующие дело правосудия в стране, имеют в виду интересы широких кругов свободного населения и отчасти даже несвободного (см. § 20, хотя не следует упускать из вида, что, гарантируя инвентарь виллана, бароны думали, может быть, больше о его сеньере, чьи интересы не менее страдали от конфискации вилланского инвентаря). За только что приведенным § 38 следуют два самых знаменитых параграфа Великой хартии. Вот они:

«Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен имущества, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору его пэров и по закону страны (nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut dissaisiatur, aut utlagetur, aut exuletur, aut aliquo modo destruatur, nes super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per lagale judicium parium suorum vel per legem terrae, § 39)». «Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их (nulli vendemus, nulli negabimus, aut differemus, rectum aut justiciam, § 40)».

Эти два параграфа Великой хартии доставили ей неувядаемую славу на протяжении веков, и их с благоговением перечитывает, как святое письмо, и современный англичанин, видя в них первую торжественную юридическую формулировку принципа гражданской свободы, столь дорогого всякому цивилизованному человеку, гарантию от административного произвола. И не нужно забывать огромной исторической роли этих параграфов, как знамени, объединявшего англичан в борьбе их за свободу своей страны, за лучшие формы их политического существования. Но это относится к гораздо более позднему времени, к XVII и XVIII вв., когда в самый разгар политической борьбы в эти параграфы был вложен иной, гораздо более широкий смысл, и они стали воплощением широкого правового принципа. А для тех, кто формулировал и вписал эти параграфы в Великую хартию, и для их современников и соратников, смысл их был более узкий и конкретный. Как и в § 34, так и здесь под свободным человеком (liber homo) разумеется прежде всего, а то и просто барон, непосредственный королевский держатель баронского ранга, королевский вассал, который и имеет в виду оградить себя на будущее время от королевского произвола, дававшего себя знать в самых различных формах с особой силой как раз в ближайшие к 1215 годы, и § 39 как раз эти формы и перечисляет. На будущее время все эти формы расправы без суда не должны иметь места, и «свободный человек» должен будет знать ту или иную форму стеснения своей свободы и своих имущественных прав лишь по судебному приговору в согласии с законом стра-

ны. Но кто будет постановлять этот приговор? Это будет «законный приговор его пэров» (legale iudicium parium suorum), говорит § 39 и этим открывает настоящее социальное лицо этого «свободного человека», обнаруживая в нем барона, готового, как мы видели, предоставить широким массам обыкновенных свободных людей (liberi homines) все благо нового королевского суда с разъездными коронными судьями и с присяжными и даже озаботиться его урегулированием, но для себя желавшего оставить старый, феодальный суд пэров (т. е. равных себе). Интересы своего феодального суда барон весьма решительно отстаивает, как мы видели, и в § 34, выступая против ненавистного breve quad vocatur Praecipe, благодаря которому свободный человек мог бы потерять свою курию. Укажем еще на § 21, уже приводившийся нами, в котором говорится, что графы и бароны будут подвергаться штрафу лишь по приговору своих пэров.

Как видим, при ближайшем рассмотрении знаменитый § 39 Великой хартии так же конкретен, как и другие параграфы Хартии, которая совершенно далека от провозглашения каких-нибудь общих принципов вроде прав человека и гражданина и представляет собой очень деловой документ, трактующий об очень конкретных фактах, интересах и злобах дня, касающихся определенных общественных групп и категорий. Вместо того, чтобы являться провозглашением общего широкого принципа гражданской свободы, чем его сделала политическая жизнь и политическая мысль XVII и XVIII вв., параграф этот оказывается формулировкой интересов очень определенной общественной группы магнатов, баронов, непосредственных королевских вассалов и притом интересов, не лишенных достаточно определенно выраженной тенденции, дающей основание говорить о феодальной реакции, присущей стремлениям поднявших движение 1215 г. баронов, которые не ограничились восстановлением своих нарушенных королем феодальных прав, но склонны были итти и несколько дальше, расширяя свои феодальные права, поставленные в определенные рамки общей государственной организацией, как она сложилась после нормандского завоевания и после реформ Генриха II.

Мы уже видели, какое большое место занимают в Великой хартии сословные интересы этой общественной группы, для которой Великая хартия являлась прежде всего хартией ее собственных вольностей, и если она не забыла при этом и интересов других общественных групп, то это было вызвано соображениями политическими, необходимостью опереться в борьбе с королем на более широкие общественные круги, без поддержки которых борьба эта была бы для них непосильна. Мы уже видели, что дает Хартия Лондону, трактуя его (§ 12) как непосредственного вассала короля и гарантируя и ему зависимость следуемых с него королю экстренных феодальных вспомоществований, auxilia, от решения communis consili regni (общего совета королевства). Не забыты и другие города. «А город Лондон,—гласит 13-я статья Хартии,—должен иметь

все свои древние вольности и свободные обычаи (habeat omnes antiquas libeartates et liberas consuetudines suas) как на суше, так и на воде (tam per terras, quam per aquas). Кроме того, мы желаем и соизволяем (volumus et concedimus), чтобы и все другие города и порты (omnes aliae civitates, et burgi, et villae et portus) имели все свои вольности и свободные обычаи».

До какой степени к поднявшим восстание против Иоанна Безземельного баронам мало подходит то, что говорили о них старые историки, изображая их бескорыстными радетелями интересов всего народа, и, не в пример феодалам всех других стран, забывавших о себе и о своих сословных интересах, мы уже видели. Еще рельефнее это выступает, когда мы сопоставим § 12 и только что приведенный § 13 Хартии с соответствующим параграфом *Баронских статей*, первоначальной редакции Великой хартии, § 32 (заключающим в себе то, что в Великой хартии было выделено в два параграфа): в то время как в Великой хартии говорится только о городе Лондоне и только о следуемых с него auxilia, в *Баронских статьях* говорится не только об auxilia, но и о tallagia, обычных принудительных сборах с города Лондона и с других городов («Simili modo fiat de taillagiis et auxiliis de civitate Londoniarum et de aliis civitatibus que inde habent libertates»). Эти tallagia были истинным бедствием для городов, вполне находясь в сфере королевского произвола и в смысле размера взиманий, и в смысле поводов к ним, и, желая заручиться поддержкой городов, бароны должны были прежде всего гарантировать им правовое упорядочение этих взиманий. И они поставили в первоначальной редакции Великой хартии эти tallagia рядом с auxilia и scutagia в зависимость от воли commune consilium regni; но когда борьба окончилась, и королевская власть капитулировала, и стали вырабатывать окончательную редакцию Хартии вольностей, бароны не затруднились опустить упоминание и о tallagia, и о других городах в этой связи, заменив его общими неопределенными и малосодержательными обещаниями по адресу других городов.

Столь же мало характеризует их как бескорыстных энтузиастов и § 41, предоставляющий всем иностранным купцам право свободно выезжать из Англии, въезжать в нее и жить в ней и путешествовать с торговыми целями, не подвергаясь никаким несправедливым взиманиям («sine omnibus malis toltis»), но уплачивая лишь старинные, справедливые и обычаем установленные пошлины («per antiquas et rectas consuetudines»). Такой порядок нарушается только во время войны: в это время купцы враждебной державы подвергаются задержанию, без вреда для их здоровья и имущества («attachientur sine dampno corporum et rerum»), пока не будут наведены справки о том, как обращаются во враждебной стране с английскими купцами, и если окажется, что эти последние в безопасности, так же поступать и с купцами этой страны. Поставить иностранных купцов на равную ногу с купеческими гильдиями английских городов, покупавшими у королей свои

торговые привилегии слишком дорогою ценой для того, чтобы делиться ими с иностранными купцами, могло быть в интересах лишь одних баронов, давая им возможность более дешево, ввиду конкуренции, покупать привозные вина и дорогое платье и свидетельствуя о том, что если бароны едва ли имели при этом в виду интересы иноземных купцов, то интересы купцов туземных они прямо игнорировали, совершенно не желая помнить о той крупной поддержке, какую им оказали города и без которой их дело было бы проиграно.

В заключение укажем еще несколько параграфов Хартии из числа тех, которые, в отличие от сейчас приведенных, имеют в виду интересы широких кругов свободного населения Англии. Единообразие мер и весов является весьма существенным условием нормально функционирующей промышленной и торговой жизни. И § 35 Великой хартии гарантирует и это условие. Источником больших злоупотреблений и притеснений для всех свободных людей было право принудительной покупки хлеба и других предметов королевскими чиновниками для надобностей королевского двора и администрации, и § 28 запрещает констеблям (в руках которых находились королевские замки) и другим королевским чиновникам брать у кого-либо хлеб или иные предметы иначе, как немедленно уплачивая при этом продавцу деньги или получая от него отсрочку уплаты. § 30 запрещает шерифам, бэйлифам и другим королевским чиновникам брать у свободного человека лошадей или телеги для перевозки иначе, как с его согласия.

Мы не будем разбирать статей Хартии, имевших чисто временный характер и относящихся, главным образом, к реформе лесов, выдаче хартий и заложников, находившихся в руках короля, роспуска иностранных слуг короля и наемных отрядов и т. п. Для нашей цели вполне достаточно тех, которые мы уже привели. Они дают вполне достаточный материал для ознакомления с общим характером Хартии и для выяснения запросов разных элементов английского общества, которым она старалась дать удовлетворение, имея в виду сплотить все эти элементы в виду общей цели—борьбы с самодержавным произволом главы английского королевства и его администрации. Борьба эта, несомненно, преследовала прежде всего сословные цели тех, кто ее поднял. Бароны прежде всего имели в виду оградить себя и свои феодальные интересы от произвола и насилий со стороны королевской власти и для этого считали необходимым ввести эту последнюю в феодальные рамки, в которых она, как мы видели, никогда всецело не находилась, властвуя над феодальным порядком и подчиняя его своим общегосударственным задачам, но которые все же налагали на нее определенные ограничения, связывая короля как верховного феодального сюзерена обычными нормами феодального контракта в отношении к своим непосредственным вассалам. Поскольку бароны сами при этом выходили из феодальных рамок, как эти последние были определены всем характером ан-

глийской государственности, как она сложилась после нормандского завоевания и после реформ Генриха II, бароны, несомненно, делали шаг назад, продолжая в этом случае феодальную традицию, начавшуюся еще с Вильгельма Завоевателя и, очевидно, не подавленную окончательно реформаторской деятельностью Генриха II и его правительства, и в этом смысле движение 1215 г. может быть названо реакционным, феодальной реакцией. Поскольку бароны стремятся ограничить королевскую власть, это ограничение носит чисто феодальный характер, является ограничением ее по отношению к ним самим как к прямым вассалам короля. В самом деле, commune consilium regni nostri, о котором идет речь в § 12 и 14 Хартии, это—чисто феодальный сейм непосредственных вассалов короля, которому предоставляется право разрешать королю щитовые деньги и феодальные пособия со стороны его прямых вассалов, выходящие за пределы трех феодальных случаев.

Но, как ни определенны и резки были феодальные стремления баронов, тем не менее бароны должны были считаться с политической действительностью, далеко выходившей за пределы их феодального кругозора, должны были включить в свою программу защиту тех форм политического существования, которые развились в Англии в значительной мере как противовес феодальным тенденциям, для охраны интересов свободной массы. Хартия, несомненно, является результатом компромисса. Этот договор баронов с королем включает в себя ряд отдельных, может быть, молчаливых договоров баронов с другими элементами английского общества, посредством которых этим социальным группам были гарантированы их интересы, как общие всем им, так и отдельные для каждой из них. Только таким способом инициаторы движения могли обеспечить успех своему делу. Только превратив это дело в общее в той или иной мере для всех свободных слоев общества, в национальное в той или иной мере дело, могли бароны рассчитывать провести в жизнь свои феодальные требования и отчасти свои феодальные идеалы, никогда не умиравшие, несмотря на все удары, которые наносила им в своем развитии центральная власть. Сплотить для борьбы разные слои общества было тем легче, что тирания Иоанна Безземельного в одинаковой мере давала себя знать каждому из них.

Необходимость считаться с интересами свободной массы вообще и ее отдельных элементов в частности и с теми формами обеспечения их, какие уже были выработаны всем ходом предшествовавшего политического развития, сообщает Великой хартии вольностей характер широкой конституционной грамоты, далеко выходящей за пределы феодальных форм и идей, и в этом отношении выгодно отличающейся от соответствующих ей документов других государств (например Франции XIV в.). В этом отношении Великая хартия—точное отражение исторической действительности и ее тенденций. Этот реализм Великой хартии и сообщает ей то значение, которое она имеет в истории политического развития Англии.

Великая хартия явилась важным фактором дальнейшего развития в качестве широкой и вполне реальной программы, заменившей неопределенные туманные мечты о «законах Эдуарда Исповедника» вполне осязательным и ясным, строго юридическим документом, формулировавшим в виде кратких, точных и конкретных положений права и вольности разных групп английского народа. Великая хартия явилась важным фактором дальнейшего развития в качестве широкой программы, в которую жизнь вкладывала все более и более новое содержание, что послужило основанием для таких историков политического развития Англии, как Галлам и Стэббс, без всяких оговорок утверждать, что все приобретенное англичанами после 1215 г.—немногим более, как подтверждение или комментарий к Великой хартии.

Но это была не только программа. Точно формулируя уже существовавшее право и дополняя, вернее—изменяя его лишь в очень немногом, Великая хартия делает его соблюдение обязательным для короля под страхом правомерного вооруженного принуждения со стороны баронов совместно с «общиной всей земли». Если что было нового в Великой хартии, то именно этот последний, едва ли не самый важный во всей Хартии пункт, эта санкция Хартии, наносившая тяжелый удар неограниченной до тех пор королевской власти.

Является вопрос: удалось ли Хартии сделать фактически осуществимым этот чрезвычайно важный юридический принцип, теоретическое признание которого удалось баронам вырвать у короля и тем создать юридическую почву для ограниченной, конституционной монархии? Разрешила ли Великая хартия поставленную ей жизнью задачу? Создала ли она средства, с помощью которых общество могло действительно оградить себя от королевского произвола? Иоанн Безземельный подписал Хартию, «видя, что силы его неравны силам баронов». Создавала ли Хартия постоянную, правильно организованную и регулярно функционирующую силу, которая бы делала невозможным для королевской власти образ действий, вызвавший к жизни Великую хартию, и удерживала бы ее в рамках, принципиально отмежеванных ей Великой хартией?

Хартия создала и организовала предназначенную для этого силу. Мы уже приводили 61 статью Хартии и познакомились с создаваемой Хартией формой гарантии заключенного баронами с королем мирного договора. Комитет из двадцати пяти баронов должен был наблюдать за неприкосновенностью параграфов Великой хартии со стороны короля и его администрации, облеченный правом поднимать против короля «общину всей земли», communam totius terrae, в случаях, когда этот последний не пожелает восстановить нарушенное им или его агентами право после того, как ему будет сделано заявление в этом смысле со стороны четырех членов комитета. Это чисто феодальная форма гарантии. Она узаконяла восстание, гражданскую, междоусобную войну как нор-

мальное средство защиты прав общества и каждого из составляющих его индивидуумов. Но то, что было бы допустимо в таком феодальном государстве, какое представляло бы собою не столько единое политическое целое, сколько соединенную чисто внешнею связью совокупность целого ряда политических тел, союз отдельных государств, легко переходящий в войну их между собою или с одним из них, в чисто международную войну, и до сих пор еще являющуюся ultima ratio при решении международных осложнений,—было совершенно ненормальным явлением в едином, сплоченном и централизованном государстве, каким была Англия после Нормандского завоевания и после реформ Генриха II. Для нее это было революционное средство, понятное и необходимое как чисто временная экстренная мера, предназначенная разрешить не поддающуюся иным средствам политическую задачу,—вывести общество и государство из кризиса на верную дорогу нормального развития своих сил и форм их организации, но совершенно непригодное в качестве одной из составных частей политического механизма общества в его нормальном состоянии, в его повседневной жизни. Принципы были провозглашены Великой хартией и юридически поставлены. Но ею не были созданы те средства, с помощью которых общество без всяких потрясений, нарушающих нормальное течение его жизни и тормозящих его развитие, могло бы обеспечивать себе неприкосновенность этих принципов в их повседневном, конкретном применении. Создать это средство, обеспечивающее принципиально санкционированный Великой хартией правовой порядок,—такова была задача, поставленная политическому развитию английского общества в 1215 г., и бурная история следующих пятидесяти лет разрешила ее вполне удовлетворительно.

W. Stubbs, The Constitutional History of England, v. I.

W. S. Mc. Kechnie, Magna Carta, A Commentary on the Great Charter of King John with an Historical Introduction, Glasgow 1905 (есть и более новое издание).

G. B. Adams, The Origin of the English Constitution.

Д. М. Петрушевский, проф., Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. С приложением латинского и русского текста Великой хартии и других документов, 2-е изд. М. и С. Сабашниковых, Москва 1915 г.

W. Stubbs, Select Charters.

Д. М. Петрушевский, акад., Памятники истории Англии XI—XIII вв., 1936 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В. И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА

I

Подписывая Великую хартию вольностей, Иоанн Безземельный лишь уступал физической силе. Для него это был просто единственно возможный выход из того положения, в какое его поставили энергичные действия вооруженной коалиции его подданных, открывавший ему иные возможности. Лишь только он вышел из этого иным путем совершенно безвыходного положения, лишь только висевшая над ним в данный момент гроза миновала, как он немедленно же стал принимать меры к тому, чтобы уничтожить все результаты победы, одержанной над ним его врагами, и для этого обратился с жалобой на баронов к своему сюзерену, папе, и вызвал в Англию отряды наемников-иноземцев. Иннокентий III был возмущен действиями баронов против его вассала, отлучил баронов от церкви, назвав в присланной для этого булле соглашение их, приведшее к Великой хартии, несправедливым, противозаконным и позорным договором, объявил Хартию не имеющей силы и освободил Иоанна от данной им клятвы соблюдать ее. Началась борьба и приняла настолько неблагоприятный для баронов оборот, что они принуждены были прибегнуть к крайнему средству: они предложили английскую корону сыну французского короля Филиппа Августа Людовику, который и высадился на английский берег с отрядом в несколько тысяч человек. Только внезапная смерть Иоанна (в октябре 1216 г.) предотвратила для Англии возможность тесными узами связать свою судьбу с судьбой французского королевства. Действовавшая против Иоанна коалиция расстроилась, как только не стало того, против кого она была направлена; в английские короли был коронован его девятилетний сын Генрих, опекуном его и регентом королевства («rector regis et regni») был назначен граф Пемброк, немедленно же вновь издавший Великую хартию, а французский принц, после года борьбы за корону, удовольствовался десятью тысячами марок и отказался от всех своих притязаний. Так как власть теперь по-

пала в руки баронов, то они не сочли нужным связывать себя 12-м и 14-м параграфами Великой хартии, требующими созыва всех непосредственных держателей короля для разрешения экстренных налогов (выходящих за пределы трех феодальных случаев), и параграфы эти, вместе с некоторыми другими, были выпущены в изданной Пемброком Хартии.

В нашу задачу не входит систематическое повествование о чрезвычайно богатом событиями царствовании Генриха III. Нас интересует общий политический смысл всех этих событий, то место, которое занимают они в эволюции политического сознания и политических форм английского общества. Англия эпохи Генриха III представляет собою арену ожесточенной междоусобной борьбы разных элементов английского общества. Вопрос шел о том, быть ли Англии правовым государством в том смысле, какой был указан Великой хартией, или же стать жертвой самодержавного произвола короля и его агентов в центре и в областях. С другой стороны, раз самодержавию суждено было уступить место иному государственному порядку, то каков должен был быть этот порядок: должна ли была руководящая роль принадлежать тесной группе самых могущественных феодалов, или же решающее значение в политической жизни страны должно было стать уделом более широких общественных кругов, представителей интересов по возможности всей нации, по крайней мере ее свободных элементов? Вокруг этих двух пунктов в сущности и сосредоточивается политическая борьба эпохи Генриха III. Первый из них был осложнен и обострен целым рядом тесно связанных с ним обстоятельств, возникших на почве международных отношений как политического, так и частного характера. Разумеем наплыв в Англию иноземцев разных национальностей, которых привели с собой многочисленные континентальные родственники короля и королевы, а также прислал папа для замещения церковных должностей, и совершенно беззастенчивое хозяйничанье в стране римского первосвященника, смотревшего на Англию как на свое богатое поместье, без всяких стеснений облагавшего здесь как духовенство, так и мирян самыми разнообразными и превышавшими всякую меру налогами и в своих собственных интересах вовлекшего короля в самые рискованные и крайне губительные для национальных интересов Англии международные авантюры.

Как королевские родственники, так и прибывшие в их свите толпы французских, главным образом, выходцев заняли самые видные и самые доходные места в светской и в духовной администрации и совершенно пренебрегали писанными и неписанными законами страны, нередко совершенно открыто и откровенно заявляя, что в Англии власть и воля короля—единственный источник права и закона. Таким образом, окружив себя подобными советниками и предоставив таким людям власть и влияние в самых различных сферах центрального и местного управления, Генрих III подвергал величайшей опасности все то, что давала обществу Великая

хартия, не говоря уже о том, что вытеснение из всех этих сфер природных англичан и замещение их жадными, не брезгавшими ничем для своего обогащения, безмерно наглыми чужеземными авантюристами наносило глубокую обиду национальному достоинству англичан, чувствовавших себя дома точно под игом завоевателей.

В такой же, если еще не в большей, мере оскорбляли национальное чувство англичан отношения с папским престолом, та роль всегда готового к услугам папы его духовного сына и вассала, которую играл, и совершенно искренно, насчет материальных и нематериальных благ своих духовных и светских подданных Генрих III, позволяя папе совершенно свободно распоряжаться имуществом англичан путем предоставления папским кандидатам огромного количества мест в церковном управлении с соединенными с ними доходами и путем всякого рода налогов, взимавшихся в пользу римской курии папскими агентами, впутываясь в сложную политическую игру, которую вели папы на континенте в своей решительной борьбе с Гогенштауфенами. Для пап Англия стала «поистине садом наслаждений, поистине неиссякаемым источником», как выразился Иннокентий IV, тут же назидательно прибавивший: «но кому много дано, с того много и взыщется». Тесная связь Генриха с папой была выгодна не одному папе: не безвыгодна была она и королю, получавшему от папского престола санкцию для своих требований и вымогательств; и король очень часто прикрывался в таких случаях именем папы, который и посылал в этом смысле приказы как английскому духовенству, так и светским баронам.

Все эти обстоятельства вызывали во всех слоях английского общества острое недовольство, выражавшееся в общем ропоте и в спорадических и разрозненных протестах против того или иного требования короля или папы, раздававшихся иногда в церковных собраниях и в Великом совете королевства, куда король созывал своих светских и духовных вассалов. Не будь этих обстоятельств, этого национального унижения страны, беззакония и произвол Генриха III и его агентов, игнорировавших Великую хартию, невзирая на ее неоднократные подтверждения, может быть, еще долго оставались бы без серьезного организованного противодействия, лишний раз свидетельствуя о том, как в сущности эфемерно было то соглашение между разными элементами английского общества, которое ознаменовалось таким прочным историческим результатом, каким была Великая хартия вольностей. и до какой степени оно представляло собою не более, как поистине счастливую случайность, вызванную уж очень экстренными обстоятельствами того момента. Вот в такой же мере экстренными, как видим, обстоятельствами вызвано было и более или менее организованное противодействие, которое встретила, наконец, внутренняя и внешняя политика Генриха III. Как и в начале столетия, так и теперь подняли движение и стали во главе его

бароны, имея на своей стороне полное и горячее сочувствие всего народа, как клира, так и мирян, одинаково возмущенных безграничными вымогательствами папы и его легатов и иных агентов.

Основной политический вопрос эпохи—ограничение самодержавного произвола короля путем проведения в жизнь принципов, юридически поставленных Великой хартией, принял сильно выраженную националистическую окраску, и с этой своей стороны он легче всего и поддавался разрешению. Этой своей стороной он был более всего популярен; в этой своей форме он задевал самые чувствительные струны в душе как могущественного барона и прелата, так и простого фрихолдера и настоятеля селького прихода. «Англия для англичан»,—этот лозунг был понятен и дорог всем и объединил все элементы английского общества в негодовании и протесте против господства в стране иноземных авантюристов и хозяйничания в ней римского папы. Этой своей стороной вопрос был решен быстро и к общему удовлетворению. Но для ограничения самодержавного произвола короля и введения его власти в определенные рамки закона одного пробуждения чисто стихийного национального чувства было недостаточно. Поэтому, лишь только иностранцы были изгнаны из Англии, как соединявшая все элементы общества связь порвалась, и английское общество скоро стало ареной ожесточенной междоусобной борьбы уже на чисто политической почве, и эта борьба, в конце концов, завершилась ограничением королевской власти народными представителями. Борьба эта вскрывает истинные тенденции начавших борьбу с короной верхних слоев общества и соответствующую им узость политических форм, в которые они имели в виду заключить политическую свободу общества, а с другой стороны, широту политических идеалов, популярных в широких кругах тогдашнего общества, не оставшихся в области мечтаний, но нашедших силы и людей для своего проникновения в жизнь в форме народного представительства.

Уже в 1246 г. у английских баронов оказалось настолько солидарности, что они составили и отправили папе, потребовавшему с английской церкви огромную сумму денег, весьма энергичную отповедь. В этом письме, посланном Иннокентию IV после парламента, собравшегося в Лондоне 18 марта названного года, бароны, вполне признавая духовную власть папы, ставят ему в то же время на вид, что «если король и королевство не будут как можно скорее освобождены от этих налагаемых на них тягостей, то на нас будет лежать обязанность соорудить стену для дома божьего и для свободы королевства». «Если эти бедствия,—продолжают они,—не будут как можно скорее исправлены вами, есть много оснований опасаться, что и церкви римской, и королю будет грозить такая беда, что нелегко будет помочь им».

Бароны обстоятельно останавливаются в письме на тех бедствиях, которые терпит от Рима английская церковь. В противность английскому праву и обычаю, папа ежегодно вымогает

у нее все более и более тяжело ложащиеся на нее суммы. Принадлежащие баронам права представления кандидатов на приходы нарушаются папой, и незнающие английского языка итальянские клирики сажаются им на английские приходы на душевную погибель прихожан и опустошение королевства. Папские пенсии и провизии[1] являются тяжелым бременем для церкви; к тому же папа не соблюдает границ, которые сам же он установил. Итальянцев продолжают сменять на церковных местах итальянцы и, в противность английскому обычаю и письменному разрешению прежних пап, англичан заставляют являться к иноземному трибуналу. Без разрешения короля взимаются и собираются папой общие налоги, невзирая на протесты общества. «Для страны истинное бремя—частый приезд этого гнусного посланца—non obstante, при посредстве которого слабеет и исчезает святость клятв, древних обычаев, сила документов, действительность уступок, статутов, законов и привилегий, и великое множество англичан подвергаются тяжкому угнетению». Наконец, в находящихся в руках итальянцев бенефициях распоряжения епископов вовсе не соблюдаются, бедным не оказывается поддержки, странникам не дают приюта, слово божие не проповедуется, души не получают должного попечения, божественные обряды не исполняются, церкви не украшаются, и их стены и крыши приходят в упадок или совсем разрушаются[2].

Письмо это представляет яркую иллюстрацию к настроению, уже давно развивавшемуся в английском обществе в результате тесного союза папы и короля на поприще самой беззастенчивой эксплоатации национального богатства Англии, этого поистине наступательного союза правителей против управляемых, пастырей против пасомых. В особенности выразительно грозное предупреждение об опасности, которую может повлечь за собою этот союз как для римской церкви в Англии, так и для короля. Письмо адресовано папе, и даже с одобрения короля, который почему-то в этот момент нашел возможным засвидетельствовать свою солидарность с парламентом в его энергичном протесте против вымогательств его союзника. Это неожиданное пробуждение в короле патриотических чувств находит свое объяснение в очень невозвышенном и притом крайне простом обстоятельстве: как раз незадолго перед этим было сделано открытие, что ежегодный доход, извлекаемый ставленниками папы, итальянскими клириками, из своих английских бенефиций, достигает суммы, далеко превышавшей чистый доход короля: естественно, что король очень был раздражен тем, что такие богатства достаются не ему, а его союзникам; так что новое требование папы нашло и в нем горячего оппонента.

---

[1] Провизией (от «providere») называлось замещение папой епископских кафедр своими кандидатами.

[2] *Richardson*. The National Movement in the Reign of Henry III, 1897, p. 97—99.

Впрочем, это фрондирующее настроение очень скоро сменилось у короля другими чувствами к римскому престолу, с одобрения которого он попрежнему угнетал английскую церковь бесконечными поборами и вымогательствами, совершенно игнорируя ограждающие церковь параграфы Великой хартии, а также всякие другие грамоты, гарантировавшие церкви ее права и привилегии; особенно вопиющим бедствием было постоянное злоупотребление правом замещения церковных вакансий: король подолгу не замещал епископских кафедр и мест аббатов и совершенно свободно распоряжался принадлежавшими кафедрам и аббатствам поместьями, извлекая из них все, что только можно было извлечь, разоряя их землю и крестьян и приводя в полный упадок хозяйство. Английская церковь решилась, наконец, на открытый коллективный протест и представила королю длинную петицию из пятидесяти пунктов, в которой исчислялись притеснения и обиды, чинимые ей королем, и предъявлялось требование реформ.

II

Но это было уже начало общего кризиса, который и разразился в 1258 г. после того, как денежные требования папы и короля превысили всякую меру, и национальное достоинство англичан подверглось крайнему унижению со стороны римской курии, видевшей в английском народе лишь послушное орудие для своих политических целей и не останавливавшейся в этом отношении решительно ни перед чем. Еще в 1254 г. Иннокентий IV предложил Генриху для его младшего сына Эдмунда корону Обеих Сицилий. Корону нужно еще было завоевать, и папа брал на себя это последнее дело; Генрих же обязывался уплатить папе, под страхом конфискации своего английского королевства, огромную по тому времени сумму в 140 тыс. марок (марка = $13^1/_3$ шилл.). Сделка эта, очень выгодная для папы, который получал таким образом возможность на английские деньги продолжать свою упорную и беспощадную борьбу с Гогенштауфенами (их-то он и хотел вытеснить из Сицилийского королевства), но ничего общего не имевшая с интересами английского народа, была заключена королем без разрешения и даже без ведома светских и духовных магнатов. И вот в 1257 г. Генрих представил собравшемуся в Лондоне Великому совету нового сицилийского короля в апулийском костюме и сообщил об условиях заключенной им с папой сделки, заявляя при этом, к великому изумлению и негодованию присутствовавших здесь прелатов, что предложенную его сыну сицилийскую корону он принял с согласия английской церкви, и потребовал для уплаты папе десятую часть всех церковных доходов, доход со всех вакантных бенефиций в течение пяти лет и доходы еще из нескольких других источников. Прелаты заявили, что своего согласия они не давали королю и даже ничего не знали об этой сделке до ее заключения. Но у них не хватило

мужества ответить королю решительным отказом, и они предложили ему 52 тыс. марок, не только не получив от него благодарности за это, но даже услышав от него выражение крайнего неудовольствия ввиду их нежелания уплатить всю требуемую им сумму. Вскоре после этого они собрались на конвокацию в Кентербери и здесь-то и составили упомянутую выше петицию.

В следующем 1258 г. опять был созван королем в Лондоне Великий совет (к этому времени за ним уже утвердилось название *парламента*, parliamentum). Король опять обратился к нему с тем же требованием ввиду того, что прибыл папский посланец за деньгами для папы, еще не уплаченными по обязательству. От имени папы король потребовал не больше и не меньше, как третью часть всей собственности в Англии, как движимой, так и недвижимой, так что у всех присутствовавших даже в ушах зазвенело, по образному выражению современного хроникера. Это было уже слишком. Это требование короля вызвало целую бурю негодования, жалоб и упреков. Бароны заявили, что они уже больше не в состоянии расточать свои скудные средства («substantiolas»), не рискуя подвергнуться конечному разорению. Благодаря своему собственному безумию, в противность разуму и достоинству, не посоветовашись с своей знатью, возымел Генрих намерение добиваться сицилийской короны, от которой отказался более благоразумный его брат Ричард Корнуоллский; этим он открыл путь папским вымогательствам. Бароны стали затем упрекать короля в несоблюдении обещаний, данных им церкви, и в нарушении хартий, которые он так часто подтверждал за деньги. В противность законам и обычаям королевства он предоставил своим сводным братьям, несмотря на то, что они иноземцы, самые влиятельные места и не позволял своей канцелярии издавать против них никаких приказов, хотя их наглость и злоупотребления их бэйлифов были всем известны. Обращаясь к собранию, Симон де Монфор, граф Лестерский, произнес обвинительную речь против наглого поведения иностранцев, обогащенных королем за счет его собственных подданных и доведших страну почти до гибели, и требовал над ними немедленного суда. Дело дошло, по его словам, до того, что власть короля настолько ослабела, что он уже не в состоянии принуждать к исполнению законов и даже не в силах отразить нападения таких всеми презираемых врагов, как уэлзцы. Исключительно дурное управление короля требует и исключительных мер («excessus regis tractatus exigit speciales»), таков был общий приговор собрания[1]. Папскому посланцу было объявлено, что у короля нет и не может быть требуемых денег; а когда он стал грозить королю и магнатам отлучением, заявляя, что король обязался и за них, и за их земли, то светские и духовные члены собрания с негодованием отвечали, что они—свободные люди, и не во власти короля связывать их такими обязательствами.

[1] Matthei Parisiensis Chronica Majora (Rolls' Series), U. V., p. 680, 688—689.

Через несколько дней, 30 апреля (1258 г.), бароны предъявили королю свой ультиматум. Современный хроникер так описывает, со слов очевидца, эту знаменательную сцену. «В условленный день, когда приближался третий час, знатные и храбрые люди, графы, бароны и рыцари, явились ко двору, т. е. в Уэстминстер, в полных воинских доспехах и при шпаге; но при входе в королевский зал они сняли свои мечи и положили их на пол, и, явившись перед королем, они приветствовали его со всем следуемым ему уважением. При грозном зрелище этих покрытых кольчугами баронов короля охватил внезапный страх. «Что это, господа,—сказал он,—я—ваш пленник»?—«Нет, сир король,—отвечал Рожер Биго (Bigod),—нет! Но необходимо, чтобы гнусные и нестерпимые выходцы из Пуату, равно как и все другие иностранцы, бежали из вашего и нашего присутствия. Вот в чем наш секрет; все мы открываем его вам в интересах достоинства, чести и пользы вашей власти и всего вашего королевства. Дайте клятву во всем следовать нашим советам: это—лучшее средство и лучшее утешение, какое только вы можете найти».—«А как же вы будете видеть, что я желаю следовать вашим советам?»—спросил король. На это бароны отвечали: «Поклянитесь, коснувшись святого евангелия, вы и ваш сын и наследник Эдуард, что вы ничего не станете делать без совета двадцати четырех мудрых людей, епископов, графов и баронов, избранных нами, что вы никоим образом не подумаете налагать на ваших подданных неведомого до сих пор ярма, противного правам вашего королевства; что вы немедленно передадите королевскую печать верному человеку, которого вам назначат двадцать четыре»[1]. Не менее энергична была речь Симона де Монфора, представлявшая собою грозный обвинительный акт против иностранцев, обогащенных сокровищами Англии и причинивших ей все те бедствия, от которых она так страдала. Все единодушно требовали реформ и избрания комиссии двадцати четырех для их проведения.

Королю оставалось только подчиниться всем этим так внушительно предъявленным требованиям, и 2 мая он издал прокламацию, в которой обязывался еще до рождественских праздников произвести требуемые реформы, руководствуясь советом достойных и верных людей английского королевства, а также советом папского легата, если к тому времени он случится в Англии, и крепко соблюдать все, какие будут изданы для этого, постановления («statum regni nostri ordinabimus et ordinationem illam firmiter observabimus»), под страхом церковной кары со стороны римского престола («et ad hoc fideliter observandum, supponimus nos cohericoni domini papae, ut nos ad hoc per censuram ecclesiasticam, prout expedire viderit, valeat artare»), и прибавлял, что старший сын и наследник его Эдуард дал клятву, что будет признавать для себя обязательным все указанное выше («praestito

---

[1] Annales de Tewskesbury (Annales Monastici, Rolls' Series), p. 164 (*Ch. Bémont*, Simon de Montfort comte de Leicester, 1884, p. 159, 160).

sacramento corporali, per litteras suas concessit quod omnia superius expressa, quantum in ipso est, fideliter et inviolabiliter observabit et in perpetuum observari procurabit»)[1]. В другой прокламации от того же числа Генрих доводил до всеобщего сведения, что он дал свое скрепленное клятвой согласие вельможам и магнатам своего королевства («proceribus et magnatis regni nostri») на то, чтобы были произведены в королевстве реформы («quod ordinetur, rectificetur et reformetur status regni nostri») двенадцатью членами королевского совета, уже выбранными для этого, и другими двенадцатью, которые будут избраны из среды магнатов, которые соберутся в Оксфорде через месяц после троицы («per XII fideles de concilio nostro jam electos et per alios XII fideles nostros, electos ex parte procerum ipsorum, qui apud Oxoniam a festo Pensecostes proximo futuro in unum mensem convenient»), и обязывался нерушимо соблюдать все, что они постановят, и от всех требуя такого же соблюдения; такую же клятву, по словам короля, дал и принц Эдуард[2]. После этого парламент был распущен, чтобы собраться, как было указано в прокламации, через пять недель.

Эти пять недель не прошли бесплодно ни для баронов, ни для прелатов. Главные среди баронов, как графы Лестерский, Глостерский, Херефордский и многие другие представители знати, торжественно заключили союз ввиду всяких неожиданностей со стороны короля и иноземных авантюристов[3]. Была выработана и составлена петиция, которая должна была быть представлена в ближайшем парламенте королю, с подробным перечислением злоупотреблений, требовавших немедленных мероприятий со стороны комиссии реформ. Собранное архиепископом кентерберийским на конвокацию в Мертоне духовенство воспользовалось этим случаем, чтобы со своей стороны протестовать против притеснений, чинимых церкви королем, и требовать реформ. В этом смысле было составлено постановление, в котором в сильных выражениях указывалось на то, что церковь угнетена в противность божескому закону, каноническому праву и вольностям, гарантированным королевской грамотой, и поэтому ее стены, подкопанные орудиями светской власти, должны быть немедленно починены, а также формулировалось решение, что всякий—даже если это будет сам король,—виновный в расточении собственности вакантных церквей, должен быть немедленно отлучен от церкви.

11 июня (1258 г.) бароны и прелаты съехались в Оксфорд. Под предлогом войны с Уэлзом бароны явились в полном вооружении и привели с собой большие отряды зависимых от них вооруженных людей. Они не доверяли королю и могли ждать от него всего. По словам одного хроникера, в Оксфорде собралось до шестидесяти тысяч человек. Ввиду такого же рода возможных случайностей было сделано распоряжение бдительно охранять мор-

[1] Select Charters, p. 380, 381.
[2] Select Charters, p. 281.
[3] Matth. Paris. Chr. Maj., p. 689, 690.

ские порты. Прежде всего королю была представлена баронами выработанная ими длинная петиция, заключавшая в себе 29 пунктов, в которых они детально указывали на все непорядки и злоупотребления властью со стороны короля и его агентов как в центре, так и в областях, как в сфере общего управления, так и на почве феодального права, и требовали немедленных реформ[1]. В частности, они требовали, чтобы «королевские замки были переданы королем для охраны его верным подданным, уроженцам королевства Англии, во избежание многих случайностей, которые могут возникнуть в английском королевстве»; чтобы таким же верным подданным короля и природным англичанам были переданы и королевские замки, расположенные на морском берегу, где могли приставать суда, «ввиду множества несомненных опасностей, могущих возникнуть, если они будут переданы другим»; чтобы никому не было позволено без согласия совета всего королевства Англии укреплять свои замки на морском берегу или на соседнем острове, иначе из этого может произойти много опасностей; чтобы король не выдавал находящихся под его опекой наследниц его умерших вассалов за неровней, «то-есть за людей не из нации английского королевства» («non maritentur ubi disparagentur, videlicet, hominibus qui non sunt de natione regni Angliae»). Все эти статьи направлены против иностранных авантюристов, которым король передал свои замки и которых женил на богатых наследницах своих вассалов. Другие пункты касаются злоупотреблений, притеснений и вымогательств, которые позволяли себе разъездные судьи и шерифы, а также королевские чиновники, бравшие у продавцов товары для надобностей королевского двора. Одна статья ставит на вид королю, что, освобождая многих рыцарей от обязанности являться в местные судебные собрания и принимать в них участие в качестве присяжных, он этим сильно тормозит местную юстицию, делая невозможным разбирательство по некоторым делам, вследствие чего тяжущиеся никак не могут добиться правосудия.

Как названные, так и остальные статьи, касающиеся, главным образом, злоупотреблений короля и его агентов в области феодального права, констатируют факты, представляющие собою прямое нарушение параграфов Великой хартии, свидетельствуя, как и вся история царствования Генриха III с момента объявления короля совершеннолетним, что до тех пор, пока общество не выработает органа, который бы являлся его организованной, регулярно и правомерно действующей силой, грозной для всякой антиобщественной попытки и поползновения, в какой бы форме и откуда бы они ни возникали, до тех пор все вольности английского народа, сколько бы их ни подтверждали торжественно короли под давлением тех или иных крайних обстоятельств, будут оставаться лишь в виде параграфов великого юридического документа, бессильные регулировать жизнь, направляемую иными силами.

---

[1] Текст петиции в Select Charters, p. 382—387.

После рассмотрения петиции, сопровождавшегося весьма бурными сценами, был окончательно сформирован *комитет двадцати четырех*, который и приступил немедленно к делу реформы. Прежде всего была составлена новая конституция. Основные черты ее сводились к следующему.

При короле должен быть организован постоянный *совет пятнадцати*. Эти пятнадцать «будут иметь право давать королю добросовестные советы относительно управления королевством и относительно всего, касающегося короля и королевства, и исправлять все, что найдут необходимым исправить»[1]. Под их контролем будет находиться верховный юстициарий и другие должностные лица. Присутствие всех членов совета не безусловно необходимо для того, чтобы постановление его имело силу закона; для этого достаточно присутствия большинства. Совет этот избирается комитетом двадцати четырех путем довольно сложной процедуры. Двенадцать членов комитета, принадлежащие к партии баронов, избирают двоих из остальных двенадцати, т. е. из партии королевской, а эти последние в свою очередь избирают двоих из партии баронской, и составившийся таким образом комитет четырех и выбирает членов совета пятнадцати, утверждаемых комитетом двадцати четырех. Три раза в год, в определенные сроки (6 октября, 3 февраля и 3 июня), для выяснения общего состояния государства и для обсуждения общих нужд его и короля, собирается *парламент;* собираться он может и в экстренных случаях, и тогда его созывают особым приказом короля. Парламент состоит всего лишь из двадцати семи членов: из совета пятнадцати и из двенадцати выборных, выбранных для этого баронами; они решают общие дела от лица «всей общины страны» (pur tut le commun de la tere); и то, что эти двенадцать решат, будет обязательным для всей общины, которая, таким образом, избавляется от издержек, сопряженных с ее присутствием в парламенте[2]. Под общиной (le commun) здесь разумеется совокупность баронского класса, все баронство. Высшие сановники государства, каковы канцлер, великий юстициарий, казначей, а также шерифы графств назначаются на один год и по истечении этого срока своей службы обязаны отдавать отчет о своей деятельности пред королем, советом пянадцати и своими заместителями.

И члены совета пятнадцати, и двенадцать выборных для присутствования в парламенте, и высшие сановники государства были тут же избраны комитетом двадцати четырех. Этому же комитету было от имени короля поручено произвести также необходимые реформы в церкви. Был избран еще *другой комитет двадцати*

---

[1] «E averunt poer del rei conseller en bone fei del governement de reaume, et de totes choses ke al rei u al reaume pertenent. Et pur amender et adrescer totes les choses ke il verrunt ke facent a adrescer et amender», Select Charters, p. 392.

[2] «E ke le commun tendra pur estable ceo ke ces XII frunt. Et ceo serra fet pur esparnier le cust del commun», Ibidem.

четырех, чисто временного характера, для рассмотрения и решения вопроса о субсидии, которую просил у парламента король для того, чтобы рассчитаться с папой за сицилийскую корону. Было постановлено, чтобы в каждом графстве было выбрано по четыре рыцаря (quatuor discreti et legales milites), которые бы от всех в графстве принимали жалобы на несправедливости и обиды, причиненные им шерифами, бэйлифами и другими лицами из местной администрации, и возбуждали бы преследование против этих должностных лиц перед судом главного юстициария в первый же приезд его в графство. Королевские замки, до сих пор находившиеся почти исключительно в руках иностранцев, должны быть переданы природным англичанам, которые должны присягнуть, что будут честно и лойяльно охранять их для короля и его наследников, что передадут их одному лишь королю или его наследникам и притом по приказанию королевского совета. Власть высших сановников (главного юстициария, канцлера, казначея), а также шерифов и фискальных чиновников (escheators) была строго определена и подчинена королевскому совету; вымогательства всякого рода были воспрещены им. Должностными лицами в палате казначейства (Exchequer) должны быть уважаемые люди, и к ним должны поступать государственные доходы, а не в другие руки.

Таково главное содержание так называемых *Оксфордских провизий* [1], таков главный результат так называемого Бешеного парламента 1258 г. [2]. Прибавим, что иностранцы должны были выдать находившиеся в их руках королевские замки, часть их бежала в страхе, в том числе королевские родственники, остальные были изгнаны из Англии, а их от королевских щедрот полученные земельные и движимые богатства были конфискованы и вернулись в английские руки. В заключение была подтверждена Великая хартия вольностей. Немедленно после удаления иностранных авантюристов сын Генриха наследный принц Эдуард принес в июле присягу на соблюдение Оксфордских провизий. 4 августа король оповестил о своем согласии держаться решений своего нового совета.

III

Совет серьезно принялся за проведение обещанных реформ. От средины июля и в течение всего августа «бароны—по словам современной хроники—ежедневно устраивали совещания, иногда в Новом Темпле, иногда в других местах, касавшиеся улучшения порядков и обычаев Англии»; а другой современник свидетельствует, что «они проводили бодрственные ночи, чтобы

---

[1] Французский текст Оксфордских провизий вместе с английским его переводом напечатан в Select Charters, p. 387—396 и в составленном мною сборнике «Памятники истории Англии XI—XIII вв.», 1936 г.

[2] Утвердившееся в исторической науке за Оксфордским парламентом 1258 г. название «Бешеный» (Mad) не было известно современникам и не имеет опоры в источниках.

уготовать мир для других». Дело было трудное, и к тому же далеко не все сочувствовали намеченным реформам, да и среди самих реформаторов не было полного согласия, что очень тормозило дело и замедляло опубликование его главных результатов. 4 августа король оповестил особой прокламацией о том, что он дал клятву принимать решения Совета пятнадцати о реформе, и повелел всем своим подданным соблюдать все «постановления» совета. Повидимому, от всей страны была потребована клятва повиноваться этим постановлениям. Около того же 4 августа в каждое из тридцати семи графств был отправлен приказ, назначавший в каждом из них комиссию из четырех рыцарей для расследования злоупотреблений местной администрации. Членами комиссии должны были быть местные рыцари, державшие землю в данном графстве. Они должны были принести присягу в ближайшем собрании данного графства, что будут производить расследование лойяльно и добросовестно, путем опроса всех почтенных и заслуживающих доверия людей (boni et legales homines) графства, которые под присягой дадут показания обо всех несправедливостях, совершенных королевскими чиновниками графства, а также должностными лицами местных феодальных владельцев. Протоколы этих расследований должны были быть лично доставлены рыцарями совету в Уэстминстер к 6 октября. Одновременно шерифы получили приказ принять от членов комиссий присягу и созвать необходимых присяжных. Суд по всем этим делам должен был производить главный судья Англии, на должность которого бароны избрали из своей среды Гуго Биго (Bigod) (младшего брата Роджера Биго, эрла Норфольского, маршала Англии). Ему передана была ими юрисдикция над всеми должностными лицами короля и феодальных владельцев, а также и над всеми частными лицами, контроль над всеми судами и право исправлять и возмещать все неправды и обиды, кем бы то ни было и кому бы то ни было причиненные. Эти чрезвычайные полномочия нового юстициария были поставлены под строгий контроль Совета пятнадцати, постановлениям которого он должен был подчиняться и перед которым он должен был давать отчет в своих действиях по истечении годичного срока, на который был избран. Кроме председательствования в королевском суде (coram rege) в обязанности его входило предпринимать специальные судебные разъезды (по-латыни—itinera, по-английски eyres) по графствам для исправления всех неправд, раскрытых комиссиями из четырех рыцарей, назначенных, как мы видели, в каждом графстве.

Биго немедленно же принялся за выполнение своих обязанностей и отправился творить суд и расправу по графствам. Это был суд скорый и справедливый, тем более скорый, что, поскольку дело шло о притеснениях и неправдах, которые население графств терпело от представителей королевской и феодальной администрации, местных тиранов, от которых до сих пор ему невозможно было найти защиту, судебная процедура была очень упрощена в обход

господствовавших сложных форм процесса, к тому же дорого стоившего и для людей несостоятельных почти недоступного. Достаточно было обиженной стороне устно или письменно обратиться к юстициарию с жалобой на то или иное лицо, и юстициарий на основании материала, собранного комиссией из четырех рыцарей графства, произносил приговор и подвергал взысканию обидчика. Эта упрощенная судебная процедура получила название querela или querimonia (жалоба). Неудивительно, что она сразу же приобрела популярность среди населения графств, особенно среди его более бедных слоев, и Биго пришлось немало потрудиться, чтобы удовлетворить жалобы всех обращавшихся к нему. В результате целый ряд должностных лиц был смещен им со своих постов.

В октябре был созван (в форме, определенной Оксфордскими провизиями, т. е. из 15 членов совета и из 12 избранных для этого «общиной» баронов из своей среды, чтобы представлять ее интересы) парламент, главным делом которого были перемены в персонале и в методах администрации. Особенно решительны были перемены в местной администрации. 18 октября от имени короля был опубликован открытый приказ (litterae patentes, letters patent), которым король ратифицировал все, что было уже сделано и что будет сделано Советом пятнадцати для блага страны постановлениями членов этого совета, и повелевал всем своим верным подданным принести присягу, что они будут соблюдать и поддерживать и защищать статуты, изданные и имеющие быть изданными членами этого совета, и требовал, чтобы никто не смел брать землю или движимость способом, нарушающим эти постановления, а кто пойдет против этого, будет всеми верными подданными короля признан смертельным врагом. Этот приказ засвидетельствован двенадцатью из Совета пятнадцати и двумя из Комитета двенадцати, избранного «общиной» баронов для присутствия в этом парламенте[1]. 20 октября от имени короля был опубликован новый приказ, в котором король выражает желание, чтобы скорая справедливость (hastive dreiture) была оказана по всему королевству как богатым, так и бедным, и ввиду этого повелевает, чтобы все несправедливости (tuz les torz), совершенные в его время в каждом графстве, кто бы их ни совершил, были заявлены четырем рыцарям, которых он назначил для этого, если они еще не были им заявлены, и выражает желание, чтобы они как можно скорее были исправлены и возмещены. «Но если мы не можем,—продолжает король,—сделать этого так скоро, как хотели бы и как бы нужно было и для вас, и для нас, ни мы, ни вы не должны удивляться, что то зло, которое так долго продолжалось к нашему ущербу и к вашему, не может быть так быстро исправлено. Но на основании первых исправлений, которые будут сделаны в графстве, где мы будем иметь нашего юстициария и других наших испытанных людей (et de nos autres prodes homes), на этом основании вы можете иметь твердую надежду, что в таком

[1] *Stubbs*, Select Charters, 396—398.

случае это будет сделано для вас с возможной скоростью». За этим следует детальное изложение присяги, которую с этих пор должны были приносить шерифы: они должны оказывать всем, и богатым и бедным без всякого пристрастия скорую справедливость (hastive dreiture), ничего не должны брать ни у кого по своей должности в виде взяток, подарков, реквизиции или вынужденного гостеприимства, должны иметь ограниченное, лишь необходимое, число помощников и слуг, с которых они должны взять подобную же присягу, не должны сдавать на откуп сотни и другие подразделения своих графств; сдавая в конце года отчет в палате казначейства, они будут получать средства, необходимые для покрытия их административных издержек и для жалования его подчиненных. «И потому мы даем ему из наших собственных средств (del nostre), что не желаем, чтобы он брал что-либо с других». Шерифы и другие должностные лица не должны оставаться в своей должности более одного года. «И поэтому доводим до вашего сведения, что если какие-либо притеснения и неправды (duresces ou torz) были совершены названными выше должностыми лицами (par les avant dites baillis), то чтобы вы меньше боялись их (ke vus meins les dotez) и более уверенно показывали их неправды (et plus seruement lurs torz mostrez)»[1]. Приказ этот вместе с приказом от 18 октября был отправлен в каждое графство на латинском, французском и английском языках и должен был прочитываться несколько раз в год в собраниях графства.

До сих пор должность шерифа сдавалась на откуп и являлась для него очень выгодным хозяйственным предприятием, так как вкладываемые им в него деньги, труд и время приносили ему огромные доходы, ложившиеся очень тяжелым бременем на плечи населения законтрактованного им графства, вполне предоставленного его ничем не сдерживаемой алчности и вымогательству. Совет пятнадцати, как видим, решил положить этому конец и превратить шерифа в настоящего представителя административной власти в графстве, всецело действующего в интересах государства в качестве агента короны, в достаточном размере оплачиваемого ею из государственых средств и не имеющего поводов и оснований наживаться за счет населения графства. Требованиям, предъявленным теперь к шерифам, едва ли кто из тогдашних шерифов мог удовлетворять, и пересмотр их списков явился настоятельной необходимостью. В результате этого пересмотра за 1258—59 г. совет назначил для управления тридцатью двумя графствами двадцать одного нового шерифа, и почти все они были из вассоров (второстепенных держателей) тех графств, во главе которых они были поставлены. Мы далее увидим, какие еще новые меры были приняты советом, для того чтобы радикально изменить положение, которое шерифы занимали до того времени.

На февраль 1259 г. был созван новый парламент, и 9 февраля он

---

[1] *Stubbs*, Select Charters, p. 398—400.

начал свою работу с рассмотрения целого ряда выработанных советом в соответствии с Оксфордскими провизиями предположений для улучшения права, обычая и судебной процедуры, имевших в виду устранить серьезные злоупотребления и дефекты, связанные с ними и особенно тяжело отражавшиеся на положении второстепенных держателей, вавассоров, страдавших от произвола своих сеньеров, крупных землевладельцев, и для этого надо было решительно урезать права этих последних в отношении к их держателям, прежде всего их судебные права. Опубликованный советом документ, так называемый «Providencia baronum Anglie anno regni regis Henrici III xl secundo. De sectis curiarum», дает ясное представление об этом. Более половины этого документа занимают параграфы, относящиеся к выполнению второстепенными держателями их повинности являться в феодальную курию их сеньера и вводящие эту повинность в точно определенные, более узкие рамки и тем весьма чувствительно ограничивающие судебные права магнатов. Неудивительно, что эти меры должны были вызвать сильную оппозицию со стороны более консервативно настроенных баронов, даже среди некоторых членов совета. Еще более враждебное отношение к себе должен был вызвать среди этих элементов баронства другой опубликованный Советом пятнадцати документ. Мы разумеем «Ordinationes facte per magnates de consilio Regis», изданные 28 марта этого (1259) года в форме королевского открытого приказа (letters patent), разосланного по всем графствам. Приказ этот доводил до всеобщего сведения и утверждал хартию, изданную Советом пятнадцати и Комитетом двенадцати (т. е. парламентом) от имени всего баронства и дающую обещание, что бароны будут соблюдать в отношении к своим держателям те же нормы права и те же постановления и распоряжения, какие они обязали соблюдать короля. Как король позволил произвести расследование и исправление несправедливостей, совершенных его агентами, так и бароны позволят королю, юстициарию и другим судьям исправить все несправедливости, которые ставятся в вину баронам или их должностным лицам (бэйлифам), обнаруженные процессом querelae, при условии, что все дела о свободном держании, о фрихолде будут разбираться по королевскому приказу (by writ) и в обычных местах согласно праву страны. Бароны обещали, что никто не подвергнется преследованию за выступление с жалобой против них или их бэйлифов. Эти последние должны были приносить присягу при вступлении в должность перед четырьмя рыцарями графства в полном собрании графства или перед другими, назначенными советом. Форма присяги тут же приведена в виде сокращенной присяги шерифов. Лорды иммунитетов должны принести присягу, что они, как и шерифы, ограничат число своих должностных лиц и урегулируют их поведение, будут назначать их лишь из людей, заслуживающих доверия, и будут ручаться, что они будут воздерживаться от всяких незаконных взиманий. Штраф с провинившегося бэйлифа, осужденного в курии своего лорда, поступает в пользу лорда.

Составленная еще 22 февраля эта хартия баронов была опубликована в форме королевского приказа лишь 28 марта. Объясняется это замедление жестокой борьбой, ею вызванной среди магнатов, между большинством их и реакционным меньшинством, возглавлявшимся эрлом Глостерским (Ричардом de Clare). Между Симоном де Монфором и эрлом Глостерским произошла бурная сцена. Монфор резко упрекал эрла Глостерского в неискренности и в сильном раздражении покинул собрание совета и удалился во Францию. Но оппозиция эрла Глостерского была сломлена внушительным выступлением влиятельных приверженцев дела реформы; он должен был помириться с Симоном де Монфором и согласиться поддержать баронскую хартию и тем выполнить данную им, как и другими, клятву поддерживать производимые советом реформы. Хартия была опубликована королем и, таким образом, получила обязательную силу закона, и копии ее на французском языке были разосланы по всем графствам для оповещения в судебных собраниях графств.

IV

Созванный в октябре 1259 г. в Уэстминстере парламент должен был сообщить окончательную форму целому ряду предположений, выработкой которых был занят Совет пятнадцати со времени своего избрания в 1258 г., и опубликовать их в виде закона и, таким образом, сделать их органической частью действующего английского права, а также принять ряд административных мер для проведения в жизнь обещаний, данных баронами в Ordinationes facte per magnates de Consilio Regis, что они будут соблюдать в отношении к своим держателям те же нормы права и те же постановления и распоряжения, какие они обязали соблюдать короля, и позволят королю, юстициарию и другим судьям исправить все несправедливости, совершенные ими и их должностными лицами в отношении к своим держателям и обнаруженные процессом querelae, подобно тому, как король позволил произвести расследование и исправление несправедливостей, произведенных шерифами и другими его агентами в графствах. Результатом деятельности этого парламента были так называемые *Уэстминстерские провизии*.

До последнего времени в исторической науке господствовал взгляд, что Уэстминстерские провизии представляют собою ряд постановлений, составленных и изданных октябрьским парламентом наспех, под давлением неожиданной и весьма внушительной демонстрации, устроенной по адресу баронов второстепенными держателями, вавассорами, землевладельцами не баронского ранга, рыцарями и свободными держателями графств. Взгляд этот основан на сообщении автора Бэртонской хроники, ни в каком другом источнике мы не находим об этом известий. По словам его, «в праздник св. Эдуарда (13 окт.) в Уэстминстере... община бакалавров Англии (communitas bacheleriae Angliae) заявила сеньеру Эдуарду, сыну короля, графу Глостерскому и другим присягавшим из со-

вета в Оксфорде (et aliis juratis de consilio apud Oxoniam), что государь король целиком сделал и выполнил (totaliter fecerat et adimplevit) все, что постановили и потребовали от него бароны (quae providerant barones et sibi imposuerant facienda), и что сами бароны ничего не сделали на пользу государства, как обещали, и имеют в виду только собственную выгоду и всевозможный ущерб королю (et quod ipsi barones nihil ad utilitatem reipublicae sicut promiserant fecerunt, nisi commodum proprium et damnum regis ubique), и что если это не изменится к лучшему (et quod nisi inde fieret emendatio), пусть реформы производятся иным порядком (alia ratio pactum reformaret). Сеньер Эдуард тотчас же ответил за себя, что хотя он и неохотно (etiam invitus) дал некую клятву в Оксфорде, тем не менее он готов добровольно выполнять эту клятву и умереть за общину Англии и для пользы государства согласно с тем, как клялись в Оксфорде (sed non propter hoc quin foret paratus ad praestandum sponte dictum juramentum, et ad exponendum se morti pro communitate Angliae et pro utilitate reipublicae secundum quod juratum exstitit apud Oxoniam), и решительно поставил на вид (et mandavit praecise) баронам из совета, дававшим клятву, что если они не исполнят этой своей клятвы, то он сам до смерти будет стоять за общину и добьется выполнения обещанного (ipse usque ad mortem staret cum communitate et promissa faceret adimpleri). Тогда только (tandem) бароны, видя, что лучше, если они сами выполнят свои обещания, а не кто-либо другой, опубликовали свои постановления (magis expedire promissa sua per seipsos adimpleri quam per alios, publice fecerunt provisiones suas promulgari)»[1]. Что Уэстминстерские провизии представляют собою органический законодательный итог всей той огромной, тщательной и разнообразной работы, которой был занят Совет пятнадцати в течение шестнадцати месяцев своего пребывания у власти, а не являются рядом положений, поспешно набросанных и опубликованных баронами, испуганными выступлениями «бакалавров», в настоящее время, после исследований Поуика и Джекоба, (Powicke, Jacob)[2], это уже не вызывает никаких сомнений. Сопоставление провизий с Петицией баронов 1258 г., с Providencia baronum и Ordinationes facte per magnates de consilio Regis 1259 г. делает это совершенно ясным. Тем не менее мы не можем игнорировать и известие, сообщенное автором Бэртонской хроники. Не отрицая факта выступления «общины бакалавров», мы в то же время не находим возможным придавать ему то значение, какое ему приписывали. Мы уже видели, какую оппозицию встречала реформаторская деятельность совета со стороны консервативно и эгоистично настроенных членов баронства и даже среди собственных своих членов, и с каким трудом удалось совету провести опубликование

[1] Ann. Burton, p. 471 (Select Charters, p. 332, 333).

[2] *F. M. Powicke*, Some Observations on the Baronial Council (1258—1260) and the Provision of Westminster; *E. F. Jacob*, Studies in the Period of Baronial reform and Rebellion, 1258—1267.

Providencia baronum и особенно Ordinationes. Весьма вероятно, что с той же оппозицией встретились реформаторы и на октябрьском парламенте, который должен был окончательно сделать законом то, против чего противники выступали, и в частности те меры, которые чувствительно ограничивали произвол баронов и их должностных лиц в отношении к их вассалам, второстепенным держателям рыцарского и простого фрихолдерского ранга, о чем говорили и Providencia baronum и Ordinationes. Эта обструкция, грозившая затормозить издание имевших такое большое значение для всех второстепенных держателей мероприятий, повидимому, и вызвала выступление «общины бакалавров», которое и сломило эту обструкцию и заставило враждебные делу реформы элементы согласиться на опубликование в окончательной форме закона тех положений, которые давно уже были выработаны советом, может быть, теперь сообщившим некоторым из них их последнюю форму[1].

Уэстминстерские провизии дошли до нас в нескольких редакциях, в различной мере неполных, на латинском и на французском языках. Сопоставление их дает, тем не менее, возможность реконструировать с достаточной полнотою работу октябрьского парламента. Напечатанный в Select Charters Стэббса латинский текст Уэстминстерских провизий представляет собой только часть их, посвященную реформе права и судебной процедуры. Один из новейших исследователей этой эпохи называет эти постановления октябрьского парламента «самым прочным памятником баронской революции». Несколько раз переизданные с небольшими дополнениями и изменениями (в 1263 и 1264 гг.), они вошли в состав из-

---

[1] *R. F. Treharne*, The Baronial Plan of Reform 1258—1263, 1932, p. 157—164. Неожиданно всплывшее на поверхность исторической жизни несколько загадочное выражение «communitas bacheleriae Angliae» в настоящее время, повидимому, уже не вызывает недоумений, хотя и нельзя сказать, чтобы все в нем стало ясным. «Bachelor» в этой связи, повидимому, прежде всего человек, находящийся при дворе короля или магната для обучения военному делу, будущий рыцарь, а затем и рыцарь, благодаря недостаточной значительности владений не имевший возможности самостоятельно выступать на поле брани и принужденный сражаться под знаменем какого-нибудь могущественного магната и ввиду этого включенный в штат его. Интересы бакалавров, несомненно, связывали их с вассорами (рыцарями и свободными держателями) графств. Слово «communitas» как будто наводит на мысль о чем-то вроде корпоративной организации среди «bachelors», но эта мысль не находит подтверждения в источниках. Можно предполагать, что автор *Бэртонской хроники*, у которого мы находим известие о выступлении на Уэстминстерском парламенте тех, кого он называет «communitas bacheleriae Angliae», не придавал строго технического смысла своему выражению и под «communitas» разумел то же, что разумеют *Оксфордские провизии* под «commun» (общиной), говоря о «commun» баронов, т. е. о всей совокупности баронства, а не какой-либо корпоративной организации среди них. Возможно, что находившиеся не в малом числе в Уэстминстере во время заседаний октябрьского парламента провинциальные рыцари, прибывшие сюда по разным делам частного и официального характера, могли подать мысль бакалаврам выступить против обструкции реакционных членов совета и поддержать их даже собственным участием в их выступлении.

данного Генрихом III в 1267 г. Марлбороского статута и, таким образом, стали органической частью английского права. Самая важная группа среди этих правовых (legal) постановлений должна была защитить более мелких землевладельцев от произвола крупных магнатов, их сеньеров, прежде всего в юрисдикционной области Статьи 1 и 2 точно определяют условия, при которых держатель обязан являться в курию своего сеньера для отбывания своей судебной повинности (secta curiae), и тем пресекают возможность для лорда требовать от своих держателей отбывания этой повинности по своему усмотрению. Статья 3 дает указания шерифу, как он должен поступать, когда сеньер требует от держателя отбывания этой повинности вопреки установленной норме. Статья 11 запрещает сеньеру накладывать арест на имущество своих держателей за пределами своего фьефа или на королевской, или общественной дорогах и тем незаконно расширять юрисдикцию своей феодальной курии. Статья 17 требует, чтобы шериф по получении жалобы от держателя на незаконное задержание его скота бэйлифами его сеньера с целью наложения ареста на его имущество распорядился, чтобы скот этот был возвращен его владельцу, невзирая на препятствия и протесты того, кто его задержал, даже если бы для этого нужно было войти на территорию иммунитета сеньера и встретиться здесь с протестами его бэйлифов. Статья эта устраняла одно из очень тяжело отражавшихся на положении мелких держателей проявлений сеньериального произвола. Статьи 16 и 18 непосредственно ограничивали феодальную юрисдикцию сеньера: первая из них постановляет, что впредь никто кроме короля не должен разбирать в своей курии дела о неправильном приговоре (de falso judicio), вынесенном в курии его держателей, так как этого рода дела специально принадлежат к короне и к сану короля (ad coronam specialiter pertinent et dignitatem regis), а вторая запрещает сеньеру заставлять своих держателей отвечать в его суде об их свободных держаниях (фрихолдах) без королевского приказа (breve, writ). Статьи 9 и 10 запрещают лордам удерживать в своих руках наследственные держания своих держателей, уже достигших совершеннолетия, и тем не допускать их к вступлению во владение ими.

Приведенные статьи, так определенно и резко направленные против магнатов, делают вполне понятной ту обструкцию, какую встретили Уэстминстерские провизии перед самым своим опубликованием октябрьским парламентом и какая была сломлена выступлением представителей обширного класса второстепенных держателей, в защиту интересов которых статьи эти были составлены. И не следует при этом забывать, что статьи, как и Уэстминстерские провизии, в целом были делом рук самого баронства в момент, когда власть в государстве была всецело в его руках. Выступая в 1258 г. против самодержавного произвола короля и его агентов в центре и в областях, бароны имели в виду не одни свои классовые интересы.

Остальные статьи той же категории, имеющие своей задачей внести изменения в право и в процесс, были изданы в интересах всех свободных королевства Англии. Так, статья 4 освобождала архиепископов, епископов, аббатов, приоров, графов, баронов, монахов и женщин от обязанности являться на собрания, устраиваемые шерифом во время объезда им графства (turnus vicecomitis), и тем избавляла их от штрафов за неявку; являться они должны лишь в тех случаях, когда их присутствие необходимо по какой-либо особой причине. Статья 13 предоставляет одному лишь юстициарию и разъездным судьям право налагать штраф за неявку на тех, к кому было направлено общее приглашение явиться на устраиваемые ими судебные собрания. Статья 21 постановляет, что впредь разъездные судьи (justitiarii itinerantes) во время своих разъездов (in itinere suo) не будут налагать штрафов на деревни (villatas) за то, что некоторые из жителей, достигших двенадцатилетнего возраста, не явились для участия в расследованиях, касающихся дел короны и устраиваемых шерифами и коронерами, если только из этих деревень явилось число людей, достаточное для того, чтобы такое расследование могло быть произведено во всей полноте. Статьи 6 и 7, 8, 15 имеют в виду реформировать работу и процедуру королевских судов. В частности статья 8 является ответом на пункт 28 Петиции баронов 1258 г., в котором бароны жалуются на то, что король так щедро раздает рыцарям грамоты, освобождающие их от несения обязанностей присяжных, что во многих графствах не могут производиться расследования по большой ассизе (magna assisa), из-за чего истцы не могут добиться правосудия, и вводит компромиссную норму: выданные королем грамоты остаются в силе, но владельцы их в случае надобности должны являться для участия в присяжных расследованиях. Статья 11 направлена против бэйлифов, укрывающихся от представления хозяйственного отчета своим лордам, и предоставляет шерифам, на территории графств которых они укрываются, право арестовывать и отправлять их к их лордам. Статья 20 запрещает арендаторам (firmarii) производить порубки в лесах, продажу домов или чего-либо иного, относящегося к арендуемым ими держаниям, а также сгонять сидящих на арендуемой ими земле людей под страхом возмещения собственнику полностью причиненных ему убытков. Статья 14 запрещает монахам (viris religiosis) приобретать у кого-либо фьеф (ingredi feodum alicujus) без разрешения лорда (capitalis domini), от которого непосредственно держал его отчудивший его.

Мы уже имели случай указать на то, что все эти статьи (всего их 24), составляющие содержание латинской части Уэстминстерских провизий[1], были уже формулированы, хотя еще и не в окончательной форме, в Providencia baronum и осуществляли требования баронов, предъявленные ими королю в своей петиции 1258 г[2].

[1] Она напечатана у Стэббса в его Select Charters, стр. 400—405.

[2] Текст *Петиции баронов* напечатан у Стэббса в Select Charters, стр. 382—387.

Французская часть Уэстминстерских провизий заключает в себе ряд самых разнообразных «постановлений» (establisement) для реформирования центральной и областной администрации и поднятия ее на уровень тех высоких требований бескорыстия и справедливости, какие предъявляли к ней ставшие во главе правительства бароны. Самая обширная и важная группа их занята учреждением комиссий для расследования деятельности должностных лиц и выполнения поручений чисто административного характера. Между прочим было постановлено, чтобы в ближайшую сессию разъездных судей вместе с профессиональными судьями участвовали по одному из членов совета и по одному представителю от баронства. Ряд постановлений вносит чрезвычайно важные изменения в положение шерифа графства, до тех пор представлявшего собой настоящего сатрапа, от произвола, грабежа и насилий которого страдали все группы населения подведомственного ему графства; назначался он по личному выбору короля в Палате казначейства обыкновенно из крупных магнатов, придворных фаворитов, королевских клерков и, завися от одного лишь короля, чувствовал себя во вверенном ему графстве вполне независимым и мог свободно давать волю своим инстинктам. Теперь должность шерифа становилась выборной. На текущий 1259/60 г. юстициарий, казначей и бароны Палаты шахматной доски должны были избрать подходящих шерифов из вассоров (второстепенных держателей), державших землю в данном графстве, но на следующий 1260/61 г. собрание каждого графства на своей сессии, ближайшей перед праздником св. Михаила (29 сентября) 1260 г., обязано было указать четырех человек, годных для занятия должности шерифа, а в день св. Михаила бароны Палаты шахматной доски должны были выбрать самого лучшего из каждых четырех и назначить шерифом в его собственном графстве. На практике четыре рыцаря сами стали избирать шерифа, а Палата шахматной доски лишь утверждала и назначала их избранника. Шериф избирался из рыцарей графства и лишь на один год и должен был давать отчет по окончании своего срока. Деятельность его ставилась под строгий контроль Палаты шахматной доски, и этот контроль должен был осуществляться, с одной стороны, специальными разъездами судей, в которых наряду с профессиональным судьей должны были принимать участие по одному члену Совета пятнадцати и по одному члену Комитета двенадцати или какому-нибудь другому представителю общины (т. е. баронов), а с другой—постоянной комиссией из четырех рыцарей, учреждаемой в каждом графстве для восполнения работы разъездных судей, для приема и регистрации жалоб местного населения на шерифа и других должностных лиц короны, а также на магнатов и их бэйлифов, которые будут возникать в течение семи лет, следующих за окончанием разъезда судей, назначенного парламентом на ближайшее время. Жалобы эти (querelae) будут рассматриваться юстициарием, по крайней мере, раз в год, и он будет выносить по ним решения с помощью упрощенной про-

цедуры, без королевского приказа (breve, writ). «Там, где разъездные судьи были недавно во время своего разъезда,—читаем мы во французском тексте Уэстминстерских провизий, сохраненном нам в Бэртонских анналах,—будут назначены испытанные и мудрые люди (prodes homes et sages), чтобы слушать и расследовать все жалобы, которые могут быть решены без королевского приказа, в течение ближайших семи лет, так что если кто не представил жалобы до семи лет и не добивался восстановления своего права, то чтобы он мог восстановить свое право. И пусть они имеют право производить расследования о шерифах и их бэйлифах, о том, как они вели себя в отношении к своим округам со времени создания провизий. И пусть они производят расследования и о бэйлифах богатых людей страны, и о самих богатых людях»[1]. Постановлено, читаем мы в другом параграфе, «чтобы в каждом графстве было назначено по четыре рыцаря, чтобы наблюдать неправды, которые делают шерифы. И если случится, что они совершат неправду, пусть эти четыре предупредят шерифов, что они должны исправить ее. И если они не пожелают исправить ее, пусть они внесут совершенные неправды в список и покажут их юстициарию в конце года, когда он спросит о них, или раньше, если он спросит о них, и если окажется, что жалующиеся, которым была причинена неправда, пожелают, чтобы их жалобам был дан законный ход. Но эти четыре рыцаря не имеют права затруднять шерифам выполнение ими их служебных обязанностей[2].

V

Уэстминстерские провизии немедленно же стали проводиться в жизнь, и в центре и на местах закипела работа, вносившая в жизнь страны необычайное оживление, захватившее все классы английского общества, особенно те, которые больше всего страдали от тирании королевских чиновников и, может быть, еще больше от произвола и насилий служебного персонала феодальных владельцев и теперь видели, что новая власть решительно принялась за насаждение новых порядков, которые должны были положить конец всему этому. «Англия,—говорит современник этих событий,—которая долго страдала от несправедливости и тирании многих как бы королей, в этом году начала дышать давно желанными реформами, точно новый дух справедливости поднялся в ней»[3]. Тот же современник дает самый восторженный отзыв о деятельности юстициария Гуго Биго и его коллег. Биго является для него достойным величайшего доверия. Он объезжал страну «из графства в графство, из вотчины в вотчину, чтобы оказать всем справедливость по их заслугам».

Всколыхнув все слои общества, реформаторская деятельность временного правительства, созданного переворотом 1258 г., осо-

[1] Ann. Burton (Select Charters), p. 476.
[2] Ibid., 477, 478.
[3] Flor. Hist., II (Select Charters), p. 439.

бенно подняла дух тогдашнего среднего класса, землевладельцев средней руки, рыцарей и свободных держателей графств, так неожиданно заявивших о себе выступлением «общины бакалавров», и способствовала пробуждению в нем политического самосознания, тем более, что именно этот класс стал в центре внимания баронов, ставших во главе управления, которые не только имели в виду прежде всего его интересы, так сильно страдавшие от произвола и насилий королевской и феодальной администрации, но и привлекали его к деятельному и широкому участию в своей преобразовательной работе, отводя его представителям видную и важную роль в проведении реформ на местах. С ним уже нужно было считаться всякой политической комбинации, и уже не далек был тот час, когда его представители должны были войти органической частью в состав высшего учреждения в государстве.

О степени политической сознательности этой джентри XIII в. мы отчасти можем судить по одному, несомненно, популярному в средних кругах английского общества той поры поэтическому произведению. Мы разумеем латинскую поэму «Битва при Льюисе», написанную вскоре после этой битвы (1264 г.) и выражающую взгляды и настроение тех общественных элементов, интересы которых нашли своего защитника в лице графа Лестерского. Мы остановимся на той части этой пространной поэмы, где излагаются политические воззрения неизвестного автора, разделяемые им с той публикой, для которой он писал ее.

Коренную причину борьбы, свидетелем которой он был, автор видит в том, что король желает править совершенно свободно, сообразуясь со своей только волей. Только так царствовать и значит царствовать в истинном смысле этого слова, говорят друзья короля. Воля короля есть закон. Король в данном случае поступает так же, как имеет право поступать и всякий крупный барон в отношении к своей собственности. Если барон дурно распоряжается своей собственностью, то сам он терпит и убыток, и никто не вмешивается в его дела. Король только хочет, чтобы и ему была предоставлена такая же свобода, которой к тому же располагали его предшественники. Поэтому бароны не имеют права вмешиваться в назначение на высшие должности или в дело охраны замков и в иные дела, касающиеся исключительно одного лишь короля.

На это бароны отвечают, что они обязаны в равной мере защищать королевство и от внешних нападений, и от еще более опасных внутренних врагов. Изгоняя дурных советников короля, они выступают не против короля, а против его злейших врагов. Те, кто руководит королем в своих эгоистических интересах, кто опустошает и разоряет королевство, вводя иностранцев и вытесняя местную знать, делают столько же вреда стране, как и те, кто нападает на нее с оружием в руках. Сам ли король действует злонамеренно или же под влиянием дурных советов,—и в том, и в другом случае бароны одинаково обязаны выступать на защиту своей страны.

Король не выше закона. Он спрашивает: «Почему я должен быть ограничен в выборе должностных лиц, с помощью которых я правлю?» На это ему отвечает автор поэмы, что истинная свобода не есть совершенно неограниченная свобода. «Не всякое ограничение устраняет свободу, не всякое принуждение отнимает власть». Закон, ограничивающий королевскую власть, не умаляет ее, не порабощает ее, но возвышает достоинство короля[1]. Не считается в боге бессилием, что он не может грешить; наоборот, в этом его высочайшее могущество, великая слава и великая власть[2]. «И король может делать все, что хорошо, но не может делать дурного. И это дар божий. Те, кто оберегает короля от искушений грешить, сами служат королю, и он должен быть благодарен им за то, что они освобождают его от опасности стать рабом»[3]. Так как его народ есть народ божий, вверенный ему богом, то он должен любить его и помогать ему. «Если король будет любить, то и его будут любить; если он будет справедливо править, его будут почитать; если король свернет на ложный путь, его должны вернуть на прежний путь те, кого он угнетал несправедливо, и лишить его власти, если он не пожелает исправиться; если же пожелает, они должны поднять его и помочь ему»[4]. «Между государем и подданными должна быть взаимная зависимость. Пусть государь так царствует, чтобы у него никогда не являлось желания не обращаться к своим подданным. Государь, который захочет освободиться от зависимости от своих подданных, увидит результат этого в своей погибели. Король не может сам выбирать себе советников. Если он станет выбирать их один, он легко ошибется. Поэтому ему необходимо посоветоваться с общиной королевства и узнать, что думает об этом все общество, которому собственные его законы более всего известны. Люди, прибывшие из областей, не такие идиоты, чтобы лучше других не знать нравов своей страны, оставляемых пред-

---

[1] «Non omnis arctatio privat libertatem,
Nec omnis districtio tollit potestatem.
Ad quid vult libera lex reges arctari?
Ne possint adultera lege maculari.
Et haec coarctatio non est servitutis,
Sed est ampliatio regiae virtutis».

[2] «Omnium principium non potest peccare;
Non est impotentia, sed summa potestas,
Magna Dei gloria magnaque majestas».

[3] «Ergo regi libeat omne quod est bonum,
Sed malum non audeat; hoc est Dei donum.
Qui regem custodiunt ne peccet temptatus,
Ipsi regi serviunt, quibus esse gratus
Sit, quod ipsum liberant ne sit servus factus».

[4] «Si princeps amaverit, debet reamari;
Si recte regnaverit, debet honorari;
Si princeps erraverit, debet revocari,
Ab hiis, quos gravaverit injuste, negari,
Nisi vellit corrigi; si vult emendari,
Debet ab his erigi simul et juvari».

ками потомкам»[1]. Вот от таких-то людей и можно собрать сведения о том, что касается всей общины, а также и о том, кого по справедливости следут избрать в советники для пользы королевства; и тогда те, которые захотят, сумеют и будут в состоянии принести пользу государству, пусть и будут сделаны советниками и помощниками короля[2]. «Напрасно король думает, что всякий барон может совершенно свободно распоряжаться своей собственностью, и требует и для себя такой же свободы. И барон не может злоупотреблять своей собственностью и разорять ее: ведь от этого страдает все королевство, и поэтому барону не предоставлена такая свобода. Никто не может поступать исключительно так, как он хочет: над всеми есть власть, и самая высшая власть принадлежит всей общине и выражается в законе. Не приличествует называться свободой той свободе, которая позволяет глупым властвовать неразумно: свобода должна быть ограничена пределами права, и если пределы эти нарушены, она должна быть признана заблуждением»[3]. Король не может изменить закон. Часто говорят: «воля короля—закон». Но истина иное говорит, потому что король падает, закон остается[4]. Король должен помнить, что он призван править не для собственной выгоды, а для блага других. Если он действительно любит свой народ, он будет обо всем сообщать своим советникам и будет обо всем советоваться с ними, как бы мудр он ни был, для того, чтобы все были единомышленны, как учил этому своих учеников Христос.

Из всего этого следует такой вывод: магнаты королевства обязаны наблюдать за управлением королевства и за охранением мира, а также за тем, чтобы король имел вокруг себя в качестве советников и высших сановников природных англичан, а не пришельцев и фаворитов, которые оттесняют других и нарушают добрые обычаи королевства[5].

---

[1] «Si solus (rex) elegerit, facile falletur,
Utilis qui fuerit a quo nescietur.
Igitur communitas regni consulatur,
Et quid universitas sentiat sciatur,
Cui leges propriae maxime sunt notae.
Nec cuncti provinciae sic sunt idiotae,
Quin sciant plus caeteris regni sui mores,
Quos relinquunt posteris hi qui sunt propriores».

[2] «Ex hiis potest colligi quod communitatem
Tangit quales eligi ad utilitatem
Regni recte debeant; qui velint et sciant
Et prodesse valeant, tales regis fiant
Et consiliarii et coadjutores».

[3] «Nec libertas proprie debet nominari,
Quae permittit inscie stultos dominari:
Sed libertas finibus juris limitetur,
Spretisque militibus error reputetur».

[4] «Dicitur vulgaritur, «ut rex vult, lex vadit»;
Veritas vult aliter, nam lex stat, rex cadit».

[5] «Ex praedictis omnibus poterit liquere,
Quod regem (?) magnatibus incumbit videre

Закон, как выражение общественного сознания, и король, ограниченный законом, правящий для блага общества, окруженный советниками, указанными ему обществом, и созывающий представителей общества, этого носителя высшей власти в государстве,— вот в двух словах сущность политической теории приверженцев Симона де Монфора. Нельзя сказать, чтобы эта теория была совершенно чужда творцам конституции 1258 г. Для них было весьма существенным, чтобы королевские советники и высшие сановники в государстве были выборными, а не назначались всецело королем в силу его собственной власти. Можно было бы и еще указать пункты, сближающие политические идеи баронов с политической доктриной, развиваемой автором рассмотренной нами поэмы. И тем не менее политическое понимание автора поэмы несравненно шире и глубже. Он считает необходимым, чтобы советниками короля были действительно избранники общины, выразители ее интересов, а не узкой, следовательно, группы—верхнего слоя общества, и чтобы король советовался также и с самой общиной в лице ее представителей из разных областей страны. Этот последний пункт не развит автором, но совершенно ясным комментарием к нему служат дальнейшие события, последовавшие за битвой при Льюисе, как это мы скоро увидим в своем месте, и у нас не остается сомнений,что автор имеет в виду настоящее представительство, как оно и осуществилось вскоре после этого, когда в парламент стали приглашать выборных представителей от графств и городов, т. е. представителей всей свободной общины без различия ее социальных элементов.

VI

Реформаторская деятельность временного правительства, успевшего в течение сравнительно очень короткого времени, каких-нибудь восемнадцати месяцев, так много сделать для осуществления своих в широком масштабе намеченных преобразований, уже с самого своего начала наталкивалась на сопротивление со стороны своих собственных членов, находивших, несомненно, поддержку среди более консервативно и эгоистично настроенных элементов «общины» баронов, далеко не расположенных сочувствовать мероприятиям Совета пятнадцати и комитета двенадцати, направленным к решительному ограничению их феодального произвола. До поры до времени сопротивление это удавалось преодолеть, пока оно не выходило за пределы сравнительно узкого круга правящей группы. Но уже в следующем 1260 г. оно вышло за эти пределы.

Quae regni conveniant gubernationi,
Et pacis expediant conservationi;
Et quod rex indigenas sibi laterales,
Habeat, non advenas, negue speciales,
Vel consiliares vel regni majores,
Qui supplantunt alios atque bonos mores».

Все эти цитаты взяты нами из отрывков поэмы, напечатанных Prothero в приложении к его книге «The life of Simon de Montfort», p. 375—378.

Совершенно лишенный всякой реальной власти король и его ближайшие приспешники зорко следили за несогласиями среди взявших в свои руки его власть правителей, чтобы использовать их в своих собственных интересах, раздувая эти несогласия и организуя силы для наступления на врага. Операционной базой был избран двор французского короля Людовика IX Святого, куда в ноябре 1259 г. после окончания сессии октябрьского парламента отправился Генрих III в сопровождении части совета из более реакционно настроенных его членов с герцогом Глостерским во главе, и где он пробыл до апреля следующего 1260 г. (потом он еще не один раз ездил туда), искусными интригами постепенно внося в партию реформ полное разложение. Страна определенно разделилась на два лагеря. Наступила тревожная пора. Можно было с минуты на минуту ждать вооруженного столкновения. И оно не заставило себя долго ждать.

В 1262 г. папа прислал королю разрешение от данной им в 1258 г. клятвы соблюдать Оксфордские провизии, а к лету 1263 г., получив от короля отказ подтвердить провизии, Симон де Монфор начал против короля военные действия. К концу года решено было передать дело третейскому суду французского короля, знаменитого Людовика IX Святого. Приговор Людовика (так называемая Амьенская миза, the Mise of Amiens), произнесенный им 23 января 1264 г., решил дело в пользу Генриха. Людовик объявил Оксфордские провизии и все основанные на них распоряжения, статуты и обязательства не имеющими силы как унижающие право и честь короля, вызывающие смуту в королевстве, ведущие к угнетению и разорению церквей и наносящие величайший ущерб как церковникам, так и мирянам, как туземцам, так и иностранцам[1]; поэтому королю должны быть возвращены баронами замки, переданные королем этим последним в 1258 г., и король может распоряжаться ими так, как он делал это до 1258 г.; королю предоставляется затем право назначать и смещать исключительно по своей воле (pro suae libito voluntatis) верховного юстициария, канцлера, казначея, советников, младших юстициариев, шерифов и всяких других должностных лиц, как он делал это до Оксфордских провизий; отменялось постановление, изгонявшее иностранцев и требовавшее, чтобы «впредь английское королевство управлялось прирожденными англичанами», и иностранцам вновь разрешалось жить в Англии, а королю предоставлялось право звать в свой совет как туземцев, так и иноземцев, как он делал это прежде; королю возвращалась вся полнота его власти и свобода в управлении, как это было до Оксфордских провизий. Отменяя Оксфорд-

---

[1] «...attendentes per provisiones, ordinationes, statuta et obligationes Oxonienses, et per ea quae ex eis et occasione eorum subsecuta sunt, juri et honori regio plurimum fuisse detractum, regni turbationem, ecclesiarum depressionem et depraedationem, et aliis personis ipsius regni, ecclesiasticis et saecularibus, indigenis et alienigenis, gravissima dispendia provenisse...» Select Charters, p. 408.

ские провизии и все на них основанное, Людовик объявлял неприкосновенными все хартии, привилегии, статуты и достойные похвалы обычаи королевства Англии, бывшие до времени провизий. В заключение постановлялось, что король и бароны должны оставить всякую вражду друг к другу и впредь не причинять друг другу никаких утеснений и обид на почве отменяемых теперь провизий.

Заключение это можно было бы принять за иронию, если бы мы не были вполне уверены, что этот совершенно официальный документ, часть которого оно составляет, весьма далек от подобного настроения. Нужно было не иметь ни малейшего представления об английских делах, об истинном характере происходившей в английском обществе политической борьбы и об ее действительных причинах, чтобы серьезно думать, что отмена Оксфордских провизий, восстановление самодержавного произвола короля и его администрации и возвращение всем ненавистных иностранных фаворитов, одним словом, возврат к тем политическим условиям, которые с необходимостью вызвали революцию 1258 г., может обеспечить стране внутренний мир и внести согласие во все сердца. Неудивительно, что третейский приговор святого короля никого не удовлетворил (кроме, конечно, Генриха III и его приверженцев) и вызвал раздражение даже среди самых умеренных. Большинство баронов, почти весь средний класс Англии («fere omnis communa mediocris regni Angliae») и в особенности жители Лондона и Пяти Портов не признали этого приговора, и опять началась война.

17 мая 1264 г. произошла битва при Льюисе, в которой войска короля были разбиты армией Симона де Монфора, а сам король с наследником престола Эдуардом и главными своими приверженцами был взят в плен победителями. Достойно внимания, что в рядах армии Монфора сражались с королевскими войсками студенты Оксфордского университета, незадолго перед тем временно закрытого Генрихом ввиду несомненных симпатий и учащихся, и учащих этой тогда уже знаменитой школы к делу свободы. Побежденные должны были принять предложенную им победителями капитуляцию, так называемую Льюисскую мизу, намечавшую общие принципы, согласно которым должно впредь вестись управление страною, и назначавшую комиссию третейских судей для решения важнейших вопросов, из-за которых велась борьба. Фактическим главою государства стал Симон де Монфор и немедленно же принялся за выработку новой конституции. В начале июня от имени короля были разосланы приказы, назначавшие в каждом графстве особых охранителей мира (custodes pacis nostrae) и предписывавшие им распорядиться, чтоб в каждом графстве были выбраны собранием графства четыре рыцаря и присланы к 22 июня в Лондон для присутствования вместе с прелатами и магнатами королевства в парламенте, который будет трактовать о делах короля и королевства. Парламент этот и составил новую конституцию, которая должна была оставаться

в силе до конца царствования Генриха и некоторое время и при его преемнике. Вот ее основные черты.

«Для реформирования состояния королевства Англии должны быть избраны и назначены трое честных и верных из королевства, которые будут иметь от государя короля право и власть избрать или назначить, вместо самого государя короля, девять советников; из них поочередно по меньшей мере трое должны всегда находиться при дворе; и по совету этих девяти король будет издавать повеления и распоряжения об охране замков и о всех других делах королевства; по совету же этих девяти будет государь король назначать юстициария, канцлера, казначея и других должностных лиц, старших и младших, ведающих то, что относится до управления дворцом и королевством. Первые избиратели (electores sive nominatores) принесут клятву, что согласно своей совести выберут или назначат советников, в которых они будут убеждены как в людях, полезных и верных чести бога и церкви, государю королю и королевству. И советники, а также все должностные лица, старшие и младшие, при своем назначении принесут клятву, что по мере сил будут добросовестно исполнять свои обязанности к чести божьей и церкви и на пользу государя короля и королевства, без всякого иного вознаграждения, кроме съестного и питья, какие обыкновенно подаются к столу»[1]. Удалять тех или иных членов совета и назначать на их место других король может лишь по совету трех избирателей, а удалять и замещать должностных лиц, старших и младших, он может по совету девяти советников. В случае отсутствия единогласия как среди избирателей, так и в совете девяти дела решаются большинством двух третей голосов. Назначение преемников или заместителей избирателей принадлежит королю, прелатам и баронам («dominus rex per consilium communitatis praelatorum et baronum, alios vel alium substituat»). «Ордонанс (ordinatio) этот составлен в Лондоне с согласия, по желанию и повелению государя короля, а также прелатов, баронов и общины, здесь тогда присутствовавшей». И три избирателя, и члены совета, и охранители замков,

---

[1] «*Forma regiminis domini regis et regni*. Ad reformationem status regni Angliae eligantur et nominentur tres discreti et fideles de regno, qui habeant autoritatem et potestatem a domino rege eligendi seu nominandi, vice domini regis, conciliarios novem; tres ad minus alternatim seu vicissim semper sint in curia praesentes; et dominus rex per consilium eorundem novem, ordinet et disponat de custodia castrorum et omnibus aliis regni negotiis: praeficiat etiam dominus rex per consilium praedictorum novem, justitiarum, cancellarium, thesaurarium, et alios officiales majores et minores in hiis quae spectant ad regimen curiae et regni. Jurabunt autem primi electores sive nominatores quod secundum conscientiam suam eligent vel nominabunt consiliarios quos credent honori Dei et ecclesiae, domino regi et regno, utiles et fideles. Consiliarii quoque ac omnes officiales, majores et minores, in sua creatione jurabunt quod officia sua pro posse suo, ad honorem Dei et ecclesiae et ad utilitatem domini regis et regni, absque munere, praeter esculenta et poculenta quae communiter in mensis praesentari solent, fideliter exsequentur...», Select Charters, p. 413.

и все другие должностные лица всегда должны быть прирожденные англичане. Но иностранцам и, в частности, купцам разрешается мирно приезжать в Англию и жить в ней. В качестве избирателей оказались графы Лестерский (Симон де Монфор) и Глостерский (сын умершего в 1262 г. главы олигархов) и епископ честерский Стефан Беркстед, причем главная роль принадлежала, конечно, графу Лестерскому.

Как далеки были взгляды Симона де Монфора и его соратников от узости авторов конституции 1258 г. показывает и дальнейшая деятельность протектора. Весь смысл руководимой Симоном партии и заключался в том, что она представляла интересы широких кругов свободного населения Англии, так определенно заявивших о себе с 1259 г. («communitas bacheleriae Angliae»). Как мы только что видели, конституция 1264 г. была выработана в парламенте, в котором на равных правах со светскими и духовными баронами присутствовала и «община»; «ордонанс» этот был составлен в этом парламенте «с согласия, по желанию и повелению» «общины» в такой же мере, как и короля, прелатов и баронов. Протектор считал необходимым самое деятельное участие «общины» в политической жизни. Призывая ее к этой жизни, приглашая ее выборных в парламент, он этим как раз и разрешал ту политическую задачу, которая была намечена всем своеобразным ходом политического развития Англии и теперь окончательно созрела.

Если в парламенте, вырабатывавшем и санкционировавшем конституцию 1264 г., «община» присутствовала в лице четырех выборных представителей от каждого графства, «четырех из самых полноправных и самых уважаемых рыцарей» графства («quatuor de legalioribus et discretioribus militibus dicti comitatus, per assensum ejusdem comitatus ad hoc electos»), то в парламенте, созванном Монфором от имени короля в следующем (1265) году «община» была представлена еще полнее. В этот парламент, который должен был заняться делом дальнейшего умиротворения страны и установления в ней порядка, были приглашены далеко не все бароны и епископы, но лишь те из них, кто принадлежал к приверженцам Симона де Монфора и его дела. Получили приглашение всего лишь один архиепископ, двенадцать епископов, пять графов (earls) и 18 баронов (потом к ним было присоединено еще десять баронов). Но зато сюда пригласили 105 аббатов, приоров и деканов и магистров двух рыцарских орденов (тамплиеров и иоаннитов), по два рыцаря от каждого графства («duos milites de legalioribus, probioribus et discretioribus militibus singulorum comitatuum») и по два представителя от городов Йорка, Линкольна и «прочих городов Англии» («duos de discretioribus, legalioribus et probioribus tam civibus quam burgensibus»), а также от «баронов и уважаемых людей пяти портов» (baronibus et probis hominibus Quinque Portuum). Это и были как раз те общественные элементы, которые давно уже стучались в двери парламента, и заслуга Симона де

Монфора и заключалась в том, что он открыл им эти двери, как только власть оказалась у него в руках.

Симону недолго пришлось пользоваться этой властью: парламент заседал с 20 января до двадцатых чисел марта, а 4 августа уже происходила возле Ивзэма (Evesham) решительная битва между роялистами и приверженцами Монфора, в которой Симон был убит, а войско его потерпело полное поражение. Со смертью Монфора прекратил свое существование и созданный парламентом 1264 г. политический порядок, и был восстановлен прежний порядок, как он существовал до революции 1258 г. В этом смысле был издан королем 31 октября 1266 г. ордонанс, так называемый «Dictum de Kenilworth», выработанный комиссией из четырех епископов и восьми баронов в парламенте возле Кенилуорзса и представлявший собою условия мира, предложенные королем продолжавшим борьбу приверженцам Симона де Монфора. Ордонанс восстановлял короля во всей полноте его власти, с которой снимались теперь все ограничения как противоречащие законам и давним обычаям королевства и унижающие королевское достоинство, и всем людям королевства, как младшим, так и старшим, предписывал оказывать полное повиновение королю и его законным приказам и повелениям[1], возвращал королю все принадлежавшие короне владения и всякие иные права, перешедшие в другие руки во время предшествовавших неурядиц[2], объявлял недействительными все грамоты, обязательства и другие документы, изданные и выданные королем, сыном его Эдуардом «или другими верными» «по поводу Оксфордских провизий или по поводу бывшего в королевстве замешательства по настоянию Симона де Монфора графа Лестерского и его сообщников», равно как и акты и договоры о недвижимости, исходившие от самого Симона и его сообщников, «вредные и предосудительные»[3], и запрещал считать Симона де

---

[1] «1. Dicimus et providimus quod serenissimus princeps dominus Henricus rex Angliae illustris dominium suum, auctoritatem et regiam potestatem habeat, plenarie obtineat, et libere exerceat sine cujuscunque impedimento vel contradictione per quam contra jura approbata et leges ac regni consuetudines diu obtentas, dignitas regia offendatur; atque ab universis et singulis majoribus et minoribus ipsius regni hominibus, ipsi domino regi et mandatis ac praeceptis suis licitis plene obediatur et humiliter intendatur. Et omnes et singuli per brevia ad curiam domini regis justitiam petant et in justitia respondeant, sicut ante tempus hujus turbationis hactenus fieri consuevit». Select Charters, p. 419.

[2] «6. Dicimus etiam et providemus ut omnia loca, jura, res et alia ad coronam regiam pertinentia, ipsi coronae et domino regi restituantur, per eos qui eas deteinent occupata, nisi ostendant se illa per rationabilem warantiam ab ib ipso domino rege vel as suis antecessoribus possidere», p. 420.

[3] «7. Dicimus etiam et providemus quod universa scripta, obligationes et instrumenta, quae praefatus dominus rex, vel dominus Edwardus ejus primogenitus, vel allii fideles fecerint, seu exposuerint hactenus, occasione provisionum Oxoniae vel occasione turbationis in regno habito, ad instantiam quondam Simonis de Monteforti, comitis Leycestriae, et suorum complicium, penitus adnihilentur et cassentur, et pro cassis et pro nullis penitus habeantur. Facta etiam dicti Simonis et complicium suorum praejudicialia et damnosa

Монфора, умершего отлученным от церкви, святым или праведником и распространять слухи о совершаемых им после смерти чудесах.[1] В то же время Dictum de Kenilworth гарантирует соблюдение королем грамот и вольностей, соблюдать которые король обязался добровольно данной клятвой, и оставляет в силе добровольно сделанные королем пожалования. Может быть, с целью снискать для короля расположение церкви, стоявшей на стороне графа Симона и его дела, ордонанс специально гарантирует церковные вольности, постановляя, что «и английская церковь восстановляется в своих вольностях и обычаях, которые она имела и должна была иметь до времени этого замешательства, и ей позволяется свободно ими пользоваться». Почти все остальные параграфы этого обширного документа заняты условиями, на каких опять возвращаются под защиту закона приверженцы Симона де Монфора и им, «лишенным наследства» (exhaeredati), возвращаются конфискованные у них владения.

Борьба еще некоторое время продолжалась, но к осени следующего (1267) года она уже кончилась, и созванный королем в Марлборо (в ноябре) парламент, куда были приглашены и представители от графств, как бы подвел итоги всей эпохе ожесточенной борьбы. Парламент вновь издал, с некоторыми пропусками, Уэстминстерские провизии 1259 г. (их латинскую часть), так что этот Марлбороский статут сделал законом королевства почти все то, о чем подавали королю петицию бароны на Бешеном парламенте 1258 г., если исключить назначение высших сановников и шерифов, оставлявшееся в руках короля.

Результат этот очень назидателен. Очевидно, жизнь далеко ушла вперед за эти бурные десять лет, если то, чего с оружием в руках не могли добиться поднявшие борьбу против королевского деспотизма бароны, теперь возводится в закон самой королевской властью в момент полного торжества ее над всеми своими врагами. Это был самый критический момент в процессе политического роста, когда до тех пор находившиеся как бы в связанном состоянии постепенно возраставшие силы общественного организма сразу прорвались через сковывавшие их исторические рамки, ища новых, более свободных, уже более соответствующих им путей. Удержать эти силы в их прежних рамках, упорно отстаивать самодержавный режим, представлявший собой естественный политический результат того взаимоотношения общественных элементов, какое сложилось в английском обществе с момента Нор-

---

et contractus super rebus immobilibus ab eis facti dum essent in suo potentatu, adnihilentur et pro nullis habeantur». Select Charters, p. 420.

[1] «8. Rogantes humiliter tam dominum legatum quam dominum regem ut ipse dominus legatus sub districtione ecclesiastica prorsus inhibeat, ne Simon comes Leycestriae a quocunque pro sancto vel justo reputetur, cum in excommunicatione sit defunctus, sicut sancta tenet ecclesia; et mirabilia de eo vana et fatua ab aliquidus relata nullis unquam labiis proferatur; et dominus rex haec eadem sub poena corporali velit districte inhibere». Select Charters, p. 420—421.

мандского завоевания, но теперь уже не выражавший нового социального взаимоотношения, не было никакой возможности.

Конституция 1258 г., по внешности олигархическая, но с далеко не олигархическими задачами, которые она себе ставила и осуществляла, привлекала к активному участию в политической жизни страны широкие слои населения. Совет пятнадцати и комитет двенадцати действовали в тесном и живом контакте со всей баронской массой («общиной» баронов), уполномоченными которой они себя считали, и, что особенно надо подчеркнуть в этой связи, призвали к отправлению политических функций еще более широкий слой среднего землевладельческого класса, рыцарей и свободных держателей (фрихолдеров) графств, отведя им очень важную и ответственную роль в местном управлении.

Конституция 1264 г. пошла еще дальше. Правда, здесь мы имеем дело всего лишь с коротеньким наброском нового политического строя, с самыми общими контурами его. Это была скорее общая программа будущей конституции, чем сама конституция. Симон де Монфор и его партия очень недолго были у власти, чтобы основные черты этой конституции вполне определились; но и то немногое, что ему удалось сделать за это короткое время, не оставляет сомнения, что он был на высоте поставленной жизнью широкой политической задачи и имел в виду открыть дверь к власти истинному источнику и носителю всякой власти в обществе, как учила исповедывавшаяся им политическая доктрина, развитая в латинской поэме о Льюисской битве,—самому обществу в лице выборных представителей от графств и городов, разрешающих важнейшие дела в государстве совместно с светскими и духовными магнатами королевства. В этом отношении конституция Симона де Монфора была вполне реальной комбинацией, навязанной ему самой жизнью, истинное направление которой он вполне верно угадал. Симон де Монфор лишь дал соответствующее политическое выражение к его времени окончательно определившемуся взаимоотношению общественных сил Англии, очутившись в положении полновластного главы государства и получив, таким образом, возможность свободно действовать так, как того требовали исповедываемые им политические принципы, представлявшие собою лишь теоретическое развитие истинных тенденций современной ему общественной действительности и прежде всего тех ее элементов, интересы которых он представлял. Не будь Симона де Монфора, политическое развитие пошло бы по тому же, конечно, направлению, потому что направление это было определено всей своеобразной комбинацией условий общественной эволюции Англии; ближайшая история это вполне показала, когда восторжествовавшая над всеми своими врагами королевская власть, имевшая полную возможность устранить все, сделанное в эпоху торжества ее врагов, не только не упразднила введенной Монфором практики приглашения в парламент выборных представителей от графств и от городов, но окончательно ввела ее в жизнь, не будучи в состоянии без содей-

ствия «общины» разрешать ставимые жизнью все более и более осложнявшиеся государственные задачи.

Но если в этом отношении деятельность Симона де Монфора органически связана с политическим развитием английского общества, то зато другие стороны выработанной под его руководством конституции обречены были на эфемерное существование. Разумею полное ограничение королевской власти с помощью трех избирателей и девяти советников, назначаемых королем по указанию этих избирателей и в свою очередь указывающих королю лиц для замещения высших должностей в управлении. Для того, чтобы подобная система могла стать сколько-нибудь прочной политической формой, требовалась наличность таких условий, которых еще не было в Англии, еще очень далекой от устойчивого равновесия согласно действующих на общей политической почве общественных сил. Общественные силы Англии были еще слишком индивидуальны и во многом прямо еще враждебны друг другу; им еще редко приходилось совместно действовать на широкой политической арене; трение между ними было еще слишком велико, чтобы могла удержаться политическая форма, более всякой другой требовавшая сознательной солидарности общественных сил хотя бы в чисто политической сфере. Пока власть была в руках Монфора и его партии, о такой солидарности можно еще было говорить, имея, конечно, в виду исключительно те общественные элементы, интересы которых представляли Монфор и его соратники. Но еще большой вопрос, в какой мере была прочна и эта солидарность. Граф Симон слишком скоро сошел со сцены, чтобы можно было сказать что-нибудь определенное по этому вопросу; так что мы не имеем основания быть уверенными, что созданная после Льюисской победы политическая система продолжалась бы долго и при более продолжительном и более прочном господстве ее творцов. Между тем господство это носило слишком исключительный характер, чтобы ему можно было рассчитывать на какую бы то ни было прочность. Так же временна и эфемерна должна была оказаться и созданная им политическая форма. Английскому народу предстояло еще много опытов и испытаний, прежде чем ему удалось поставить королевскую власть в те рамки, какие ей указывала конституция 1264 г., этот скороспелый плод исключительных условий, так часто в истории человеческих обществ порождающих такие идейные комбинации, которые находят свое осуществление лишь долго спустя после своего появления и в глазах людей с мистическим складом мысли представляются пророчеством политического ясновидца.

VII

Глухая и совершенно открытая борьба, наполняющая почти все более чем пятидесятилетнее царствование Генриха III, не прошла для Англии бесплодно. Она вскрыла и выяснила удель-

ный вес общественных элементов, до тех пор не заявлявших о себе сколько-нибудь активно и обыкновенно лишь пассивно воспринимавших исходившие сверху всевозможного рода воздействия, и указала им путь к активной политической жизни. С этих пор королевская власть, до этого в сущности бесконтрольно хозяйничавшая в стране, уже должна была действовать совместно с самим обществом, в важнейших, по крайней мере, вопросах государственной жизни, призывая в парламенты наряду с духовными и светскими магнатами и представителей свободной массы в лице рыцарей от графств и депутатов от городов. Но этот порядок утвердился далеко не сразу. Для этого потребовались несколько исключительные условия, борьба Эдуарда I с Уэлзом, Францией, Шотландией, заставлявшая его часто обращаться за помощью к нации и для этого созывать ее представителей. Только с 1295 г. парламентский режим окончательно входит в жизнь, и следующему столетию лишь предстояло сообщить ему те основные формы, которые удержались в нем и до настоящего времени.

Парламент 1295 г. считается образцом парламента (a model parliament) по полноте, с какой в нем были представлены элементы английского общества той поры. Сюда были приглашены: оба архиепископа, епископы, их архидиаконы, приоры капитулов их диоцезов, по одному представителю (proctor, procurator) от каждого капитула и по два представителя от духовенства каждого диоцеза, 67 аббатов, приор госпитальеров и магистры двух других рыцарско-монашеских орденов, семь графов (earls) и 41 барон, а также по два рыцаря от каждого графства и по два горожанина от каждого (имевшего на это право) города. До нас дошли пригласительные письма, которые были отправлены из королевской канцелярии архиепископам и епископам, графам и баронам лично, и приказы шерифам графств прислать в Уэстминстер выборных представителей от графств и от городов. Письмо к архиепископу кентерберийскому (такие же письма были посланы и йоркскому архиепископу, а также всем епископам) король начинает так: «Так как справедливейший закон, установленный прозорливой осмотрительностью священных государей, увещевает и постановляет, *чтобы то, что касается всех, было всеми одобрено*, то вполне очевидно, что против общих опасностей должны быть приняты меры, обсужденные сообща»[1]. За этой знаменательной фразой, представляющей собою в первой своей половине цитату из Кодекса Юстиниана, превращенную, таким образом, Эдуардом из чисто юридической максимы в великий политический и конституционный принцип (по выражению Стэббса), следует конкретное указание на опасности, грозящие английскому государству со стороны Фран-

[1] «Sicut lex justissima, provida circumspectione sacrorum principum stabilita, hortatur et statuit ut quod omnes tangit ab omnibus approbetur, sic et nimis evidenter ut communibus periculis per remedia provisa communiter obvietur». Select Charters, p. 484—485; Памятн. ист. Англии XI-XIII вв. стр. 220—221.

ции и ее короля, будто бы замышляющего даже язык английский уничтожить на земле, а затем обращенный к архиепископу приказ явиться лично в воскресенье, ближайшее после зимнего Мартина, в Уэстминстер и прислать приора капитула и архидиаконов, одного представителя от капитула и двух от клира его диоцеза для обсуждения, постановления и исполнения вместе с королем и остальными прелатами и вельможами и иными жителями королевства того, что следует предпринять для устранения грозящих опасностей и злоумышлений[1].

В письме к каждому из графов и баронов, гораздо более коротком, король говорит, что он желает с ним и с прочими вельможами своего королевства иметь собеседование о средствах, которые следует изыскать против грозящих всему королевству опасностей, и поэтому приказывает ему именем верности и любви, которые он питает к королю, лично явиться в указанный выше срок в Уэстминстер для обсуждения, постановления и исполнения вместе с королем, с прелатами и прочими вельможами и другими жителями королевства того, что следует предпринять для избежания этих опасностей[2]. В приказе шерифам, сославшись на свое желание иметь собеседование с графами, баронами и прочими вельможами своего королевства о средствах против грозящих королевству опасностей и на разосланный им приказ явиться в указанный день в Уэстминстер для обсуждения, постановления и исполнения того, что следует предпринять против этих опасностей, король велит шерифу и крепко наказывает, чтобы он немедленно же распорядился об избрании от каждого графства по два рыцаря и от каждого города (de qualibet civitate) и от каждого бурга (de quolibet burgo) по два горожанина (duos cives... duos burgenses) из более выдающихся и более способных к труду и прислал их к назначенному дню и в указанное место для того, чтобы названные рыцари и горожане имели полномочие исполнять здесь за себя и за общины своего графства и своих городов то, что здесь будет постановлено общим советом относительно вышеуказанного[3].

---

[1] «*Praemunientes priorem* et capitulum ecclesiae vestrae, archidiaconos, totumque clerum vestrae diocesis, facientes quod iidem prior et archidiaconr in propriis personis suis, et dictum capitulum per unum, idemque clerus per duos procuratores idoneos, plenam et sufficientem potestatem ab ipsis capitulo et clero habentes, una vobiscum intersint, modis omnibus tunc ibidem ad tractandum, ordinandum et faciendum, nobiscum et cum ceteris praelatis et proceribus et aliis incolis regni nostri, qualiter sit hujusmodi periculis et excogitatis malitiis obviandum». Select Charters, p. 485.

[2] «Quia super remediis contra pericula quae toti regno nostro hiis diebus imminent providendum, vobiscum et cum ceteris regni nostri proceribus habere volumus colloquium et tractatum; vobis mandamus, in fide et dilectione quibus nobis tenemini firmiter injungentes, quod die Dominica proxima post festum Sancti Martini in hyeme proxime futurum, apud Westmonasterium personaliter intersitis ad tractandum, ordinandum et faciendum nobiscum et cum praelatis et ceteris proceribus et aliis incolis regni nostri, qualiter sit hujusmodi periculis obviandum». Select Charters, p. 485—486.

[3] «... tibi praecipimus firmiter injungentes quod de comitatu praedicto duos milites et de qualibet civitate ejusdem comitatus duos cives, et de quolibet

VIII

Прежде, чем перейти в XIV в., парламент приобрел право, которое окончательно упрочило его положение и явилось отправной точкой и основой его дальнейших прав как верховного учреждения в государстве. Произошло это в 1297 г. Нуждаясь в средствах для ведения своих войн, Эдуард прибегал к совершенно произвольным взиманиям со всех классов английского общества: как с духовенства, так и с мирян, как с землевладельцев, так и с представителей движимой собственности, в частности с купцов, вывозивших английскую шерсть, которых король заставлял платить ему огромные вывозные пошлины, а то и просто отдавать ему эту шерсть в обмен на расписки из государственного казначейства, дававшие предъявителю право на получение соответствующей суммы денег, но далеко неполную уверенность в возможности осуществить это право. Первым выступило с протестом против такого самодержавного произвола духовенство с архиепископом Уинчелзи (Winchelsey) во главе и, воспользовавшись тем, что незадолго перед этим папа Бонифаций VIII опубликовал знаменитую буллу Clericis laicos (в феврале 1296 г.), которая под страхом отлучения запрещала духовенству платить, а светским властям требовать налоги в виде десятой, двадцатой, сотой и прочей деньги с доходов или с имущества церкви или ее служителей, ответило королю решительным отказом на требование денег, с которым он обратился к нему в ноябрьском парламенте (в Эдмондсбэри в 1296 г.), куда им были приглашены все те же элементы английского общества, что и в парламент предшествующего года. Король предложил архиепископу еще раз обсудить этот вопрос и сообщить ему окончательный ответ к половине января. Уинчелзи созвал церковное собрание (или конвокацию) из духовенства своей кентерберийской провинции. Ответ получился прежний. Тогда король объявил духовенство лишенным королевского покровительства, а затем и вовсе изъял его из-под защиты законов. Уинчелзи в ответ на это отлучил от церкви врагов ее. Духовенство йоркской провинции скоро сдалось и уже в начале февраля получило грамоты, возвращавшие ему королевское покровительство, но кентерберийская провинция мужественно стояла на принятом решении, и за это светские фьефы ее духовенства были взяты в королевскую руку, невзирая на протест и церковные громы архиепископа.

---

burgo duos burgenses, de discretioribus et ad laborandum potentioribus sine dilatione eligi, et eos ad nos ad praedictos diem et locum venire facias: ita quod dicti milites plenam et sufficientem potestatem pro se et communitate comitatus praedicti, et dicti cives et burgenses pro se et communitate civitatum et burgorum praedictorum divisim ab ipsis tuns ibidem habeant, ad faciendum quod tunc de communi consilio ordinabitur im praemissis; ita quod pro defectu hujusmodi potestatis negotium praedictum infectum non remaneat quoquo modo. Et habeas ibi nomina militum, civium et burgensium et hoc breve». Select Charters, p. 486.

Вскоре после этого (24 февраля 1297 г.) король созвал в Солсбэри собрание, состоявшее исключительно из одних светских баронов. Король предложил баронам отправиться в Гасконь в то время, как сам он отправится во Фландрию. Каждый из баронов стал приводить какую-нибудь причину, мешавшую ему последовать предложению короля. Эдуард пригрозил им, что он отнимет у них их земли и отдаст тем, кто пожелает отправиться в Гасконь. Между королем и главами баронов—Рожером Биго (Bigod), графом Норфолькским и маршалом Англии, и Хэмфри Богэном (Bohun), графом Херефордским и конетаблем Англии,—возникло крупное пререкание, кончившееся тем, что собрание прекратилось, и начались приготовления к междоусобной войне. Более тридцати крупных феодалов присоединилось к графам Норфолькскому и Херефордскому, которым скоро удалось собрать весьма внушительную военную силу в полторы тысячи хорошо вооруженных всадников. Не начиная военных действий, бароны пока ограничивались тем, что не позволяли королевским чиновникам собирать деньги, шерсть, шкуры и другие продукты в их поместьях.

Эдуард принял тон диктатора. Получив от баронов отказ, он немедленно же издал повеление, чтобы вся шерсть в стране была взята в королевскую руку, а купцам выданы расписки, по которым они потом могли бы получить за нее деньги из казны; не брать шерсти можно было только у тех купцов, у которых ее было не более пяти мешков, но зато они должны были заплатить королю по 40 шилл. за каждый мешок. В то же время король также самовольно распорядился, чтобы от каждого графства было поставлено по 2 тыс. четвертей пшеницы и столько же овса, а также запас говядины и свинины.

Обеспечив себе таким путем средства для похода, король не думал прибегать к найму необходимых для него контингентов, как можно было предполагать. Вместо этого 15 мая он разослал по стране приказы, чтобы все с земельным доходом в 20 фунтов стерлингов, чьими бы держателями они ни были, конны и оружны являлись в ополчение, которое должно собраться в Лондоне к 7 июля, чтобы затем отправляться за море вместе с королем. Из Уэлза должно было явиться пешее ополчение. До сих пор народное ополчение никогда не созывалось для наступательной войны, и эта мера короля была таким же проявлением его самодержавного произвола, как и захват шерсти и взимание налогов, неразрешенных хотя бы Великим советом.

Ополчение собралось к назначенному сроку. Король созвал баронов в собор св. Павла и здесь предложил графам Норфолькскому и Херефордскому приступить к исполнению своих обязанностей маршала и конетабля и составить списки людей, отправляющихся на войну. И Биго, и Богэн отказались повиноваться, заявив, что они здесь присутствуют не в силу официального приказа, а по особой просьбе короля, и поэтому просили короля передать их обязанности кому-нибудь другому. Какие причины

побудили графов поставить вопрос на такую технически юридическую почву, почему они, вместо того чтобы прямо и открыто заявить королю от имени баронов, если не от лица всей нации, что они считают его действия незаконными и потому не находят возможным повиноваться ему, в сущности придрались к тому, что в письмах, приглашавших их в Лондон, король употребил выражение «affectuose requirimus et rogamus», а не обычное «mandamus» или «praecipimus»,—трудно ответить на этот вопрос. Во всяком случае ответ графов был заранее обдуман и обсужден на собрании, которое было устроено ими перед этим в Wyre'ском лесу на границе с Уэлзом (современный летописец, говоря об этом собрании графов и баронов, называет его «их парламентом», parliamentum suum) и, очевидно, имело серьезные причины выбрать такую тактику, а не иную.

Ответ маршала и конетабля привел короля в сильнейшее раздражение. Он передал их обязанности двух другим лицам и решил апеллировать к народу, предварительно помирившись с архиепископом кентерберийским и возвратив ему конфискованные владения его кафедры.

Обращение короля к народу произошло 14 июля. Перед уэстминстерским дворцом был устроен деревянный помост. На него взошел король с наследником престола в сопровождении примаса и графа Уорика и со слезами на глазах обратился к народу с речью, в которой он признавал, что, быть может, он не так хорошо и мирно управлял им, как бы следовало королю, но что народ должен помнить, что те частицы (portiunculas) из народного имущества, которые народ дал ему, или его слуги без его ведома путем вымогательства взяли у народа, были истрачены им на дело защиты нации от врагов, жаждущих ее погибели. Теперь он отправляется сражаться за народ. Если ему удастся вернуться, пусть народ примет его, как теперь принимает, и он вернет ему все взятое у него. Если же он не вернется, пусть народ коронует себе в короли его сына. По лицу архиепископа потекли слезы, и он обещал оставаться верным королю и исполнить все, о чем говорил король. Народ с своей стороны поднятием рук засвидетельствовал королю свои верноподданнические чувства.

Одни бароны не поддались эффекту королевского покаяния. Да они, впрочем, и не присутствовали при этой чувствительной сцене и продолжали угрюмо настаивать на том, что стране вовсе не будет никакой пользы от похода короля во Фландрию, в особенности теперь, когда шотландцы и жители Уэлза замышляют восстание, что страна и без этого разорена, что королю следует прекратить поборы и более серьезно соблюдать вольности, содержащиеся в Великой хартии и в Лесной грамоте, и что они не пойдут с ним в поход, потому что такой службы не требовали от их предков[1]. Эдуард предложил им подтвердить хартии, если

[1] О всей этой сцене см. Matt. Westm., p. 430 (Select Charters, p. 441, 442).

ему дадут пособие в виде восьмой деньги от баронов и рыцарей и в виде пятой деньги от городов. Об этом же он повел речь с самыми значительными из явившихся в ополчение людей, пригласив их для этого в свои собственные апартаменты и превратив пришедших в импровизированных представителей народа. Так как руководители движения уже удалились, то просьба короля была удовлетворена, и ему разрешили и восьмую, и пятую деньгу.

Но королю очень хотелось добиться согласия и со стороны графов Норфолькского и Херефордского. Переговоры, которые по поручению короля взялся вести с ними архиепископ кентерберийский, не привели, однако, ни к чему, и король, разослав приказы о взимании разрешенного ему налога, а также о захвате 8 тысяч мешков шерсти (собственникам их должны были быть выданы расписки), собрался садиться на корабль, но предварительно еще раз счел необходимым апеллировать к народу, на этот раз в письменной форме. В разосланных для этой цели «открытых письмах» (litterae patentes) король напоминал вкратце об обстоятельствах, сопровождавших его ссору с графами, а также о деланных им попытках к примирению, сообщал дошедший до него слух, будто графы составили форменную петицию, содержащую в себе жалобы на разные притеснения, и представили ему ее, и будто он отказался принять эту петицию. Никакой такой петиции ему не представляли. Если такая петиция и существует, и в ней, как он предполагает, есть жалобы на то, что он много раз обращался к народу за денежными пособиями, то и он сам вполне понимает всю справедливость таких жалоб. Но только народ должен припомнить, что он истратил эти деньги не на покупку территорий, но на защиту себя и народа. Если ему удастся вернуться, он с радостью возместит все; если же не удастся, это сделают за него его наследники. Войны требуют интересы всех; он должен исполнять свои обязательства. На условии подтверждения Хартии лорды разрешили ему пособие. Он просит нацию помочь ему и сохранять мир под страхом подвергнуться отлучению.

В ответ на это королю действительно представили петицию от имени всех сословий английского королевства. «Вот бедствия, на которые указывают государю нашему королю архиепископы, епископы, аббаты и приоры, графы и бароны и вся община земли и смиренно просят его, чтобы он к чести своей и для спасения народа своего изволил их исправить»[1], так начинается этот сохраненный для нас современным летописцем документ, и за этим следует обстоятельное изложение самих «бедствий». Прежде всего авторы петиции указывали на то, что всей общине страны представлялся недостаточным посланный ей королем призыв явиться

---

[1] «Haec sunt nocumenta quae archiepiscopi, episcopi, abbates et priores, comites et barones et tota terrae communitas, monstrant domino nostro regi, et humiliter rogant eum ut ea ad honorem suum et salvationem populi sui velit corrigere et emendare», W. Rishanger, Chron., p. 175 (Select Charters, p. 442—443).

к 7 июля, потому что в нем не было точно указано место, куда ей нужно было отправляться в поход, а это лишало ее возможности рассчитать необходимые для этого денежные средства и иные запасы. Когда же распространился слух, что король желает отправиться во Фландрию, всей общине показалось, что она не обязана нести там какую бы то ни было службу, потому что ни сами они, ни их предки никогда не несли службы в этой земле. Но если бы они и были обязаны нести службу и здесь, то они не имели бы возможности сделать это, потому что они сильно угнетены разного рода налогами, пособиями и захватами (per diversa tallagia, auxilia, prisas) пшеницы, овса, солода, шерсти, кож, быков, коров, солонины, без всякой уплаты денег, на которые они могли бы существовать. Они «не могут дать теперь пособие королю по причине бедности, в какую они впали благодаря этим налогам и захватам, так что у них еле хватает на житье, а есть многие, у которых нет никаких средств к существованию, и они не в состоянии возделывать свои земли. Кроме того, вся страна (tota terra communitatis) чувствует себя сильно угнетенной вследствие того, что с ними не обращаются согласно законам и обычаям страны, как обращались обыкновенно с их предками, и вследствие того, что у них нет вольностей, которые они привыкли иметь... Ибо многие чувствуют себя угнетенными тем, что они привыкли, чтобы с ними обращались согласно статьям, содержащимся в Великой хартии, все статьи которой теперь выпущены к величайшему ущербу для всего народа. Поэтому они просят государя нашего короля, чтобы он соизволил это исправить для своей чести и для спасения своего народа»[1]. Затем идут жалобы на несоблюдение Лесной ассизы и Лесной хартии и на налог на шерсть, чрезвычайно тяжелый, в 40 шилл. и в 7 марок (т. е. в 4 ф. 13 шилл. 4 пенса) на мешок; «шерсть Англии по стоимости своей доходит почти до стоимости половины всей земли, а налог, платимый с нее, доходит до пятой части стоимости всей земли»[2]. В заключение община, выражая королю самые лучшие пожелания, не находит, однако, полезным для него поход во Фландрию, в особенности при неспокойном состоянии Шотландии и других земель, еще недостаточно твердо упроченных за Англией.

Король отказался дать ответ на эту петицию, заявив, что он не может этого сделать без своего совета (часть которого уже пере-

---

[1] «Praeter hoc tota terra communitatis sentit se valde gravatam, quia non tractantur secundum leges et consuetudines terrae secundum quas tractari antecessores sui solebant, nec habent libertates quas solebant habere, sed voluntarie excluduntur. Sentiunt enim se multi gravatos super hoc quod solebant tractari secundum articulos contentos in Magna Carta, cujus artiuli omnes sunt omissi in majus damnum populo universo. Propter quod rogant dominum nostrum regem quod velit ista corrigere ad honorem suum et populi sui salvationem». Ibid., p. 443.

[2] «Lana enim Angliae ascendit fere ad valorem medietatis totius terrae, et vectigal quod inde solvitur ascendit ad quintam partem valoris totius terrae». Ibid., p. 443.

правилась во Фландрию, а другая еще оставалась в Лондоне), и ждал результатов совещания конвокации, созванной архиепископом кентерберийским для обсуждения вопроса о субсидии королю со стороны духовенства. Наскучив ожиданием и подозревая соглашение между духовенством и графами, он издал приказ собрать с духовенства третью часть его светских доходов, и 22 августа сел на корабль, чтобы плыть во Фландрию, оставив сына своего Эдуарда регентом королевства. В тот же день графы Норфолькский и Херефордский в сопровождении других баронов явились в Палату шахматной доски, выразили протест против захвата шерсти и потребовали от баронов казначейства, чтобы они послали шерифам приказ приостановить сбор с народа восьмой деньги как незаконный, до тех пор, пока не будут формально подтверждены хартии. К ним присоединились лондонские горожане, которых, по словам летописца, они «склонили выступить совместно с ними за дело восстановления своих вольностей»[1]. Немедленно же об этом дали знать королю, и он написал сначала баронам казначейства, а затем регенту и бывшему с ним совету, чтобы восьмую деньгу продолжали собирать, но чтобы была издана прокламация, доводящая до сведения всех, что налог этот не будет служить прецедентом, что шерсть также следует взять, но за деньги. Такая прокламация и была опубликована через несколько дней.

Делу, однако, она не помогла. Правительству не оставалось ничего другого, как пойти навстречу требованиям общества и для этого созвать парламент. Городские депутаты и представители от массы духовенства не присутствовали на этом парламенте; сюда были приглашены лишь светские и духовные бароны и рыцари от графств. Графы Норфолькский и Херефордский явились в Лондон в сопровождении военной силы из полутора тысяч всадников и большой массы отборных пехотинцев и согласились войти в город лишь после того, как правительство позволило им поставить у всех ворот столицы свою стражу, «чтобы, вступив без оружия, как бы они ни оказались запертыми, как овцы в овчарне»[2].

В собрании графы категорически потребовали подтверждения Великой хартии, дополненной новыми статьями, основанными на поданной в августе королю петиции и тут же представленными регенту. Посоветовавшись со своими советниками, принц Эдуард 10 октября подтвердил Великую и Лесную хартии и утвердил новые статьи Великой хартии и немедленно же отправил их своему отцу для окончательного подтверждения, которое и было совершено им 5 ноября. После этого графы нашли возможным обсуждать вопрос о субсидии королю. Полученное летом королем разрешение взять восьмую и пятую деньгу они объявили не имеющим силы и взамен этой субсидии склонили

---

[1] «Induxerunt etiam cives Londoniarum ut pro recuperandis suis libertatibus secum starent», W. Rishanger, p. 178 (Select Charters, p. 444).

[2] «Ne forte absque armis ingressi velut oves in ovili clauderentur», *W. Hemingburgh.*, v. II, p. 147 (Select Charters, p. 444).

собрание разрешить королю девятую деньгу с светских землевладельцев и с горожан, ввиду того что теперь их требования действительно получили удовлетворение, и, таким образом, выдвинули и осуществили важный принцип, что субсидии должны разрешаться парламентом после того, как правительство удовлетворит представленные ему в парламенте ходатайства. Сговорчивее стало и духовенство, и на созванной в ноябре архиепископом кентерберийским конвокации решено было дать субсидию правительству для отражения сделавших вторжение на север Англии шотландцев.

Новые статьи к Великой хартии, ставшие законом английского королевства 5 ноября 1297 г. в силу совершенного Эдуардом Подтверждения хартий (Confirmatio Cartarum), дошли до нас в двух редакциях, довольно существенно разнящихся между собою, в латинской и французской. В латинской редакции они являются в виде так называемого *Statutum de tallagio non concedendo*. Как на статут, на них ссылается знаменитая *Петиция о праве* (Petition of Right) 1628 г.; статутом признает их и одно судебное решение 1637 г. Тем не менее эта латинская редакция, повидимому, просто сокращенная и несовершенная передача содержания действительно официального документа, написанного на французском языке и подписанного Эдуардом; так что статутом следует признать скорее французскую версию новых статей, изданных в дополнение к Великой хартии, а в латинской можно видеть род комментария к ней, показывающий, как понимали современники и последующие поколения результаты бескровной, но от этого еще более славной победы, одержанной руководителями английского народа над королем Эдуардом в 1297 г.

Французская версия[1] состоит из семи статей.

В статье 1 король доводит до общего сведения о том, что он в честь бога и святой церкви и на пользу всего своего королевства за себя и за своих наследников соизволил на то, чтобы Великая хартия вольностей и Лесная хартия соблюдались во всех своих пунктах нерушимо и были разосланы за королевской печатью всем судьям, шерифам графств и всем другим королевским чиновникам и всем городам в королевстве с приказом опубликовать эти хартии и сообщить народу, что король подтвердил их во всех пунктах, и что все королевские судьи, шерифы, мэры и другие должностные лица должны руководствоваться ими в своих решениях. Статья 2 объявляет неимеющими юридической силы все решения, постановленные всеми этими должностными лицами в противность этим хартиям.

«И мы желаем,—гласит статья 3,—чтобы эти хартии за нашей печатью были посланы в кафедральные церкви в нашем королевстве и оставались там и два раза в год прочитывались перед народом».

---

[1] См. текст ее в Select Charters, p. 494—496.

«И чтобы все архиепископы и епископы,—читаем мы в статье 4,—объявляли приговор великого отлучения против всех тех, кто словом, делом или советом пойдет против названных хартий». Отлучения эти должны произноситься дважды в год; а кто не захочет этого делать, того должны принудить к этому архиепископы кентерберийский и йоркский.

В статье 5 король указывает на то, что некоторые боятся, как бы пособия деньгами и трудом (les aide et les mises), которые они добровольно разрешили ему перед этим для военных и иных надобностей, равно как и захваты (prises), производившиеся от имени короля его слугами, не закабалили ему их и их потомков (peussent tourner en servage a eux et a leur heris), и ввиду этого постановляет за себя и за своих наследников (avuns graunte pur nous et pur nos heirs), что эти пособия и захваты ни в каком случае не будут сделаны прецедентом («qe mes tieles aides, mises, ne prises, ne treroms a custume»).

«И пожаловали мы также,—гласит статья 6,—за себя и за наших наследников архиепископам, епископам, аббатам и приорам и другим людям святой церкви, и графам, и баронам, и всей общине земли, что мы ни для какой надобности не будем брать такого рода пособий и не будем делать подобного рода захватов в нашем королевстве иначе, как с общего согласия всего королевства и для общей пользы этого же королевства, исключая древние пособия и захваты, следуемые по закону и обычаю»[1].

В последней (7-й) статье король, ввиду того что бо́льшая часть общины королевства чувствует себя сильно угнетенной несправедливой пошлиной на шерсть (de la male toute des leines), равной сорока шиллингам с мешка, просила его отменить эту пошлину, отменяет ее и постановляет, что впредь он не будет брать такой или иной пошлины («et avoms grante qe cele ne autre mes ne prendroms») без их общего согласия и их доброй воли, оставляя, однако, себе и своим наследникам пошлину на шерсть, шкуры и кожу, раньше разрешенную общиной королевства («sauve a nous e a son heirs la custume des leines, peaus e quirs avant grantez par la communaute du roiaume avantdit»).

Латинская версия, переданная нам одним хроникером (Уолтером Hemingburgh'ским) под заголовком *Articuli inserti in Magna Carta*[2] составлена в более категорическом тоне, без тех оговорок, которые мы видели сейчас в последних трех статьях французского текста. Соответствующие этим статьям три первые статьи латинского текста гласят буквально следующее:

---

[1] «VI. E ausi avoms grante pur nous et pur nos heirs as ercevesques, evesques, abbes, e priurs, e as autres gentz de seinte eglise, et as contes et barons et a tote la communaute de la terre, de mes pur nule busoigne tieu manere de aides, mises ne prises, de notre roiaume ne prendroms, fors qe par commun assent de tu le roiaume, et a commun profit de meisme le roiaume, sauve les auncienes aides et prises, dues et costumees», p. 495.

[2] См. текст ее в Select Charters, p. 497—498.

«I. Никакой налог или пособие не будет впредь налагаться или взиматься в королевстве нашем нами или наследниками нашими без воли и общего согласия архиепископов, епископов и других прелатов, графов, баронов, рыцарей, горожан и иных свободных людей в королевстве нашем[1].

II. Никакой слуга наш или наследников наших не будет брать хлеба, шерсти, кож или другого какого чьего бы ни было имущества без воли и согласия того, кому принадлежит это имущество.

III. Впредь ничего не должны брать с мешка шерсти под видом и названием несправедливой пошлины» (malae toltae).

Весь этот так называемый *Statutum de tallagio non concedendo* состоит всего лишь из 6 статей. Статья 4 подтверждает все законы, вольности и свободные обычаи, которыми до сих пор пользовались все клирики и миряне в королевстве, и объявляет неимеющими силы все противоречащие им статуты, изданные королем или его предшественниками, и обычаи, введенные ими. Статья 5 объявляет полную амнистию графам Норфолькскому и Хорефордскому и другим графам, баронам, рыцарям, эскуайрам (armigeris) «и всем прочим из их сообщества, конфедерации и согласия (ac omnibus aliis de eorum societate, confoederatione, et concordia, existentibus), а также всем держащим земли с доходом в двадцать фунтов в королевстве нашем, как прямо от нас, так и от кого бы то ни было другого, которые были позваны отправляться с нами во Фландрию в назначенный день и не явились». Статья 6 предписывает духовенству дважды в год читать Великую хартию и произносить отлучение против всех нарушителей ее.

Как бы ни решался вопрос об отношении между французской и латинской редакциями новых статей, включенных в Великую хартию в 1297 г., несомненно одно: с этого времени парламентский режим стал в Англии на вполне твердую почву, английский народ приобрел прочный базис для развития своего политического самоопределения в тех его формах, какие были подготовлены всем своеобразным ходом английской истории. Нам теперь и следует заняться характеристикой этих форм, прежде всего именно с этой стороны, со стороны их органической связи с особенностями политической и социальной эволюции английского общества, как оно развивалось с момента нормандского завоевания, остановившись предварительно на законодательной деятельности Эдуарда I, имевшей огромное значение в истории английского общества и государства.

---

[1] «I. Nullum tallagium vel auxilium per nos vel haeredes nostros de cetero in regno nostro imponatur seu levetur, sine voluntate et assensu communi archiepiscoporum, episcoporum et aliorum praelatorum, comitum, baronum, militum, burgensium et aliorum liberorum hominum in regno nostro». Select Charters, p. 497—498.

IX

Эдуард I имеет репутацию английского Юстиниана, и нельзя сказать, чтобы это наименование вовсе не было им заслужено. Царствование его (1272—1307 гг.) ознаменовано было целым рядом законодательных мероприятий, из которых одни подвели итоги всей предшествующей законодательной работе английских королей, другие явились новыми крупными шагами, сделанными английской государственностью все в том же, указанном ей всей предшествующей историей направлении, с такой определенностью сказавшемся в деятельности правительства Генриха II. Эдуарда обыкновенно и сравнивают с Генрихом II, когда говорят о том месте, которое он занимает в истории английской государственности, указывая на то, что основные принципы их законодательной деятельности одни и те же, что тот и другой совершенно сознательно проводили одну и ту же широко государственную точку зрения, интересам политического целого подчиняя интересы отдельных его частей, поскольку эти последние не согласовались с первыми или наносили им прямой ущерб, будь то интересы церкви или интересы феодалов, не укладывавшиеся в те рамки, которые были им отведены общей постановкой английской государственности при Вильгельме Завоевателе. В этом отношении особенно красноречивыми свидетельствами являются Глостерский статут 1278 г., *Statutum de Viris Religiosis 1279 и статут Quia emptores 1290 г.*

Глостерский статут имел в виду улучшить местную юстицию путем урегулирования частных юрисдикций. Для этого были посланы в графства разъездные судьи со специальною целью произвести через присяжных расследование, на каком праве, *quo warranto* лорды маноров пользуются теми или иными феодальными правами и, в частности, правами феодальной юстиции. Почва для этого расследования была уже подготовлена. Еще в 1274 г. была отправлена королем в графства комиссия для расследования феодальных прав лордов маноров с целью выяснить, в какой мере права того или иного лорда возникли путем узурпации прав короны, прекратить эту узурпацию и раз навсегда предотвратить возможность ее повторения в будущем. Результатом деятельности этой комиссии явились знаменитые *Сотенные свитки (Rotuli Hundredorum, Hundred Rolls)*, представляющие собою богатейший материал для хозяйственной и социальной истории Англии ко второй половине XIII в., подобный тому, какой *Книга страшного суда (Domesday Book)* дает для Англии к концу XI в. Протоколы расследований, производившихся разъездными судьями в силу Глостерского статута, также дошли до нас, и эти *Placita de Quo Warranto* также дают ценный материал для социальной истории средневековой Англии.

Глостерский статут и эти меры, предшествовавшие ему и следовавшие за ним, вполне гармонируют с общей постановкой феодализма в Англии, где ему была отведена чисто служебная

роль. Генрих II очень много сделал для обезвреживания феодализма и своими судебными, и своими военными реформами. XIII век был свидетелем возрождения феодальных тенденций. Весьма не чужды они были руководителям движения, приведшего к Великой хартии, как это мы видели, анализируя содержание Хартии. Еще с большей определенностью выступили они и во время революции 1258 г., приняв при этом резко выраженный олигархический характер. Давали они себя знать и в будничном обиходе политической жизни, являясь в виде целого ряда захватов в юрисдикционной сфере, наносивших серьезный ущерб юрисдикционно-фискальным интересам короны, а также и в чисто социальной сфере отношений баронства к зависевшей от них массе средних и мелких держателей разных категорий, которые теперь сильнее почувствовали над собою тяжелую руку своих сеньеров и сюзеренов. И вот теперь, когда после стольких бурь политическая жизнь страны вошла, наконец, в сравнительно спокойное русло, когда королевская власть опять твердо стала над всеми элементами общества и получила возможность в согласии с ними опять давать направление политическому развитию, Эдуард и мог приняться за устранение всего того, что успело пустить корни за этот долгий период кризиса, когда внимание центральной власти и силы ее были направлены совсем на другое, и ей некогда было следить за всем тем, что делалось в поместьях как дружественных, так и враждебных ей феодальных сеньеров. Теперь и настала пора заняться этими упущениями и очистить политический путь от тех сорных трав, которые к этому времени успели в немалой мере заглушить его. И Эдуарду нетрудно было выполнить эту по существу реставрационную работу.

Конечно, феодалам было крайне неприятно посещение их поместий королевской следственной комиссией в 1274 г. и разъездными судьями в 1278 г., и до нас даже дошло свидетельство о весьма эффектном протесте, выраженном одним бароном против этой меры короля. Когда графу Уоренну был предложен судьями вопрос, на каком праве он держит свои земли, он поднял старый заржавленный меч и сказал: «Вот это, милорды, мое право. Предки мои пришли с Вильгельмом Незаконнорожденным и мечом завоевали свои земли; мечом и я буду защищать их против всякого, кто захочет завладеть ими. Ведь король не сам завоевал и подчинил эту страну, но с ним участвовали и помогали ему наши прародители»[1]. Самая эффектность этой позы и этой речи едва ли не сви-

---

[1] «Vocatusue est inter ceteros comes de Warenna coram justitiarios regis, et, interrogatus quo warranto teneret, produxit in medium gladium antiquum et aeruginatum et ait, «Ecce, domini mei, ecce warrantum meum. Antecessores enim mei cum Willelmo Bastardo venientes conquaesti sunt terras suas gladio et easdem gladio defendam a quocunque eas occupare volente. Non enim rex per se terram devicit et subjecit, sed progenitores nostri fuerunt cum eo participes et coadjutores», Chron. W. de Hemingburgh. v. II, p. 16 (Select Charters, p. 431, 432).

детельствует о бессилии протестовавшего. В сущности это была только поза и только декламация, и граф Уоренн едва ли и думал устрашить королевских посланцев своим бутафорским оружием (которое к тому же он не вполне мог назвать мечом своих предков, так как представлял род Уореннов лишь по женской линии, по прямой линии происходя от незаконного брата Генриха II); он лишь хотел выразить протест против того дела, для которого они явились, но помешать им он не мог, как не могли сделать этого и другие феодалы, и разъездные судьи без затруднений выполнили свою задачу.

Произведенная правительством ревизия феодальных прав и привилегий могла дать материал и для другой правительственной меры, направленной против феодализма. Правда, на этот раз инициатива исходила от самих феодалов, именно от самых верхних слоев их, интересы которых страдали от все более развивавшегося среди их вассалов процесса субъинфеодации. Вассалы этих магнатов продавали свои держания или части держаний третьим лицам, вследствие чего эти последние становились их собственными вассалами и несли в отношении их все связанные с их держаниями повинности. Магнатам такой порядок отчуждения их вассалами своих держаний, оказывается, был убыточен, прямо разорителен («quam plurimum durum et difficile videbatur, et similiter in hoc casu exhaeredatio manifesta»), по их, по крайней мере, уверениям, потому что, говорили они, они «теряли» доходы, соединенные с правами опеки, выдачи замуж дочери держателя, с правом на выморочное держание, поступавшие не им, а их вассалам с земель, отданных этими последними своим собственным вассалам («per quod iidem capitales domini eschaetas, maritagia, et custodias terrarum et tenementorum de feodis suis existentium saepius amiserunt»). И вот, король, по их настоянию («ad instantiam magnatum regni») в парламенте в Уэстминстере после пасхи в 18-й год своего царствования постановил («concessit, providit et statuit»), чтобы впредь всякому свободному человеку можно было свободно продавать свое держание или часть его (quod de cetero liceat inicuique libero homini terram suam seu tenementum sive partem inde pro voluntate sua vendere), но так, однако, чтобы купивший держал ее от того же главного лорда, от которого держал ее до тех пор продавший ее, и за те же службы и обычные повинности, которые нес и этот последний, когда сам держал эту землю («ita tamen quod feoffatus teneat terram illam seu tenementum de eodem capitali domino et per eadem servitia et consuetudines per quae feoffator suus illa prius tenuit»). Это и был знаменитый статут *Quia emptores*[1] 1290 г., так много сделавший для мобилизации феодальной собственности и в то же время создавший почву для постепенного умножения непосредственных держателей короны, число которых все увеличивалось по мере того, как в королевскую

[1] Select Charters, p. 478, 479.

руку переходили в качестве выморочных ленов и иными путями крупные баронии, и держатели их прежних владельцев (по крайней мере те из них, которые приобрели свои держания после 1290 г.) становились непосредственными держателями короны.

Непосредственная цель, которую имел в виду Эдуард, издавая статут *Quia emptores*, помимо желания удовлетворить ходатайство баронов, могла заключаться в возможно большем подчинении феодализма общегосударственным интересам. Развитие субъинфеодации, несомненно, ослабляло контроль центральной власти над феодализмом и, нанося ущерб материальным интересам крупных баронов (именно, лишая их тех материальных выгод, которые могли бы доставлять им случаи выморочности или конфискации ленов, выдачи замуж дочери держателя и феодальной опеки, если бы держания, в отношении к которым эти случаи могли иметь место, были держаниями их непосредственных вассалов), в то же время ослабляло и для короны возможность в надлежащей мере эксплоатировать в интересах государства развивавшиеся материальные ресурсы феодализма, оставляя вне сферы непосредственного воздействия государства всю ту социальную силу, какую представляли собою все увеличивавшиеся в числе держатели сравнительно небольших участков, выделявшихся из более крупных поместий вассалов разных степеней все в большем и большем количестве по мере роста населения и параллельного ему возрастания потребности в земле. Издавая статут *Quia emptores*, правительство принимало меры к тому, чтобы установить непосредственную связь между магнатами, не выходившими из-под его непосредственного контроля, и всем остальным феодальным миром в его целом и в его отдельных элементах и тем усилить и свою власть над ним и через посредство баронов заставить его служить государству в меру своих все развивавшихся ресурсов.

Та же в сущности цель усиления контроля государства над феодализмом и извлечения из него всего того, что он мог дать государству, проводилась Эдуардом и его правительством и в других статутах и ордонансах. Мы имеем в виду изданный в 1279 г. *Статут о мертвой руке* (Statute of Mortmain), или, точнее, *Statutum De Viris Religiosis*, и ряд королевских указов, издававшихся королем в разное время и предписывавших всем свободным держателям в стране с определенным годовым доходом принимать рыцарское звание и все связанные с ним в отношении к королю «службы».

Статут *De Viris Religiosis*[1] боролся с серьезной опасностью, грозившей государственному интересу со стороны церкви, захватывавшей в свою *мертвую руку* (manus mortua) все в большем и большем количестве земельные богатства, принадлежавшие светским владельцам. Попадая в мертвую руку церкви, эти земли освобождались от всех лежавших на них «служб» и таким образом весьма серьезно сокращали феодальные (и не только феодальные)

[1] Select Charters, p. 457—459.

ресурсы государства. Уже в оксфордском парламенте 1258 г. (в известном Бешеном парламенте) этот вопрос был поднят, и в числе статей Уэстминстерских провизий 1259 г. мы находим постановление, запрещающее церковникам приобретать феодальные поместья без разрешения сюзерена лица, у которого земля приобретается. Постановление это, оказывается, не исполнялось, и церковники попрежнему приобретали феоды путем покупки и получения в дар, «вследствие чего службы, следуемые с этих феодов и первоначально предназначенные для защиты королевства, незаконно теряются» («per quod servitia quae ex hujusmodi feodis debentur et quae ad defensionem regni ab initio provisa fuerunt indebite subtrahuntur»). И вот, желая для пользы королевства принять против этого соответствующую меру, король, по совету прелатов, графов и других верных своего королевства, постановляет, что приобретение земли представителями церкви каким бы то ни было способом, влекущим за собою переход земли в мертвую руку, воспрещается под страхом конфискации ее в пользу непосредственно сюзерена того лица, у которого земля эта была приобретена церковью, причем в случае, если этот непосредственный сюзерен в течение годового срока не вступит во владение этой землей, земля в течение полугодичного срока переходит к сюзерену этого сюзерена и т. д.; последним, к кому она переходит, если во владение ею не вступит в течение определенного срока ни один из сюзеренов (capitales domini) отчудившего ее лица, является король, который и берет ее в свою руку и передает ее другим за службы, которые они будут нести для защиты королевства («et alios inde feoffabimus per certa servitia nobis inde ad defensionem regni nostri facienda»); причем за сюзеренами сохраняются их феодальные права («salvis capitalibus dominis feodorum illorum wardis, escaetis et aliis ad ipsos pertinentibus, ac servitüs inde debitis et consuetis»).

Что касается королевских указов о принятии свободными держателями рыцарского звания, то мы приведем содержание указа 1278 г. В указе этом[1], представляющем собою разосланный шерифам приказ, этим последним предписывается заставить всех свободных держателей, от кого бы они непосредственно ни держали, от короля или от кого бы то ни было, владеющим годовым доходом в размере 20 фунт. (qui habent viginti libratas terrae), принять рыцарское звание к ближайшему празднику рождества христова («distringas ad arma militaria citra festum Natalis Domini proximo futurum, vel in eodem festo, a nobis suscipiendum», приказ выдан 26 июня). Ввиду сказанного выше указ этот едва ли нуждается в комментариях; напомним разве только, что он вполне гармонирует с общим принципом, утвердившимся в Англии еще с момента нормандского завоевания, что военная повинность всех обязанных нести ее, от кого бы каждый из них ни держал свою землю,

[1] Select Charters, p. 456, 457.

следует одному лишь королю, что в Англии servitium militare была исключительно regale servitium.

Не только на сферу феодальных отношений было направлено законодательное воздействие правительства короля Эдуарда. Можно сказать, что без этого воздействия не осталась ни одна сфера жизненных отношений английского общества и государства. Феодализм, дофеодальный порядок, отчасти сохранившийся от англо-саксонской эпохи, а отчасти принесенный нормандским завоеванием, и государственный строй, созданный на почве своеобразного примирения этих двух политических систем,—вот три элемента, которые нужно различать и отчетливо представлять себе, изучая средневековую Англию в любой ее момент после 1066 г. Говоря, что законодательная деятельность Эдуарда I коснулась всех сторон современной ему Англии, мы должны, следовательно, в дополнение к сказанному уже нами об отношении этой деятельности к феодализму указать на то, как отнеслась она к двум другим названным нами элементам.

Уинчестерский статут[1] 1285 г. дает вполне определенные указания на счет отношения Эдуарда к порядкам англо-саксонского происхождения, представляя собою ряд узаконений, имевших в виду оживить и усовершенствовать действовавшие в пределах сотен старинные распорядки охраны общественной безопасности и связанную с ними систему вооружения всех свободных людей английского королевства сообразно имущественному цензу каждого, как она была организована изданной Генрихом II *ассизой о вооружении* (Assize of Arms), имевшей в виду восстановить и развить англо-саксонское народное ополчение (fyrd). Два уэстминстерских статута, изданных на расстоянии десяти лет (первый Уэстминстерский статут в 1275 г.[2], а второй Уэстминстерский статут в 1285 г.), представляют собою настоящие кодексы английского как феодального, так и общего права (common law), приводящие в систему и дополняющие все то, что было сделано в предшествующие царствования как в области гражданского, так и в области публичного права. В частности второй Уэстминстерский статут в особенности много сделал в сфере гражданского права и процесса, а своим первым параграфом, трактующим «de donis conditionalibus», создал один из основных институтов земельного права средневековой Англии. Какое значение имела в глазах современников эта кодификационная деятельность Эдуарда I, об этом вполне определенно высказывается один из анналистов той поры. «Некоторые статуты издал король—, говорит он—, весьма необходимые для всего королевства, с помощью которых он разбудил древние законы, заснувшие во время неурядиц, происходивших в королевстве; другие законы, которые были извращены злоупотреблениями, он вернул в их прежнюю форму; иные, которые прежде были менее

---

[1] Select Charters, p. 469—474.
[2] Select Charters, .p. 450, 451.

очевидны и ясны для истолкования, он вновь оповестил; к ним он прибавил несколько новых законов, полезных и почтенных»[1].

X

К половине XIV в. английский парламент окончательно сложился в форме двух палат: Верхней палаты, или Палаты лордов, и Нижней палаты, или Палаты общин, и в этой форме он сохранился и до нашего времени. Как, из каких или в связи с какими до того существовавшими учреждениями образовались эти палаты, и из каких общественных элементов составилась каждая из них,— вот вопросы, на которые мы должны ответить, чтобы получить сколько-нибудь ясное представление о генезисе английского парламента во всем его своеобразии. Вопросы эти естественно разбиваются на целый ряд более конкретных вопросов о характере и о ходе эволюции этих раньше парламента существовавших учреждений, а также о том, как сформировались те сословия и классы, интересы которых нашли свое выражение в каждой из этих палат, в силу каких условий одни общественные группы нашли арену для своей политической деятельности в Верхней палате, а другие объединились для совместной деятельности в Палате общин, в какой мере отразился на всем этом феодальный порядок и в какой—порядок нефеодальный, унаследованный отчасти от англо-саксонской эпохи, но также и принесенный в Англию и Нормандским завоеванием. За материалом для ответа на эти вопросы нам далеко ходить не придется: нам просто придется воспользоваться тем, о чем мы уже не раз говорили на протяжении нашей работы в той или иной связи, лишь дополняя эти данные некоторыми новыми справками и указаниями.

Уитенагемот англо-саксонской поры, Magnum Concilium эпохи нормандской и анжуйской династий и парламент эпохи Эдуардов,—вот в историческом порядке три основные формы собраний, с которыми английские короли решали важнейшие дела в государстве. К концу англо-саксонского периода «собрание мудрых» уже в весьма значительной мере отразило на себе те перемены в общественном строе, которые были вызваны безостановочно развивавшимся феодализационным процессом, и в числе «мудрых» уже было немало королевских тэнов, связанных с королем узами личных и поземельных отношений и заседавших в уитенагемоте на равных правах с элдорменами, епископами и аббатами. После Нормандского завоевания эти феодальные элементы получают полное преобладание, и Magnum Concilium, как стал теперь именоваться уитенагемот, очень приблизился к феодальной курии из непосредственных держателей короля (tenentes in capite), из его светских и духовных баронов. Правда, едва ли можно с полной определенностью утверждать, что те, кого король приглашал

[1] *Stubbs*, Const. Hist., v. II, p. 123.

в Великий совет, участвовали в нем лишь потому, что были непосредственными держателями короля, и король в силу этого обязан был приглашать их сюда. Против этого говорит тот факт, что в Magnum Concilium приглашались далеко не все tenentes in capite, а лишь светские и духовные магнаты, т. е. могущественные и влиятельные люди, «совет и согласие» которых были необходимы для короля в том или ином случае, которых поэтому он и находил нужным звать в собрание, где решались важнейшие дела в государстве. Здесь вполне сказалась общая постановка английского феодализма после Нормандского завоевания, служебная роль, отведенная ему в политической системе тогдашней Англии. Тем не менее нельзя отрицать, что феодальный принцип в применении к Magnum Concilium делал теоретические успехи, и в моменты, благоприятные феодальным течениям в английском обществе, ему удавалось добиться и более практического признания.

Великая Хартия вольностей, вызванная к бытию общественным движением, руководимым феодалами, юридически закрепила такую чисто феодальную конструкцию Великого совета, своим § 14 постановляя, что commune consilium regni должно состоять из всех tenentes in capite. Но тот же § 14 проводит очень резкую черту между архиепископами, епископами, аббатами, графами и majores barones, которые должны быть приглашаемы в собрание специально каждому из них отправлявшимися от имени короля приглашениями («summoneri faciemus archiepiscopos, episcopos abbates, comites et majores barones, sigillatim per litteras nostras»), с одной стороны, и остальными непосредственными держателями короля—с другой, которым общее приглашение отправляется через шерифов и бэйлифов («et praeterea faciemus summoneri in generali per vicecomites et ballivos nostros, omnes illos qui de nobis tenent in capite»).

Черта эта, повидимому, намеченная жизнью еще до 1215 г., после 1215 г. все укреплялась в результате административной практики: barones majores (старшие бароны) вносили свои феодальные платежи прямо в королевское казначейство, а бароны младшие (minores barones, иначе barones secundae dignitatis) через шерифов своих графств, причем владения старших баронов признавались барониями и трактовались как представляющие каждая единое целое и потому при переходе к новому владельцу, наследнику умершего, платили королю рельеф в виде круглой суммы, тогда как владения младших баронов платили рельеф с каждого рыцарского лена, из совокупности которых они состояли; старшие бароны на войне выступали во главе своих зависимых людей, своих собственных вассалов и под своим собственным знаменем, тогда как младшие бароны шли в поход под начальством шерифов своих графств, и в королевскую курию в широком смысле, т. е. в Великий совет (Magnum Concilium), старшие бароны приглашались лично, а младшие через шерифов.

События второй половины XIII в. показали, в какой мере фео-

далы склонны были расширять пределы феодального сейма, когда в их руках оказалась власть. Это бросает ретроспективный свет и на широкую постановку consilii regni nostri в 1215 г., с своей стороны подтверждая тот вывод, к которому приводит анализ Великой хартии в связи с обстоятельствами того момента, т. е. что только политический расчет заставлял поднявших движение баронов выдвигать широкую программу, включавшую интересы самых различных групп английского общества и в том числе и интересы низшего барониального слоя, так называемых minores barones. Но, выдвигая чисто феодальный принцип consilii regni nostri, бароны не забыли подчеркнуть различие между крупными и мелкими баронами, и это, такое чисто техническое обстоятельство, как способ приглашения в собрание, имело впоследствии огромное социальное и политическое значение, являясь юридическим признаком, отграничивавшим крупных баронов от остальной массы рыцарства и простых свободных держателей, державших как непосредственно от короля, так и от всех других сеньеров. Majores barones выделялись, таким образом, в особую, политически привилегированную социальную группу личных советников короля, получавших именные приглашения в собрания Великого совета, к половине XIII в. получившего название *парламента* (*Parliamentum*). Вместе с духовными баронами (архиепископами, епископами и некоторыми аббатами) они и составили отдельную группу в парламенте, как он сложился к концу XIII в., его *Верхнюю палату*, или *Палату лэрдов* (the House of Lords).

Чтобы заседать в палате лордов, для этого недостаточно было быть непосредственным держателем короля, недостаточно было держать так называемую баронию (или так называемую «баронскую честь», «baronial honour»), равную приблизительно $13^1/_2$ рыцарских ленов; для этого нужно было получить специальное именное приглашение от короля, который мог звать и звал в верхнюю палату людей и другого круга, не своих феодальных держателей и прежде всего членов своего совета, своей малой курии, среди которых были судьи, опытные юристы, знания которых могли очень пригодиться собранию, решавшему сложные юридические вопросы. Это—очень характерное обстоятельство, вполне гармонирующее с общей постановкой феодализма в обладавшей сильной центральной властью Англии. Магнаты королевства, как светские, так и духовные, были феодальными держателями короля. Но не только это их качество определяло их право на участие в Magnum Concilium, потом в палате лордов, а и воля короля, главы сильного, крепко сплоченного централизованного государства, покоившегося на всесословных местных и бюрократических центральных учреждениях. Ввиду этого члены Верхней палаты едва ли не больше похожи на «мудрых» земли, которых англо-саксонские короли созывали на свои уитенагемоты, чем на членов первых двух государственных чинов расширенного феодального сейма, каким являются французские *генеральные штаты*. И это относится не в меньшей

мере к лордам светским, чем и к лордам духовным. Когда с течением времени укрепилась идея наследственности пэрства, окончательно установилась и вошла в жизнь доктрина, что лицо, получившее личное приглашение (a writ of summons) в парламент и фактически осуществившее это свое право заседать в верхней палате, тем становилось наследственным ее членом, пэром королевства, члены королевского совета были признаны не имеющими права участвовать в обсуждении дел в парламенте (произошло это уже в XV, а окончательно в XVII в.), хотя их продолжали приглашать. И в настоящее время судьи приглашаются в парламент, и для них есть места в палате лордов, которая и спрашивает у них их мнение, когда заседает в качестве высшего судебного трибунала.

Но если своей верхней палатой английский парламент хоть до известной степени напоминает французские Ètats Généraux и аналогичные им собрания государственных чинов, характерные для так называемой *сословной монархии*, как она сложилась на континенте Европы в качестве своеобразной формы широкой государственности, построенной на феодальных началах, зато его Нижняя палата представляет собою вполне оригинальный продукт английского политического развития. Если своей палатой лордов английский парламент отразил на себе английский феодализм во всем его своеобразии, то своей Палатой общин (the House of Commons) он всецело стоит на англо-саконской, дофеодальной и антифеодальной почве. Если только можно конструировать английский парламент как собрание государственных чинов, то помимо всяких других оговорок, нами отчасти уже указанных, необходимо выдвинуть и ту, едва ли не самую существенную оговорку, что составлявшие его нижнюю палату «общины», «Commons», имели очень мало общего с «третьим чином» (tiers état) генеральных штатов, представителями от городов, являвшихся в той или иной мере коллективными сеньерами феодальной Франции, представителями интересов торгового и промышленного классов. Английская нижняя палата представляла интересы не какого-нибудь одного класса, но интересы всей массы свободного населения Англии за исключением небольшой сравнительно группы светских и духовных лордов. Наряду с депутатами от городов в ней присутствовали так называемые *рыцари графств* (knights of the shire), представлявшие интересы всех свободных землевладельцев графств ниже ранга личных советников короны, как рыцарей, так и простых свободных держателей. Остановимся несколько на этом, самом своеобразном элементе английского парламента.

Нижняя палата английского парламента представляет собою концентрацию местных организаций: она есть палата общин (the House of Commons), т. е. собрание представителей организованных корпораций свободных людей (communitates или universitates), какими являлись графства (эти последние не были, правда, корпорациями в строго юридическом смысле) и посылавшие в парламент своих представителей города; она сама является организованной

корпорацией выборных представителей этих местных корпораций, communitas communitatum. Следует прибавить, что в слове «общины», «commons», с идеей корпорации, организованной совокупности свободных людей, слита, повидимому, еще и другая идея, идея о не пользующихся никакими специальными привилегиями, не имеющих особого личного status людях, людях простого, так сказать, звания (common men) в противоположность баронам и клирикам.

В своем месте мы обращали внимание на то оживление, которое внесено было в жизнь английского графства, этого главного наследия англо-саксонской эпохи, реформами Генриха II, в особенности его судебной реформой, так расширившей компетенцию разъездных судей и так тесно связавшей их деятельность с «народными собраниями» (folkmoots) графств. Странствующие судьи могли отправлять свои функции только в собрании графства, которое для встречи их должно было собираться в более полном составе (plenus comitatus), чем обыкновенно, для чего шериф обязан был специально приглашать сюда и тех, кто в силу тех или иных привилегий не обязан был являться на обыкновенные месячные собрания графства, как-то: прелатов и баронов, двенадцать представителей от каждого из находившихся в пределах данного графства городов, которым их городские хартии давали право посылать своих двенадцать горожан в собрания графства только при появлении туда разъездных судей, а также и тех из простых рыцарей, которым удавалось получить от короля позволение не являться на обычные собрания графств и таким образом освободиться от очень тяжелой, сопряженной тогда с большими затруднениями и беспокойствами обязанности.

При изучении судебной реформы Генриха II мы видели, какое широкое участие в охране мира и права было предоставлено ею местным организациям, концентрировавшимся в графстве и его «народном собрании». Не только одни чисто судебные средства были в распоряжении графства для обеспечения общественного мира. На своих собраниях оно принимало самые разнообразные чисто полицейские меры и приводило в исполнение их, а также присланные сверху и выслушанные здесь распоряжения с помощью своих выборных представителей, как самостоятельно действовавших, так и помогавших шерифу в качестве местного главы исполнительной власти. Графства имели даже право выбирать на своих полных собраниях («in pleno comitatu»),—которые шериф созывал не только для встречи разъездных судей, но для самых разнообразных экстренных надобностей,—некоторых должностных лиц, ведавших делом охраны общественного мира, именно так называемых *коронеров* (coroner, в латинской форме coronator, иначе custos placitorum coronae), на обязанности которых лежало наблюдение за правильным отправлением правосудия по самым серьезным уголовным делам, подлежавшим исключительно королевской юрисдикции, по так называемым placita coronae и за правильным

поступлением в королевскую казну всех связанных с юрисдикцией по этим *коронным делам* судебных доходов, и так называемых *стражей мира* (custodes pacis), из которых впоследствии развились назначавшиеся королем мировые судьи, игравшие такую видную роль в местной жизни Англии. Графство являлось также и формой военной организации, и его шериф был естественным вождем и его феодального ополчения, поскольку оно состояло из непосредственных держателей короля (держатели других лордов выступали в поход под командой этих последних), и его народного ополчения, англо-саксонского fyrd, возрожденного изданной Генрихом II *Ассизой о вооружении* (Assize of Arms), обязавшей, как мы знаем, всех свободных людей запастись тем или иным сообразным достатку каждого вооружением, чтобы выступать по требованию короля на защиту королевства. Вспомним также, что в самом графстве, на его собрании, производилось через присяжных расследование об имущественном положении свободных людей, чтобы определить, какого рода оружием должен запастись каждый из них.

Выбор рыцарями и свободными держателями (составлявшими основу «народного собрания» графства) из своей среды представителей практиковался очень часто в течение XIII в. по инициативе правительства, которому часто приходилось обращаться к местным расследованиям для того, чтобы провести в жизнь ту или иную меру, а иногда даже приглашать к себе в центр местных людей, чтобы получить надлежащие сведения по занимавшему его в данный момент вопросу. Так, в 1215 г., после издания Великой хартии, Иоанн Безземельный послал шерифам приказ, чтобы в каждом графстве было избрано по двенадцати полноправных рыцарей для расследования подлежащих устранению худых обычаев. В 1226 г. Генрих III ввиду споров, возникших между некоторыми шерифами и населением их графств относительно толкования разных статей Великой хартии, разослал шерифам приказ, чтобы они в ближайшем собрании графства попросили рыцарей и почтенных людей графства («et in proximo comitatu tuo dicas militibus et probis hominibus bailliae tuae») избрать из своей среды четырех из самых полноправных и честных рыцарей («quod quatuor de legalioribus et discretioribus militibus ex se ipsis eligant»), которые должны затем явиться в назначенный срок в Линкольн и от лица всего графства изложить здесь сущность возникшего недоразумения («qui ad diem illum sint apud Lincolniam pro toto comitatu, ad ostendendum ibi querelam quam habent»)[1].

Не будем умножать примеров: и приведенные в достаточной мере иллюстрируют правительственную практику в этом направлении. Едва ли не самой важной стороной участия местных организаций средневековой Англии в общегосударственной жизни является та роль, которую играли графства в фискальной деятельности

[1] Select Charters, p. 357, 358.

государства. Она-то, эта роль, в конце концов, и привела представителей графств в парламент в качестве постоянных его членов. Но не будем забегать вперед. Правительство, когда ему нужно было раздобыть необходимые для него денежные средства, созывало Великий совет, куда оно приглашало именными письмами светских и духовных баронов короля, и здесь от имени короля договаривалось с каждым из них, торговалось и запрашивало, пока ему не удавалось добиться от них желаемого в виде того или иного налога под тем или иным наименованием, подлежавшего уплате не только со стороны самих договаривавшихся, но и со стороны их держателей, а также со стороны массы средних и мелких вассалов короля, как рыцарей, так и простых фрихолдеров, а также горожан, которые не были, подобно крупным tenentes in capite, приглашаемы королем для личных переговоров.

Раскладка налога производилась, конечно, не в этом собрании. Это было сложное дело, требовавшее конкретного знания местной жизни, и компетентным в нем могло быть—самое большее— собрание графства. И действительно, собрание графства и ведало это дело через посредство избиравшихся им для этой цели, а также для сбора налога комиссий из рыцарей и фрихолдеров графства. Если обложению подлежала земля, т. е. когда взимался так называемый scutage (щитовые деньги с рыцарских ленов) или hidage, или carucage (налог с каждой *гайды*, или *карукаты*, т. е. с земли, возделывавшейся полным плугом, caruca), налог со всякого свободного держания, то раскладка отправлялась от готовых данных земельного кадастра, каким являлись Domesday Book и другие документы более позднего времени; но когда налогу стала подлежать и движимость, когда король получал от баронов разрешение взять с населения *десятую, седьмую* или *тринадцатую деньгу*, то графству приходилось озаботиться и выяснением имущественного положения каждого из плательщиков, и для этого оно прибегало к излюбленному со времени *Великой переписи* средству, присяжному расследованию.

Таким образом, в сфере обложения у графства было много дела и много возни с королевскими чиновниками, как местными, так и приезжавшими из центра (например, разъездными судьями, чиновниками из Палаты шахматной доски и т. п.), и это была сфера, в которой ему приходилось едва ли не чаще, чем во всякой другой сфере, применять принцип выбора представителей. Королевская власть, по мере развития обложения движимости, стала посылать в графства своих агентов не только для того, чтобы получить с жителей графства ту или иную заранее разрешенную и определенную сумму, но иногда и с несколько иными целями: случалось, она поручала им договориться с графствами относительно той или иной суммы, и графства через своих выборных представителей заключали с королевскими чиновниками каждое свой отдельный договор, который и приводили в исполнение с по-

мощью своих обычных средств. Да и в случаях более ординарных, т. е. когда общая сумма налога была заранее разрешена и определена в Уэстминстере, роль графства далеко не была чисто исполнительной: и в этих случаях королевским агентам приходилось вести много предварительных разговоров с выборными представителями графств, прежде чем эти последние принимались за раскладку и сбор налога, и в результате этих переговоров сумма, за сбор которой брались, наконец, представители графства (обыкновенно рыцари, а то и простые фрихолдеры), далеко не всегда совпадала с той, какую рассчитывали взять с графства королевские слуги.

Раз королевской власти приходилось через своих агентов вести переговоры с выборными представителями графств на местах, в собраниях самих графств, то отсюда был один лишь шаг до приглашения этих представителей в Уэстминстер, чтобы здесь договариваться с ними по тому или иному, финансовому прежде всего, вопросу. И шаг этот сделан был уже в начале XIII в., именно в 1213 г. (17 ноября), когда Иоанн Безземельный для противодействия баронам, уже решительно выступившим против него и организовавшим свои силы, разослал всем шерифам приказ, чтобы они пригласили к нему в Оксфорд всех рыцарей своих графств в вооружении и безоружных баронов, а также *по четыре доверенных человека от графства* (quatuor discretos homines de comitatu) для обсуждения с королем государственных дел («ad loquendum nobiscum de negotiis regni nostri»). Неизвестно, состоялось ли это собрание. Если даже оно и состоялось, оно во всяком случае не закрепило сделанного правительством первого шага в направлении к представительству, и до 1254 г. мы не имеем сведений о чем-либо, подобном приказу от 17 ноября 1213 г. Зато в 1254 г. мы встречаемся с очень красноречивым в этом смысле фактом.

В этом году от имени королевы и графа Корнуоллского (король находился в Гаскони и вел войну с кастильским королем, сделавшим вторжение в эти владения английского короля) был разослан шерифом приказ (от 11 февраля)[1], в котором, между прочим, им предписывалось сделать распоряжение о том, чтобы от каждого графства явилось в Уэстминстер к ближайшей пасхе по два полноправных и уважаемых рыцаря (legales et discretos milites), выбранных для этого графствами («quos iidem comitatus ad hos elegerint»), чтобы они решили, какое пособие они желают дать королю в его затруднительном положении («ad providendum ... quale auxilium nobis in tanta necessitate impendere voluerint»); при этом шерифам рекомендовалось обстоятельно разъяснить представителям, которых выберут графства, всю затруднительность положения, в каком находится король, и этим склонить их к оказанию ему соответственной помощи. Мы уже останавлива-

[1] Select Charters, p. 375—377.

лись в своем месте на таких фактах, как приглашение главами организованного Бешеным парламентом временного правительства на собрание в Сент-Албанс по три рыцаря от каждого графства, как рассылка Симоном де Монфором после Льюизской победы шерифам от имени короля (от 4 июня 1264 г.) приказа, чтобы они прислали к троице в Лондон по четыре самых полноправных и честных рыцаря от каждого графства, выбранных для этого графствами («quatuor de legalioribus et discretioribus militibus dicti comitatus, per assensum ejusdem comitatus ad hoc electos, ad nos pro toto comitatu illo mittatis») для обсуждения совместно с прелатами и магнатами и прочими верными короля дел короля и королевства (de negotiis nostris et regni nostri), и как приглашение им в парламент 1265 г. по два рыцаря от каждого графства («duos milites de legalioribus, probioribus et discretioribus militibus singulorum comitatuum»), а также по два представителя («duos de discretioribus, legalioribus et probioribus tam civibus quam burgensibus») от городов Йорка, Линкольна «и прочих бургов Англии» (et ceteris burgis Angiliae).

Не будем перечислять случаев приглашения в парламент представителей от графств, известных нам из прямых и косвенных указаний источников, относящихся к первым двадцати трем годам царствования Эдуарда I, предшествовавшим созыву знаменитого «образцового» парламента 1295 г., с чрезвычайно полным составом которого мы уже познакомились довольно обстоятельно. Надо думать, что за это время приглашение в парламент рыцарей от графств стало уже обычным явлением, и к нему королевская власть прибегала с особенной готовностью в тех случаях, когда чувствовала нужду в деньгах (а мы видели, что Эдуард I ввиду своих континентальных отношений чувствовал в деньгах хроническую нужду). Так, в 1275 г. был созван Эдуардом в Уэстминстере парламент, куда вместе с прелатами и магнатами королевства были приглашены через шерифов и по два рыцаря от каждого графства, избранные в полном собрании графства, чтобы вместе с прелатами и магнатами трактовать с королем о состоянии королевства и о некоторых делах короля, которые он им изложит. С 1297 г., со времени издания так называемого статута De tallagio non concedendo, присутствие в парламенте рыцарей от графств становится не только обычным, но и необходимым.

Вопрос о том, кого, т. е. какие общественные элементы представляли два «полноправных и честных» рыцаря, избиравшиеся в собрании графства и за общину графства отправлявшиеся в Уэстминстер («et eos ad nos usque Westmonasterium pro communitate dicti comitatus venire facias»), чтобы вместе с прелатами и магнатами трактовать с королем о делах королевства («ad tractandum nobiscum et cum praedictis praelatis et magnatibus super negotiis praedictis»), после всего, что было сказано нами на предыдущих страницах, не требует особых разъяснений. Они представляли всех свободных землевладельцев графства без различия военных держателей

(собственно рыцарей) и простых фрихолдеров, непосредственных держателей короля и держателей других лордов, словом, всех тех, кто составлял общину (communitas) графства и на собраниях графства отправлял все те судебные, полицейские, административные и фискальные обязанности, какие вообще лежали на графстве, как на исконной организации местных сил для общегосударственных целей. Рыцари графства представляли в парламенте именно общину графства, состоявшую из всех свободных землевладельцев графства самых различных категорий, какие только могла создать феодальная система как система земледержания за соответствующие «службы». Все эти категории землевладельцев находили в рыцарях графства своих представителей, а не одна какая-нибудь из них, например держатели рыцарских ленов, так называемые благородные держатели или minores barones, младшие бароны; этих последних перестали приглашать через шерифов в Magnum Concilium, когда он превратился в парламент, куда являлись выборные рыцари от графств, и они слились с массой остальных свободных держателей графства, избиравшей своих представителей в палату общин; да и титул barones перестали к ним применять и их просто стали называть tenentes in capite (непосредственные держатели).

Феодализация, которой подверглось английское общество, не оказала на графство глубокого влияния. Оно попрежнему осталось самоуправляющейся частью общегосударственной организации. Этому не в малой степени содействовали и некоторые меры правительства, направленные к урегулированию феодализма, как требование Эдуарда I, чтобы все свободные держатели с доходом в 20 фунтов, чьими бы держателями они ни были, принимали рыцарское звание и несли королю рыцарские «службы», как статут «Quia emptores, пресекший субъинфеодацию и в конечном итоге увеличивший число непосредственных держателей короля, средних и мелких. Если первая мера немало способствовала стиранию социальных различий между рыцарями и простыми фрихолдерами, легко переходившими в разряд рыцарей, которые к тому же очень скоро перестали нести настоящую рыцарскую службу, уплачивая вместо нее деньги, и, таким образом, постепенно превратились в мирных сельских дворян-помещиков, таких же помещиков, какими являлись и фрихолдеры не рыцарского ранга, то вторая мера довела до минимума возможность образования чисто феодальных группировок с вполне партикуляристическими тенденциями, и без того не имевшими почвы после того, как все landsittende men Англии принесли Завоевателю общую клятву верности.

Средние и мелкие землевладельцы с самого Завоевания были опорою королевской власти против крупных феодалов, усиление которых было равносильно их собственному угнетению, и это обстоятельство являлось одним из элементов, объединявших всю эту массу среднего и мелкого люда в сознании солидарности своих

интересов как противоположных интересам крупного баронства, и конечно, элемент этот играл свою роль и в пределах графства. Сознание всеми средними и мелкими землевладельцами графства, без различия военных держателей и простых фрихолдеров, непосредственных держателей короля и второстепенных держателей, общности своих интересов в противоположность интересам магнатов должно было развиваться и благодаря тому, что до возникновения парламента их интересы, за исключением интересов младших баронов, которых, как мы знаем, приглашали через шерифов, не были представлены в commune consilium regni, и им приходилось подчиняться решениям, исходившим из собрания, составленного из одних крупных баронов, светских и духовных, не очень склонных принимать близко к сердцу интересы ниже стоявших и при случае, когда в их руки попадала и более сильная власть, весьма способных заставить массу почувствовать всю силу и всю тяжесть этой власти. Таким образом, феодализм, в виде внешней социальной оболочки воспринятый населением графства, благодаря особенностям истории феодализма в Англии не только не подкопал основ общественной солидарности графства, но даже усилил их и тем с своей стороны укрепил почву для деятельности графства как единицы местного самоуправления Англии на широком базисе всесословности, а вместе с тем и для участия его через своих выборных представителей в верховном собрании королевства.

Рыцари графств представляли в парламенте интересы свободных средних и мелких землевладельцев самых различных категорий. Крупные бароны, светские и духовные, не принимали участия в жизни графства: их держания освобождали их от обязанности являться в собрания графства, и даже к приезду странствующих судей они могли ограничиться лишь посылкой в plenus comitatus своих управляющих. Их интересы тянули к центру. Их ареной было не «народное собрание» (folkmoot) графства, но Великий совет, который и в парламенте не утратил своей особенности и индивидуальности, превратившись в палату наследственных советников короны, в Палату лордов.

Как ни сильны в социальном смысле могли быть лорды индивидуально, но не в Палате лордов должен был поместиться центр тяжести английской политической жизни. В этом сказалась определившаяся еще в момент завоевания общая постановка феодализма в Англии. Раз в commune consilium regni были допущены и представители интересов свободной массы, той самой массы, которая пересиливала феодальные элементы и отводила им сравнительно скромное место в политической жизни страны еще с Вильгельма Завоевателя, то этим было в основе определено взаимоотношение между верхней и нижней палатами парламента. К тому же интересы свободной массы были представлены не одними семьюдесятью четырьмя рыцарями графств, сильными своей солидарностью и своей органической связью с пославшими их местными организациями и далеко не склонными поступаться своим до-

стоинством перед баронами верхней палаты, не более рыцарями, чем и они сами. Уже одни они могли бы с честью отстаивать интересы свободной массы, и они действительно являлись в течение всех средних веков самым деятельным и независимым элементом в парламенте, и им, по общему признанию, палата общин обязана тем значением, какое она уже тогда приобрела.

К концу XIII в. английский город, уже в огромном большинстве случаев—особенно это относится к городам, находившимся на королевской земле,—обладавший тогда самоуправлением и правом самообложения, изъятый от вмешательства шерифа графства и его произвольных взиманий, свободно избиравший своих должностных лиц, имевший свой собственный городской суд и применявший в нем свое собственное городское право, регулировавший свою торговую и промышленную жизнь посредством купеческой гильдии (Gild Merchant) и ремесленных цехов (Craft Gilds), купивший все эти права «свободного города» (liber burgus) дорогою ценою у короля и у других лордов (если это был город не королевский), которые закрепляли их жалованными грамотами, но от этого не переставший быть органической частью государственного целого и органом общегосударственного управления в отличие от вольных городов континентальной Европы, какими были, например, итальянские городские республики, некоторые немецкие города и недолговечные французские «коммуны»,—являлся средоточием интересов уже успевших к этому времени приобрести большой социальный вес общественных классов.

Интересы эти, интересы движимого, денежного и прежде всего торгового капитала, должны были привлечь к себе внимание правительства и сделаться новым базисом для его фискальных комбинаций. Обложение движимости становится наряду с поземельным налогом в разных его формах одним из главных источников правительственных средств, и чем дальше, тем значение его все более и более увеличивается. Англия играла очень видную роль в качестве производителя и поставщика шерсти и кож, и эти предметы вывоза становятся главным объектом обложения и всякого рода фискальных манипуляций. В соответствии со всем этим интересы торгового капитала должны были получить и политическое признание, дать место представителям их в парламенте. Симон де Монфор, как мы знаем, и сделал первый шаг в этом направлении, призвав в парламент 1265 г. наряду с двумя рыцарями от каждого графства и по двое горожан («duos de discretioribus, legalioribus et probioribus tam civibus quam burgensibus») из Йорка, Линкольна и «прочих бургов Англии», а также от «баронов и честных людей» пяти портов, и с конца столетия приглашение в парламент по два представителя от городов постепенно становится таким же обычным явлением, как и призыв рыцарей графств. Характерной для средневекового английского парламента чертой сравнительно с представительными учреждениями других государств средневековой Европы является то, что представители

от городов не составляют в нем отдельного штата или чина. А между тем была опасность, что между ними и рыцарями от графств будет проведена широкая демаркационная линия благодаря тому, что король, в частности Эдуард I, находил для себя более удобным вступать в сепаратные соглашения с являвшимися в парламент в качестве городских представителей купцами и устанавливать таким путем пошлины на товары. Но опасность эта была устранена, так как попытки короля таким путем разрешать финансовые затруднения не нашли твердой почвы, и вся масса представителей, и от графств, и от городов, и сидела, и голосовала вместе и представляла лишь одно сословие общин королевства.

В стенах парламента горожанам не впервые пришлось встретиться с рыцарями графств. Когда они явились в первый раз в Уэстминстер, они встретились с рыцарями, как со старыми знакомыми. Они уже не раз встречались с ними in pleno comitatu при встрече разъездных судей и в других экстренных случаях. Во всех таких случаях города, лежавшие в пределах графства, должны были высылать в собрание графства по двенадцати представителей. В обычное время, на обычных ежемесячных собраниях графств горожане не обязаны были присутствовать: от этого освобождали их городские привилегии и, в частности, право иметь собственный суд внутри своих стен. Совместная деятельность на собраниях графства, возможные общие местные связи и общая потребность противодействия лордам в смысле отстаивания интересов пославших их общественных организаций от всяких возможных поползновений со стороны заседавших в верхней палате феодалов,—все это должно было постепенно сблизить рыцарей от графств с представителями от городов и сплотить их в одно организованное целое и сообщить нижней палате авторитет и силу, которых не имел и не мог иметь «третий чин» французских генеральных штатов, состоявший из одних горожан, предоставленных самим себе, лишенный той могущественной поддержки, какую депутаты английских городов находили у рыцарей графств. Не удивительно, что политический центр тяжести уже в XIV в. утвердился в нижней палате, в палате общин, в палате организованных корпораций всех свободных людей страны за исключением личных советников короны, вошедших в состав верхней палаты.

Чьи интересы, т. е. каких общественных групп представляли в парламенте рыцари от графства и представители от городов, мы уже знаем. Остается указать более точно, кем именно выбирались эти члены нижней палаты, какова была квалификация их избирателей. Нет оснований сомневаться, что уже с самого начала избирателями рыцарей от графств были все фрихолдеры, являвшиеся в полное собрание графства (plenus comitatus), но также и в том, что на выборы оказывали сильное давление местные магнаты, имевшие полную фактическую возможность проводить в парламент своих зависимых людей. В 1430 г. (8 Henr. VI, c. 7) был издан важный акт, регулировавший избирательное право

графств (the county franchise, как говорят англичане) на целых четыре столетия (до парламентской реформы 1832 г.): с этих пор избирателями могли быть лишь лица, постоянно живущие в графстве и владеющие свободным держанием, фриголдом, с ежегодным доходом по крайней мере в 40 шилл., причем не делалось никакого различия между непосредственными держателями короля и держателями его держателей, других сеньеров, между держателями военных держаний и держателями простых держаний (socage tenure). В приказах шерифам (writs), в которых король повелевал им прислать в парламент избранных представителей их графств, точно определялась социальная категория, к которой должны принадлежать эти представители: как общее правило, ими должны были быть два рыцаря, опоясанные мечом. Но это правило почти всегда нарушалось, и многие так называемые рыцари от графств (the knights of the shire) не были рыцарями; ввиду этого в 1445 г. было признано достаточным, чтобы они были сквайрами (notable squires), джентльменами по рождению, способными сделаться рыцарями, но отнюдь не йоменами и ниже того.

Избрание представителей от городов происходило, повидимому, в самых городах, и в собрании графства лишь сообщали, кто выбран от горожан. Кем именно выбирались городские представители в парламент, об этом мы имеем очень мало сведений, относящихся к царствованию Эдуарда I (1272—1307 гг.) и к значительно более позднему времени. Можно только с уверенностью сказать, что в разных городах было по-разному, что становится вполне осязательным, когда мы получаем о городских выборах более обстоятельные сведения: в одном городе избирателями являлись все, имеющие свой очаг, в другом все, кто платил местные налоги (who pays scot and bears lot, по английской терминологии), в ином все, кто владел свободным городским держанием, а в ином лишь члены купеческой гильдии или члены тесной городской олигархии, причем более демократическая квалификация избирателей относилась к более раннему времени, а более олигархическая—к более поздней эпохе. Общего закона на этот счет не существовало, и каждый город был предоставлен в этом отношении самому себе и мог устраивать свою судьбу с помощью хартий, которые он покупал у короля.

Приказы об избрании городских представителей посылались, как мы знаем, не городам, а шерифу графства, и в его власти в значительной мере было решать, какие города его графства должны быть представлены в парламенте. Надо при этом прибавить, что горожане долгое время тяготились этим своим правом и смотрели на него как на обузу, от которой старались избавиться тем или иным способом. Это продолжалось до тех пор, пока нижняя палата не заняла видного положения рядом с палатой лордов, и представители городов из парламентских статистов, которых вызывали давать свое согласие на налоги, испрашиваемые королем и обсужденные его советом, не превратились в равноправных

с рыцарями и лордами вершителей судеб всей страны. Тогда право выбирать своих представителей и горожане стали ценить в должной мере, и число горожан в нижней палате стало быстро увеличиваться (в первом парламенте Генриха VIII—1509 г.—их было уже 224 человека; число рыцарей от графств оставалось неизменным—74 человека). Немногие города приобрели права графства и, получив тем самым право иметь собственных шерифов, были изъяты из-под власти шерифа окружающего графства (Лондон, Бристоль, Йорк, Нью-Кэстль, Норич, Линкольн, Гулл, Сауземптон, Ноттингэм, Ковентри, Кентербери); таким городам приказ выбрать представителей в парламент посылался прямо их собственным шерифам, и в них применялся закон о владении фригольдом в 40 шилл. дохода как о требуемой от избирателя квалификации. Как рыцари от графств, так и городские представители получали содержание от своих избирателей: рыцари от графств по 4 шилл. в день, представители от городов по 2 шиллинга.

В течение некоторого времени в палате общин присутствовали представители еще одного очень видного общественного класса. Это были депутаты от низшего духовенства. В письмах, приглашавших архиепископов и епископов в парламент 1295 г., король просил каждого из прелатов не только явиться лично, но и прислать в парламент приора капитула и архидиаконов, а также одного уполномоченного (procurator) от капитула и двух уполномоченных от духовенства данной епархии. Эта попытка Эдуарда I ввести в парламент представителей массы духовенства в противоположность духовным баронам, вместе с светскими баронами лично присутствовавшими в верхней палате в качестве постоянных советников короля, не имела успеха. Основанием для нее была все развивавшаяся практика обложения церковной движимости, т. е. церковной десятины и других чисто церковных доходов. Но духовенство предпочитало обсуждать и решать вопросы церковного обложения не в парламенте, а на своих собственных постепенно организовавшихся сословных собраниях, так называемых *конвокациях*, организованных на начале представительства и обыкновенно собиравшихся (одна в Кентербери для духовенства кентерберийской провинции, а другая в Йорке для йоркской провинции) одновременно с парламентом, и уже к половине XIV в. появление в парламенте представителей низшего духовенства вовсе прекращается, хотя приглашения в этом смысле попрежнему продолжали посылаться через архиепископов и епископов всякий раз, когда король звал этих последних в Уэстминстер для присутствия в верховном собрании королевства.

XI

Параллельно процессу конституирования парламента и в связи с ним совершался рост его компетенции.

1297 г. с его так называемым Statutum de tallagio non concedendo является, несомненно, решительным моментом в истории

парламентского режима в средневековой, да и не только средневековой, Англии. Парламент стал теперь необходимой составной частью ее государственной организации, так как без воли и общего согласия архиепископов, епископов и других прелатов, графов, баронов, рыцарей, горожан и иных свободных людей в королевстве никакой налог не мог больше взиматься королем. Если в этом статуте, в его французской версии (см. выше стр. 189—190) мы еще встречаемся с некоторыми оговорками, то в статуте, изданном в 1340 г. (14 Edw. III, stat. 2, c. 1), уже без всяких оговорок провозглашено, что налоги могут быть устанавливаемы лишь с общего согласия прелатов, графов, баронов и других магнатов и общин королевства, данного ими в парламенте, и с этого времени стало определенно незаконным деянием облагать страну прямым налогом без согласия парламента. А, между тем, феодальные доходы короля стали уже очень слабым и недостаточным ресурсом. Был у короля еще один ресурс—косвенные налоги. Тут руки короля пока не были связаны, и, вступая с купцами в сепаратные соглашения, он мог облагать их товары (шерсть и шкуры прежде всего) пошлинами, жалуя им за это всякие привилегии. Но скоро и этому был положен конец, и упорная борьба, которую вела палата общин против этой внепарламентской практики, к концу XIV в. увенчалась полным успехом, и статутами 1362 (36 Edw. III, stat. 1, c. 11) и 1371 г. (45 Edw. III, c. 4) в полную зависимость от парламента были поставлены и косвенные налоги, которые могли теперь быть вводимы (названы пошлины на шерсть, шкуры и кожи) лишь с согласия парламента.

Но парламент не только добился права ставить введение налогов в зависимость от своего согласия. Он сам взял это дело в свои собственные руки и стал во всей полноте осуществлять право облагать страну прямыми и косвенными налогами, и так как плательщиками являлись прежде всего те, чьи интересы были представлены в парламенте палатой общин, то неудивительно, что палата общин приобретает в этой области особенно большое значение и вес, и к концу XIV в. (с 1395 г.) налог уже разрешается общинами с согласия лордов, духовных и светских. В 1407 г. получил признание со стороны короля Генриха IV принцип, что инициатива в деле налогов принадлежит палате общин, и только после того, как будет достигнуто согласие обеих палат, о состоявшемся постановлении доводят до сведения короля. Церковные конвокации (кентерберийская и йоркская) обыкновенно следовали примеру общин и облагали церковные доходы духовенства в соответствии с тем налогом, какой общины налагали на мирян и на нецерковные доходы церкви. Надо при этом иметь в виду, что налоги постоянные были большой редкостью в средние века, и что обыкновенно налог вводился лишь для данного случая, редко на два, на три года, и это делало необходимым созывать парламент ежегодно, особенно, когда началась Столетняя война с Францией, и тем укрепляло почву под его ногами, облегчало рост его полити-

ческого значения и увеличивало его авторитет и его притязания.

Добившись права вводить налоги, парламент, естественно, заинтересован был и в том, чтобы получаемые таким путем правительственные средства получали и надлежащее назначение, и заявляет притязания на право, вводя налог, ставить ему определенную цель. Не ограничиваясь этим, он начинает требовать от правительства представления отчетов в израсходовании полученных от налога сумм. В 1379 г. король (Ричард II) представил свои отчеты, и с этих пор регулярно в парламенте назначались казначеи для хранения разрешенных парламентом субсидий, которые и должны были представить к следующему парламенту отчет об их израсходовании, а в 1406 г. общинам было разрешено избирать лиц для выслушивания этого отчета.

Больших успехов добился средневековый парламент и в сфере законодательства. И тогда различали два вида законодательных актов: статут и ордонанс (закон и указ); но это различие не сразу установилось в своем юридическом существе, но лишь постепенно, в связи с ростом парламента и его прав. Окончательную формулировку, удержавшуюся и до настоящего времени, понятие статута получило уже в царствование Генриха VIII (1485—1509 гг.). Согласно этой формулировке, статут есть королевский акт, изданный «с согласия», иногда говорится «с совета и согласия», «лордов духовных и светских и общин в парламенте собравшихся и властью сказанного парламента». Слова «властью сказанного парламента» встречаются уже и раньше (в 1421 и в 1433 гг.). Таким образом, статут получает свою силу от всего парламента, и общины и лорды участвуют в издании его на равных правах, давая советы, согласие и власть. В XIV в. роль общин в законодательстве еще не была так значительна, и статуты издавались королем с согласия прелатов, графов и баронов и по просьбе рыцарей графств и общин в данном парламенте, иногда по настоянию и специальной просьбе общин, а иногда упоминалось и согласие общин; в XV в. это согласие общин встречается все чаще и чаще, и оно становится, наконец, совершенно необходимым для того, чтобы сообщить закондательному акту характер статута; но уже в первой половине XIV в., в начале царствования Эдуарда III (1322 г.), было уже установленным принципом, что ничто не могло быть внесено в свиток статута, кроме того, что получило согласие короля, лордов и общин; в том же столетии было признанной доктриной, что король не может с согласия лордов издавать статуты по петиции духовенства, не посоветовавшись с общинами, и в 1377 г. общины определенно потребовали, чтобы ни статут, ни ордонанс не издавались по петиции духовенства без согласия общин, и это требование получило молчаливое признание.

То, чего в своих петициях просили общины, осуществляя этим свою законодательную инициативу, не всегда вполне точно воспроизводилось в тексте основанного на них статута, который

составлялся в совете короля и издавался уже после роспуска парламента, одобрившего этот законодательный акт, и общинам часто приходилось в XIV в. выступать с протестами против такого рода неточностей. В 1414 г. этому был положен конец: на просьбу общин, чтобы в статут не вносились прибавки и убавки (additions nor diminutions), которые бы меняли смысл петиции (the sentence and intent asked), король дал свое согласие на то, чтобы «впредь» ничто не узаконялось в ответ на петицию общин, противоречащее их просьбе, чем они были бы связаны без их согласия» (Rot. Parl., v. II, p. 22). Таким образом петиция общин превратилась в билль, составленный в окончательной форме статута, и королю оставалось лишь или дать на него свое согласие, или отвергнуть, в первом случае формулой «le roy le veut» (король этого желает), во втором—«le roy s'avisera» (король посоветуется). Эти формулы остаются в законодательном обиходе и в настоящее время и сообщают статуту и в настоящее время подлинный характер королевского акта.

Бо́льшую свободу действий осуществлял король при издании другого рода законодательных актов, так называемых ордонансов, которые издавались королем с согласия одних лишь лордов, т. е. в Великом совете (Magnum Concilium), или королем в его Королевском совете. Великий совет еще продолжал созываться при Эдуарде II и Эдуарде III, и лишь постепенно была проведена черта между компетенцией его и парламента. Королевский совет в противоположность Великому совету и парламенту был постоянно и регулярно функционировавшим учреждением. Он вырос из прежней Curia Regis, малой курии короля, в результате диференциации ее, выделившей из нее Суд общих тяжб и Суд королевской скамьи и Суд Палаты шахматной доски, за которыми и закрепилось постепенно название curia (по-английски court), и оставившей за ней совещательные и административные функции. В отличие от commune consilium regni, т. е. Великого совета и парламента, он просто назывался Concilium Regis (Советом короля), а члены его conciliatores (советниками) или magnates de concilio. Повидимому, в него входили главные сановники государства, именно: юстициарий, канцлер и казначей, некоторые, а может быть и все, судьи королевской курии и некоторое число епископов, баронов и других членов, которые не имели других титулов и являлись просто советниками короля.

При Эдуарде I этот Королевский совет, до того времени бесформенный в своей организации, приобретает характер вполне оформившегося учреждения, и члены его приносят присягу, что будут давать добрые советы, защищать интересы короля, честно творить правосудие и не брать подарков. В это время отношения Королевского совета к Великому совету и к парламенту носят еще неопределенный характер; пока все идет гладко, не возникает никаких столкновений, и не чувствуется поэтому потребности в разграничении функций; и в парламенте, и в своем совете король и законо-

дательствует, и вводит налоги, и судит. С ростом парламента отношения эти принимают более определенный характер, и компетенция Королевского совета суживается. Тем не менее за королем в совете в XIV в. признавалось право в известных, достаточно неопределенных пределах осуществлять законодательную власть. Правда, король не мог при этом отменять или изменять статутов, и парламент признавал за ним право лишь на подчиненную законодательную власть, на издание ордонансов, имеющих лишь временное значение или регулирующих детали закона, проведенного через парламент.

Тем не менее и в конце средних веков границы законодательной власти короля в совете оставались еще неопределенными, и это одновременное существование двух законодательных инстанций—короля в парламенте и короля в совете—таило в себе немало опасностей, приводя нередко к конфликтам, иногда и очень серьезным и трагическим. «Какая польза от статутов, изданных в парламентах? Они не имеют никакой силы. Ведь король со своим ближним советом (cum privato consilio) обыкновенно изменяет или отменяет все то, что в прежде бывших парламентах постановила не только вся община королевства, но и сама знать»[1],—жалуется один современник по поводу статутов, изданных парламентом, созванным королем Ричардом II в 1382 г. Как раз при этом короле особенно обострились конфликты между королем и парламентом на законодательной почве, и общинам пришлось представить в парламент 1390 г. петицию и в ней просить, чтобы канцлер и Королевский совет не издавали после роспуска парламента ордонансов, противных общему праву или обычаям страны и статутам, в прежнее время изданным или предполагаемым к изданию в настоящем парламенте. Король дал ответ, что то, что делалось до сих пор, должно делаться и впредь, с сохранением королевской прерогативы. В 1399 г. явно стремившийся к самодержавию Ричард II был низложен (а потом и умерщвлен в заключении), и одним из выставленных против него обвинений было делавшееся им заявление, что законы—в устах и в груди короля, и что он по собственной воле может изменять и составлять законы королевства.

Не введенной в определенные рамки оставалась до конца средних веков и такой перешла в новое время и диспенсивная власть короля, т. е. власть ставить то или иное лицо вне действия статута.

Правом разрешать налоги и издавать законы в форме статута не исчерпывалась компетенция средневекового парламента. Ему принадлежала еще и судебная власть. Если выражение «король

---

[1] «Multa sunt et alia quae statuta sunt ibidem. Sed quid iuvant statuta parliamentorum cum penitus expost nullum sortiantur effectum? Rex nempe cum privato consilio cuncta vel mutare vel delere solebat quae in parliamentis antehabitis tota regni non solum Communitas sed ipsa nobilitas statuebat». *Walsingham*, Hist. Angl., v. II, p. 48; Chron. Angl., p. 333. (приведено у *Stubbs*, в Constitutional History, v. II, p. 618, p. 1).

в парламенте» в применении к законодательной деятельности означает парламент в его целом, с его палатой лордов и палатой общин, то в применении к судебной роли парламента оно обозначает одну лишь палату лордов. Судебные функции исстари осуществлял король в собрании прелатов и баронов, и такой порядок сохранялся в неприкосновенности и тогда, когда в разрешении важнейших дел в государстве наряду с прелатами и баронами стали принимать участие и представители от общин королевства. Нижняя палата, повидимому, никогда не оспаривала этого исключительного права верхней палаты.

Три рода дел подлежат ведению палаты лордов как высшего судебного трибунала: 1) она судит пэров (собственных членов), обвиняемых в измене или в другом тяжком преступлении (обозначаемом имеющим не совсем определенный смысл термином felony), причем, если в данный момент нет парламентской сессии, то пэра судит лорд сенешал (Lord High Steward), ассистируемый группой пэров по его выбору; 2) она действует в качестве верховной судебной инстанции, исправляющей чисто юридические ошибки всех более низких судебных инстанций; 3) она поддерживает обвинения как против пэров, так и против членов палаты общин, возбужденные в палате общин; эти возбуждаемые в нижней палате и передаваемые ею в палату лордов обвинения носят техническое название impeachments, и первый случай их относится к 1376 г., когда в так называемом Добром парламенте короля Эдуарда III были обвинены нижней палатой перед верхней камергер короля лорд Латимер и сомнительный финансовый делец, его соучастник, некто Лайэнз (Lyons). От impeachment, представляющего собой настоящий судебный процесс, надо строго отличать так называемый act of attainder (иначе act of pains and penalties), издаваемый парламентом (или, выражаясь точнее, королем в парламенте, что относится и ко всем статутам) статут (т. е. чисто законодательный акт), осуждающий на смерть или иную кару кого-либо без судебного разбирательства и без соблюдения каких-либо судебных формальностей.

И сделанный нами краткий очерк того, чего достиг английский парламент в средние века, дает нам, как нам кажется, основание утверждать, что уже тогда верховная власть в государстве перестала быть уделом одного лишь короля и стала уже в значительной мере и достоянием парламента, в котором заседали уже на равных правах лорды и общины королевства, и последующим векам оставалось лишь закрепить это положение и превратить его в бесспорный государственноправовой принцип, гласящий, что верховная власть в королевстве находится у короля и у парламента.

XII

В это время немалые изменения произошли и в судебной организации средневековой Англии. В своем месте мы видели, какую огромную перемену произвели в этой области реформы Генриха II,

сильно урезавшие компетенцию феодальных курий и поставившие рядом со старинными судами сотни и графства суды королевские, применявшие расследование через присяжных и организованные в форме полных собраний графств (plenus comitatus) под председательством приезжавших из центра членов Королевской курии, так называемых странствующих судей (iudices itinerantes, iusticiae ertantes), превращавших собрание графства в подлинную Королевскую курию, в ее выездную сессию. Тяжущимся предоставлялось на выбор обращаться или к старым судам, или к новым, и, естественно, что они предпочитали более современные формы процесса устаревшему судопроизводству старых народных судов и тем отодвигали их на задний план. Да и компетенция их все сокращалась, так что к концу царствования Эдуарда I (начало XIV в.) они могли разбирать лишь тяжбы, в которых имущественные претензии истца не превышали 40 шилл., а к концу XV в. и организация их претерпела серьезное изменение: к этому времени фрихолдерам (свободным держателям) графств предоставлено было право вместо себя посылать в ежемесячные собрания графства своих уполномоченных, и фактически дела решались здесь шерифом графства; расследование через присяжных так и не вошло в практику этих судов, и они продолжали применять древнюю процедуру (очистительную клятву и т. п.).

Феодальные курии также продолжали существовать, но они также постепенно утратили почти всякое реальное значение. Это надо сказать в равной мере и о курии для свободных держателей феодального сеньера, о так называемом «court baron», и о курии для вилланов и держащих землю на вилланском праве (in villenagio), о так называемом customary court или halimote. Уже к концу XV в. большинство courts baron существовало лишь по имени. Что до customary courts, то участь их была решена очень крупной социальной переменой, происшедшей в английском обществе к этому же времени. Мы разумеем постепенно совершавшееся фактическое исчезновение личного вилланства и взятие королевскими судами под свою защиту прав держащего вилланское держание. Держащий вилланское держание к этому времени уже назывался копихолдером (copyholder), от слова copy, копия, выписка из протокола манориальной курии, которая являлась юридическим документом, свидетельствовавшим о его правах на его держание, и если лорд в противность манориальному обычаю удалял его с держания, он получал теперь право иска против своего лорда в королевском суде (action of trespass). Таким образом, манориальный обычай стал теперь признанной частью общего права (Common Law) страны и из манориальной курии перешел в ведение судов королевских. Передача земли копихолдером другому лицу продолжала попрежнему происходить в манориальной курии через руки сеньера, как и всякие другие формальности, связанные с отношениями между лордом манора и его держателями, но манориальная курия уже перестала к началу XVI в. быть тем, чем она была

прежде, когда она являлась вершительницей судеб основной массы феодально зависимого населения средневековой Англии, и ее приговор не подлежал апелляции и самых высших судов королевства.

Та роль, которая некогда принадлежала собранию графства, его курии (the county court), как правящему учреждению графства с его судебными и административными функциями, перешла постепенно к новому учреждению, делавшему все большие и большие успехи, начиная с царствования Эдуарда I. Разумеем мировых судей (the justices of the peace). В XIII в. по временам назначали, а иногда и выбирали (в собрании графства) из рыцарей графства в помощь шерифу в его обязанностях по охране мира так называемых «стражей мира» (custodes pacis), которые должны были подвергать аресту преступников и выполнять и другие полицейские функции. В XIV в. стражи мира становятся постоянным учреждением, и их значение все увеличивается. В первый год своего царствования (1327) Эдуард III издает статут (I Edw. III, Stat. 2, c. 16), силою которого в каждом графстве для охраны мира были назначены уважаемые и полноправные люди (boni et legales homines). Статутом 1330 г. (4 Edw. III, c. 2) этим «стражам мира» предоставляется право принимать от обвинительных присяжных (grand jury) графства обвинения (так называемые indictments), направленные на тех или иных лиц, сажать под арест этих лиц, а обвинительные акты отправлять разъездным судьям к их приезду в графство, которые и будут разбирать эти дела в собрании графства. В 1260 г. статут 34 Edw. III, c. 1 повторяет, чтобы в каждом графстве были назначены для охраны мира один лорд и с ним трое или четверо из самых достойных людей в графстве и кто-нибудь из сведущих в праве, и они должны иметь власть арестовывать преступников, принимать от обвинительных присяжных обвинительные акты, направленные против этих лиц, а также выслушивать и решать всякого рода правонарушения (trespasses) и преступления (felonies), совершенные в графстве, согласно праву и обычаям королевства.

«Стражи мира», наделенные теперь высшей судебной властью, превращаются таким образом в *мировых судей* (justices of the peace). Силою статута 1388 г. они должны устраивать свои сессии четыре раза в год, чем было положено начало так называемым «четвертным сессиям» (Quarter Sessions) мировых судей, действующим и в настоящее время. Порядок назначения мировых судей установлен был окончательно в это же время, т. е. при Ричарде II (1377—1399 гг.) и в существенном остается в силе и теперь. Король назначает тех или иных лиц (они называются при этом поименно) судьями в таком-то графстве и уполномочивает каждого из них охранять мир и арестовывать преступников, а также уполномочивает каждых двух из них устраивать сессии для суда (с присяжными) над лицами, против которых представлено обвинение обвинительными присяжными.

Охрана мира путем подавления бунтов, ареста преступников и т. п. и устройство «четвертных сессий» для суда с присяжными над лицами, против которых представлено обвинение со стороны grand jury почти по всем преступлениям, кроме измены, с предоставлением более трудных казусов королевским судьям во время их разъездов,—таковы те широкие полномочия, которыми были наделены мировые судьи уже в средние века, и которые показывают, какое большое значение в сравнительно короткое время приобрел новый судебный и административный орган, которому и в дальнейшем предстояла большая общественная роль. Новое учреждение пользовалось большим доверием у парламента, который наделял его все новыми и новыми полномочиями, видя в мировых судьях людей своего круга, представителей местного дворянства, джентри, посылавшего своих представителей в нижнюю палату. Так, когда после чумы 1348 г. наступил рабочий кризис, и рабочие сильно подняли заработную плату, и против них был издан ордонанс и статут, неоднократно дополнявшиеся новыми статьями, то разбор дел о рабочих был передан в их ведение. В 1427 г. им была даже передана власть определять размеры заработной платы, а в 1494 г. они получают право контроля над шерифом, право выслушивать и разбирать жалобы на него, не прибегая к расследованию через присяжных, т. е. суммарным порядком, какой им предоставлено было применять и во многих других случаях. Во время своих «четвертных сессий» мировые судьи получали содержание в размере 4 шилл. в день, и эту плату, установленную в XIV в., они перестали получать лишь сравнительно недавно (в конце прошлого столетия). Они должны были быть состоятельными людьми, и этого требовал даже закон, предписывавший (статут 18 Henr. VI, 1439 г.), чтобы мировыми судьями могли быть лица, владевшие землей или держанием с доходом в 20 ф. ст. в год.

Сильно возросли за это время власть и авторитет центральных органов королевской юстиции—*Суда королевской скамьи*, *суда общих тяжб* и *Суда Палаты шахматной доски*. Если прежде судебные функции совмещались в них в той или иной мере с функциями административными, то теперь они превратились в чисто судебные учреждения. Мы уже видели, как сильно сократилась компетенция обыкновенных собраний графства в сфере гражданских тяжб (за ними остались лишь дела с имущественными претензиями не свыше 40 шилл.). Можно сказать, что почти вся гражданская юстиция перешла в руки заседавших в этих высших трибуналах ученых и опытных юристов. Провести строгую линию между сферами ведения этих верховных судов нелегко, тем не менее определенно можно сказать, что Суд королевской скамьи (the King's Bench) есть прежде всего верховный трибунал для уголовных дел, Суд общих тяжб (the Common Pleas) для гражданских тяжб, а Суд Палаты шахматной доски (the Exchequer)—для всех дел, связанных с королевским доходом.

Дважды в год (или около того) судьи верховных судов совершали свои разъезды по графствам, чтобы очищать тюрьмы и решать здесь уголовные дела, которые не рассматривались мировыми судьями на их «четвертных сессиях», а также те гражданские тяжбы, которые подлежали ведению высших королевских судов. В помощь прикомандировывали к ним местных землевладельцев. И в качестве странствующих судей королевские судьи уже были только судьями и уже перестали наряду с чисто судебными функциями выполнять и всякие другие королевские поручения фискального и всякого иного характера, как это бывало в старые времена, например при Генрихе II и позже. Не собиралось также для встречи их теперь, как это было прежде, полное собрание графства (plenus comitatus) из представителей сотен, деревень и городов. В собрании графства они находили уже в конце XIV в. одних лишь обвинительных присяжных (grand jury), которые и представляли собою все графство: прежний порядок оказался теперь слишком обременительным.

И сам институт присяжных подвергся за это время существенным изменениям. Это относится в равной мере как к применению этого института в гражданском процессе, так и к роли его в уголовной юстиции. В гражданском процессе двенадцать присяжных перестали быть свидетелями факта, сведущими людьми, чем они были до тех пор, и сделались судьями факта на основании данных, представленных сторонами и свидетельскими показаниями. Что до присяжных в уголовных делах, the grand jury, то перемена заключалась в том, что составляющая grand jury группа в 23 человека из уважаемых людей графства, дававших клятву, что они будут делать представления о лицах, которых они лично имеют основание считать совершившими то или иное преступление, чтобы затем эти лица были арестованы и судимы другой коллегией присяжных, так называемым *малым жюри* (a petty jury), теперь перестали быть людьми, составляющими обвинительные списки на основании личного знакомства с делом, и уже к концу XV в. их роль сводилась к тому, что они давали или не давали ход обвинению, возбуждавшемуся лицами, лично знакомыми с делом. Такое обвинение представлялось им в письменной форме тем или иным лицом и называлось a bill of indictment, и они выслушивали от представившего его доводы в пользу обвинения и уголовного преследования и, если находили правдоподобной виновность обвиняемого, то, не выслушивая доводов в пользу защиты, делали на обвинительном акте надпись «a true bill» (правильный билль), и обвиняемый предавался суду малого жюри; если же находили доводы обвинителя неубедительными, то надписывали на его билле «no true bill» (неправильный билль); прежде писали «Ignoramus» (не знаем), и обвиняемый оставался на свободе, что не мешало ему вторично обвиняться за то же дело. Надо заметить при этом, что тогда подвергшемуся обвинению со стороны большого жюри предоставлялось на выбор или судиться у малого жюри, или прибегнуть к судебному поединку.

Для того чтобы вердикт малого жюри был призван действительным, уже в конце средних веков требовалось единогласие всех двенадцати его членов, что является господствующим правилом и в настоящее время. Уже тогда суд с присяжными прочно утвердился в английской судебной практике и стал предметом национальной гордости англичан, неведомый судебным порядкам тогдашней Франции, между тем как зародыши его, как это мы видели в своем месте, были занесены нормандскими завоевателями из самой Франции, где для развития их не оказалось соответствующих условий, которые оказались налицо в Англии и сделали возможным этому чужеземному ростку вырасти и развиться в специфически английское учреждение, чтобы затем стать достоянием и всего культурного мира.

В заключение прибавим, что к концу средних веков развиваются и чисто судебные функции Королевского совета, что приводит к выделению из него суда так называемой *Звездной палаты* (the Court of Star Chamber), ведавшего важнейшие уголовные дела и *Канцлерского суда* (the Court of Chancery), разбиравшего гражданские споры и применявшего для их решения постепенно сложившиеся наряду и в противовес к нормам общего права (Common Law) нормы того, что носило название *справедливости* (Equity). Им предстояла большая роль в политической и правовой истории Англии уже по выходе ее из средних веков.

W. Stubbs, The Constitutional History of England, v. II—III, MDCCCCVI—MDCCCCIII.

W. Stubbs, Select Charters, Eight edition, M. DCCCCV.

G. B. Adams, The Origin of the English Constitution, Enlarged Edition M. DCCCCXX.

Bémont, Simon de Montfort comte de Leicester, 1884.

Richardson, The National Movement in the Reign of Henry III, 1897.

F. M. Powicke, Some observations on the Baronial Council (1258—1260) and the Provisions of Westminster (в Essays in Medieval History presented to Thomas Frederick Tout), 1925.

E. F. Jacob, Studies in the Period of Baronial Reform and Rebellion, 1258—1267 (Oxford Studies in Social and Legal History, ed. by Vinogradoff. Vol. VIII, 1925).

R. F. Treharne, The Baronial Plan of Reform, 1258—1263, Manchester 1932.

Д. М. Петрушевский, акад., Памятники истории Англии XI—XIII вв., 1936 г.

F. W. Maitland, The Constitutional History of England, 1911.

A. F. Pollard, The Evolution of Parliament, Second edition, revised, London 1926 г.

Pollock and *Maitland*, The History of English Law, v. I, 1898.

E. Boutmy, Le développement de la constitution et de la société politique en Angleterre, Paris, 1887.

Для первоначального ознакомления с английской средневековой историей рекомендуется «Краткая история английского народа» в переводе Богучарского (под ред. Н. Н. Шамонина), вып. первый, Москва 1897 г.

ПЕТР ИВАНЫЧ БИБЛИОТЕКА СВЕРДЛОВСК II

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От издательства III
От автора V
Предисловие VI

Введение. ФЕОДАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА. . . . . 1—13

Глава первая. АНГЛО-САКСОНСКОЕ РАЗВИТИЕ.

Историческая справка. I. Политический строй англо-саксов: деревня и ее организация, сотня и сотенное собрание, графство и собрание графства, город, уитенагемот, король, правительственные средства. II. Социальный строй англо-саксов: общие замечания, кэрлы, эрлы, лэты, рабы. III. Феодализация англо-саксонского общества и государства: 1. Рост служилой аристократии и материальное принижение массы. 2. Разложение старых общественных союзов и развитие частной власти как снизу (путем коммендации), так и сверху (путем королевских пожалований), возникновение феодального поместья (манора). 3. Общая характеристика процесса феодализации англо-саксонского общества и государства . . . . . 14—53

Глава вторая. НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ПЕРВЫЕ УСПЕХИ АНГЛО-НОРМАНДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

I. Нормандия и ее государственный порядок. Характеристика нормандского завоевания и его результаты. Церковные реформы. II. Королевская власть и феодалы при Вильгельме Завоевателе и при Вильгельме Рыжем. Тирания Вильгельма Рыжего, ее характер и ее значение. III. Генрих I и его Хартия вольностей, столкновение с церковью и компромисс 1107 г. . . . . 54—83

Глава третья. СМУТНОЕ ВРЕМЯ В АНГЛИЙСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ И РЕФОРМЫ ГЕНРИХА II ПЛАНТАГЕНЕТА.

I. Общие причины смуты. Король Стефан и его хартии. Расстройство в управлении. Междоусобная война и разгар смуты. Уоллингфордский договор. II. Общая характеристика царствования Генриха II. Очерк центральных учреждений английского королевства (Magnum Consilium, Curia Regis, Curia Regis and Scaccarium). III. Развитие церковной юрисдикции и Кларендонские постановления. IV. Судебная реформа Генриха II и институт присяжных. Военная реформа . . 84—120

Стр.

Глава четвертая. ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ.

I. Общее значение Великой хартии. Очерк движения, приведшего к Великой хартии. II. Анализ Великой хартии со стороны представленных в ней классовых интересов. Оценка Великой хартии со стороны удовлетворительности предложенных ею политических средств . . . . . 121—145

Глава пятая. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в. И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА.

1. Причины и характер общественного недовольства при Генрихе III. II. Кризис 1258 г. Бешеный парламент и Оксфордские провизии. III. Деятельность временного правительства для оздоровления местной администрации и искоренения злоупотреблений агентов короны и должностных лиц феодальных магнатов. Октябрьский парламент 1258 г. и его деятельность. Февральский парламент 1259 г. Providencia baronum Anglie и Ordinationes facte per magnates de consilio Regis. IV. Уэстминстерский парламент в октябре 1259 г. Communitas bacheleriae Angliae и Уэстминстерские провизии. V. Оценка реформаторской деятельности временного правительства современниками. Подъем средних кругов английского общества и их политические идеи. VI. Амьенская миза. Битва при Льюисе и конституция 1264 г. Парламент 1265 г. Поражение Симона де Монфора при Ивзгеме и Dictum de Kenilworth. Общая оценка политической борьбы второй половины XIII в. VII. Парламент 1295 г. VIII. Политический кризис 1297 г. и Confirmatio Cartarum. IX. Законодательная деятельность правительства Эдуарда I. X. Генезис парламента и характеристика его как своеобразного продукта политического и социального развития средневековой Англии. XI. Рост парламента и развитие его компетенции. XII. Эволюция судебных учреждений . . . . 146—222